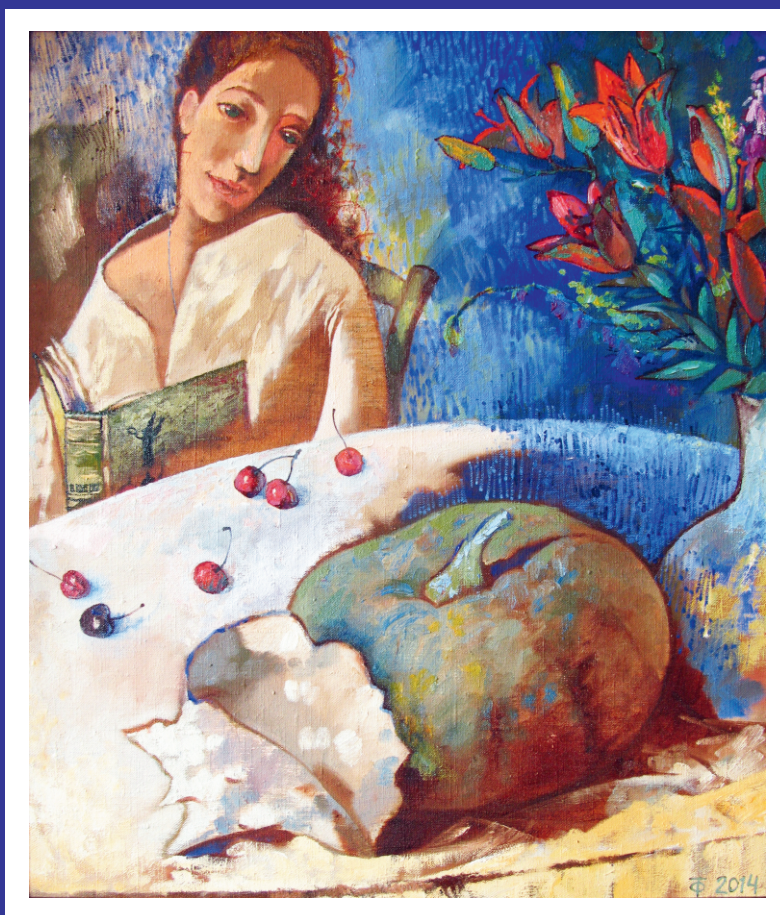

В 1(64)

ВРАТА СИБИРИ

Тюмень-2025

16+

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВЫХОДИТ С ДЕКАБРЯ 1999 года
два раза в год

учредитель
и издатель:
АНО
«Тюменская область сегодня»

Редактор, автор проекта
ИВАНОВ Л.К.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ:

№ 1 (64)

ГИМПЕЛЕВИЧ И.С.
КОЗЛОВ С.С.
МАРКОВА А.Ю.
СЕРГЕЕВ Д.А.
СЕЗЁВА Н.И.

Тюмень
2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ Z	
Игорь ВИТЮК	<i>Стихи</i> 3
Иван НЕЧИПОРУК	<i>Стихи</i> 8
Елизавета ХАПЛАНОВА	<i>Стихи</i> 11
Александр САВЕНКОВ	<i>Стихи</i> 15
Анаит АГАБЕКЯН	<i>Стихи</i> 19
Марк НЕКРАСОВСКИЙ	<i>Стихи</i> 22
Сергей КОНСТАНТИНОВ	<i>Стихи</i> 25
Николай КИРИЛЛОВ	<i>Стихи</i> 28
Кристина ДЕНИСЕНКО	<i>Стихи</i> 33
Валерий МУРЗИН	Ведьма 205-й бригады 39
Дмитрий СЕРГЕЕВ	<i>Стихи</i> 41
Валерий ЕРМОЛАЕВ	<i>Стихи</i> 43
Вячеслав ДЕВЯТКОВ	<i>Стихи</i> 45
Павел ПЛЮХИН	<i>Стихи</i> 50
Сергей ПЕРУНОВ	<i>Стихи</i> 52
Егор КОСИН	<i>Стихи</i> 55
К 80-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ. ТЮМЕНЬ ТЫЛОВАЯ	
Ирина АНДРЕЕВА	Дедушка 57
ПРОЗА	
Валерий МИХАЙЛОВСКИЙ	Святая женщина, или Вычурный эгоизм 62
Анатолий ОМЕЛЬЧУК	Лидеры моей эпохи 73
Ирина СТЕЦИВ	Блиц-воспитание 81
Александр ПЕТРУШИН	Белый паук Спасского собора... 91
Роман БЕЛОУСОВ	Пять встреч с неведомым 96
ПОЭЗИЯ	
Игорь ТОРОПОВ	<i>Стихи</i> 105
Вадим НЕРАДОВСКИХ	<i>Сонеты</i> 109
ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ	
Александр СТЕШЕНКО	<i>Рассказы</i> 113
Владимир МОЛДОВАНОВ	<i>Стихи</i> 118
Светлана РАДАЕВА	Снежный медведь Блондин 121
Сергей ДЮКАЛОВ	<i>Стихи</i> 124
МОЛОДЫЕ ГОЛОСА	
Анна НАУМОВА-ЛЯМИНА	Громушко гремит 128
Сергей КЛИШЕВ	Ту войну не забыть 132
ИРОНИЧЕСКИМ ПЕРОМ	
Николай БАШМАКОВ	<i>Рассказы</i> 135
Сергей ЦЕЛЫХ	<i>Басни</i> 138
Роберт ЯГАФАРОВ	<i>Рассказы</i> 141
ПУБЛИЦИСТИКА	
Леонид ИВАНОВ	Либерализм поддерживается государством 147
КРАЕВЕДЕНИЕ	
Андрей ДРОБИНИН	Пелагия и Иринарх, или Монашкин остров 151
Владимир УРЕЦКИЙ	Казань в судьбе Григория Распутина 164
ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ	
Наталья КОСПОЛОВА	Легенда о чёрной берёзе 172
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Надежда НИКУЛИНА	О повести Леонида Иванова «Резервация» 179
Александр БАЛТИН	Целостность Анны Неркаги 183
ДЕСЯТАЯ МУЗА	
Ирина ЯБЛОКОВА	Пилигрим в поисках потерянного рая... 184
Коротко об авторах 192

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ Z:

Игорь ВИТЮК

Сила V правде!

Мы в бой идём не славы ради,
Наш долг – Россию защитить.
Мы твёрдо верим: «Сила V правде!»
Мы – с правдой! – Нас не победить!

Не остановят нас преграды,
Мы знаем: «В Боге смерти нет!»
И жизни нет для нас без правды,
В ней – благодать и Божий свет.

В бою, на марше, на параде
Звучат на тысячах дорог
Слова святые: «Сила V правде!»
Мы – русские! И с нами Бог!»

Письмо с фронта

Ты дождёшься меня –
Точно знаю!
Я вернусь из огня! –
Обещаю!

Жди! – И силы найдёшь
Ты в молитве!
И беду отведёшь
В грозной битве!

Верю: в схватке любой
Всё осилю –
За тебя! За любовь!
За Россию!

Будет это зимой
Или в мае...
Но вернусь я живой! –
Точно знаю!

Герои Z

По ZOVу сердца мы уходим в бой! –
Нас позвала любимая Россия.
Мы связаны единою судьбой.
Благослови, Господь! – И все святые!

Мы будем верно Родине служить,
И «Сила V правде!» – это точно знаем!
Любой ценой должны мы победить, –
Как наши прадеды в Победном мае!

Готовность в наших душах и сердцах, –
Мы выполним задачи боевые!
Примерами останутся в веках
Герои славной армии России!

В поисках прощения

Громяхают русские грозы,
Громяхают во все времена.
В них – поэзия жизни и проза,
И извечная в душах война.

Ну и где же здесь русское счастье? –
Коль идёт нескончаемый бой
Между полнящей силы напастью
И теряющей силы душой.

Забывается Божие Слово
В битве левых и правых идей,
И взирает Господь наш сурово
На своих нерадивых детей.

Я бреду по России безбрежной
Сквозь свои и чужие грехи...
И себя утешаю надеждой:
Вдруг прощенье придёт за стихи?..

Учебная тревога

Гарнизон «заметался» в огнях,
И сирена протяжно взывает.
Бьётся мысль неотступно в висках:
«Вновь – учебная? Иль – боевая?!»

К моему ты прижалась плечу,
Взгляд – взволнованный, даже тревожный.
Я тебе на прощанье шепчу:
«Не волнуйся... Ну, разве так можно?»

Что-то сбивчиво хочешь сказать
И целуешь меня на пороге...
Жизнь отдам, только б эти глаза
Лишь учебные знали тревоги.

Победу одержит российский солдат

Гордимся мы нашей великой страной
И Русского мира столицей столиц,
Но темные силы грозят нам войною,
И вновь беспокойно у наших границ.
Познали Берлин, и Париж, и Варшава,
Что русский солдат справедлив и силен.
Но если война, – мы вернемся за славой –
В сиянье российских победных знамен.
Сильны наши воины духом народным,
Никто никогда не сломил наш народ!
И будет врагам наказаньем Господним
Всегда – Авиация, Армия, Флот.
С надеждой глядит Русский мир на Россию.
И знает и враг, и спасенный собрат,
Что огненной мощью и вежливой силой
Победу одержит российский солдат!

Сестра милосердия

*Медицинским сёстрам
военных госпиталей*

На меня ты напрасно сердишься
За невинную шалость слов:
«Ты – моя сестра милосердия,
Я в тебя влюбиться готов!»

После встречи желанной и робкой,
Как сочащийся кровью порез,
Лёг на сердце татуировкой
Полумесяц и Красный крест.

Но зачем с каждым днём всё усерднее
Я твержу тебе вновь и вновь:
«Ты – моя сестра милосердия!
Ты – моя неземная любовь!»

Поколение Z

*Российским военнослужащим –
освободителям Украины от нацизма*

На Донбассе бушует война,
Гибнут русские братья в аду.
Украина от крови пьяна
В сатанинском нацистском бреду.

Над Россией звучит, как набат,
Благородного мщенья ZOV.
И бесстрашный русский солдат
Бросил сердце в кипящую кровь.

Он спокойно и буднично встал
В грозный строй поколения Z,
Чтоб прорваться сквозь огненный шквал
В долгожданный Русский рассвет!

Московские думы
(триптих)

Моей дорогой маме

1

В час предрассветный,
В короткий час,
О чём заветном
Мечтал не раз?
Как вдруг уйду я
В Святую Русь, –
В Москву крутую
И не вернусь.
Как брошу хату,
Свое село,
Чтоб стать солдатом
Друзьям назло.
Дивчина скажет,
Что я – москаль!
На дверь укажет,
А мне – не жаль!
Послужим верой!
Господь, спаси!
Став офицером
Святой Руси.

2

Но, как ни странно, –
Мечты сбылись.
И очень славно
Сложилась жизнь.
Щедра к желаньям
Моя Москва,
Исходит бранью
Вокруг молва.
А я – полковник,
К тому ж – поэт,
Но в снах сыновних –
Покоя нет.
Забыл я Киев,
Забыл Днипро.
Слова чужие
Гнетут перо.
И что я сыну
Смогу сказать?
Про Украину,
Про ридну мать?

3

Моя Украина –
Давно не Русь,
Там жить не файно¹ –
Сплошная грусть.
Кругом – чужбина,
И нет села.
Друзей судьбина
В гробы свела.
И без поблажки
Порублен сад,
Многоэтажки
В дыму висят.
Но в прежнем мире,
Где благодать, –
В пустой квартире
Тоскует мать,
В тиши лампадной
Молясь за нас
В час предзакатный,
В ненастный час.

¹ Красиво, хорошо (укр., польск.).

Иван НЕЧИПОРУК

Расцветший июнь

Июнь расцвёл – не передать в словах:
Бревню из бруствера пустило в рост побеги,
Окопы захлестнула мурава.
Земля кружилась, словно голова,
И время ехало на солнечной телеге.

Стеной взошли чабрец и молочай,
Был мир в тот миг почти что идеален.
Войною пахло как бы невзначай,
Спадал ремень с натёртого плеча,
И Ангелы-жнецы обстрела ждали.

Похолодание

Хороводит холод, свет не мил.
Этот ветер лют и быстрокрыл,
Свищет в кронах мартовского сада...
И не ясно, то ли Ангел вострубил,
То ли это отзвук канонады.

Потепление оказалось сном,
Бытие перевернув вверх дном,
Март в безумных корчится ужимках...
За моим простреленным окном
Вьётся одинокая снежинка.

Памяти Андрея Ширяева

Изгиб гитары лопнул, и ты, раскинув руки,
Подрезанный осколком, под яблоней упал.
И пошатнулось небо, разрывов стихли звуки,
Поехали деревья, и утонул вокзал.
Поэты – не поэты, войне нельзя без жертвы,
И в небо, словно птица, отправилась душа...

Опять казённый вздрогнет, огонь исторгнет жерло,
Кто в боине уцелеет – увы, не нам решать.

Глубокая

Марии и Екатерине Шибко

Душной ночью желтоокой
Вдруг настала тишина.
Снится раненой Глубокой,
Что окончилась война:

Дышат улицы цветеньем,
Голосами детворы,
Наслаждаясь птичьей звенью,
Негой солнечной поры...

Но вспорхнёт рассвет жар-птицей –
Ухнет канонады вой.
Мир Глубокой только снится
В этой пляске огневой.

Царство пуганых фазанов

Горемычная сентябрьская планета –
Поседевший от войны Донецкий Кряж!
Реки выпиты до дна, все песни спеты,
И застывшие над головой ответы
Не укладываются в хронометраж.

Это царство трижды пуганых фазанов
Не сдаётся. Этот край к тому привык,
Что не временем залечивают раны,
И историю назло эпохе бранной
Переписывает в новый чистовик.

Если мы выживем

Если мы выживем в этом огне,
В этом густом удушающем дыме
И, вспоминая о стылой весне,
Сможем ли мы укротить этот гнев?
Если Господь нас оставит живыми...

Сколько в сердцах накопили мы зла,
В списках утрат без конца и без края?
Нас угнетали тревога и мгла,
Мы выгорали от боли дотла.
Рок был над нами, как псина дурная.

Как это всё обнулить и забыть?
Нам говорили, что нужно быть выше.
Только обиды суровую нить,
Не оборвать, но и страшно хранить...
Если мы выживем, если мы выжи...

Даже на войне

Отцвели форзиции,
Сдав свои позиции:
У весны ротация – зацвела сирень.
Но безлюдны улицы,
Поднебесье хмурится,
Здесь автоматически человек – мишень.

Старой бесприданницей
Ходит смерть и мается,
Косит одуванчики, топчет зеленыя.
А мои окраины
Биты и изранены,
Плачутся околицы в фосфорных огнях.

А весна не ленится,
Всё цветёт и пенится,
Что ей до погибельных огненосных дней?
И с предельной грацией
Кружится в акациях –
Всё по расписанию, даже на войне...

Моим родителям

Здесь запах тополей родней
И ярче звёзды.
Я на исходе светодней,
Ловлю течение теней
Под грохот грозный.

За перелесок нет пути,
Ни вдоль, ни между,
И здесь покоя не найти,
И лишь пока Дзержинск затих,
Дышу надеждой.

Обрыдло всё давным-давно...
Безмолвность улиц
Не объяснить глубоким сном,
Ночами страх стучит в окно,
Но чаще пули...

Елизавета ХАПЛАНОВА

Будем жить

Мужчине за честь для страны послужить.
В том нет никакого секрета.
Уверенно скажет друзьям: «Будем жить!» –
И больше ни слова об этом.

О жарких боях не дознается мать,
Об этом не скажут невесте.
Служить так служить! Воевать? – воевать
С достоинством, верой и честью.

Лишь вздрогнет над ним голубой небосвод,
Завидев солдатскую ярость,
Услышав знакомую фразу: «Вперёд!»,
Что в русской крови прописалась.

И в схватке лихой он, мужчина-боец,
Познает свою же породу.
И грудью пойдёт на летящий свинец,
Не знамо ни леса, ни броду.

Но надо дойти. По-другому никак.
Добыть для России победу!
Сквозь дым рукопашных, сквозь ветер атак.
Сквозь память о подвиге дедов.

Мужчине за честь для страны послужить.
В том нет никакого секрета.
Уверенно скажет друзьям: «Будем жить!» –
И больше ни слова об этом.

Дом

Всё теплее воздух за окном.
Майский вечер шире и светлее...
Я молюсь за опустевший Дом
Так усердно, словно старец в келье.
Потому что должен быть у стен
Запах жизни, отпечаток счастья.
Чтобы мотылёк в окно летел
И касался тонкого запястья...
Чтобы дом не знал отныне бед,
И весну приветствовали птицы.
Чтобы поистерся горький след
в душах тех, кто всё же возвратится...

А город молится...

Крещенским холодом,
Позёмкой белою...
Сырым убежищем –
Тот год запомнится.
Летят над городом,
Смеясь над верою,
Снарядов полчища...

А город – молится.

И в день Крещения
К обряду вечному
Идёт народ честной –
И души полнятся
Церковночтением
и чудом вечера...
А рядом – снова бой.

И город – молится...

Накрыта истина
Пластом насилия...
Но души веруют,
Что Свет откроется! –
С такими мыслями,
И силой сильною,
И светлой мерою

Наш город молится!

Ангелы множатся...

Боль разъедает пространство и душу,
Мечется сердце меж морем и сушей,
Между слезами и тишью больницы,
Где от беды не укрыться... Не спится
Там никому. За холодной стенкой –
Стала недвижимой тонкая венка...
Прямо в окно, не предчувствуя мая,
Ангел Макеевки в небо взлетает.
Как понимать это время нам, Боже?
Ангелы – множатся... Мира – не больше...
В чём равновесие, сила святая?
Горнии кущи детей обретают.
Нам же, земным, – кровоточить от боли.
Но возрождать эту жизнь, это поле...
Вращивать пашню упрямо, сурово.
На смерть держаться – огнём или Словом.

На Руси

Ладаном пахнет воздух.
Господи мой, прости!
...Из песнопений создан
Тот, кто рождён на Руси.

Небо залито светом
Сквозь череду дождей.
Пахари и поэты –
Дети Руси моей.

Нет, не за лёгким счастьем
К свету бредёт душа...
Свечечка не погаснет,
А за душой – ни гроша!

В этом святая сила
Каждого на Руси.
В шёпоте негасимом.
«Отче наш, иже еси...»

Жду с победой

У тебя в окопе ни одной лампадки,
У меня бессменно – свечечка горит...
Ждёт тебя, родимый, верная солдатка.
И моя молитва – твой надёжный щит.

Руки б отогрела, коль была бы рядом,
Сердце бы хранила от лихой беды...
Будет мне, любимый, лучшею наградой
День, когда с победой возвратишься ты!

Помнишь, как встречали жаркие рассветы,
Как мечтали вместе путь пройти земной?
Верю, что вернёшься ты домой с победой,
Храбрый мой защитник,
долгожданный мой...

В преддверии рождественского перемирия...

Не дай нам, Господи, уныния, когда
Жестокий враг направил вилы против веры.
Когда зажжётся Вифлеемская Звезда,
Не дай в кумиры глупости химеру.
Не возгордится да не явит мощь
Противник Твоего великолепия.
Падёт пусть снег и разольётся дождь
Спасением в Рождественском вертепе.
Яви восход, где каждый будет жив, –
Пусть чудо совершится среди битвы.
И огради от подлости и лжи
Целительною силою Молитвы.

Наше слово

И. Нечипоруку

Нетленно Слово,
Где смысл оправдан.
И сила в коем,
Что в церкви – ладан.

Взойдёт над страхом,
Над тьмой, над смертью!
Взойдёт на плаху,
Пронзив столетье.

Пусть жгут бумаги,
холсты, знамёна!
Но слово наше
Оставит зёрна.

Не станет пеной
Земного ада...
Оно – нетленно.
Оно – как ладан.

Кто многое терял...

Кто многое терял, тот не спешит терять...
Кто был убит, тот ценит жизнь чужую.
К воскресшим адресам идём за пядью пядь
И Бога поминаем нынче все.

Эпоха бьёт ключом, взрывает в окнах свет,
Не отсидеться в тёпленькой квартире...
Поди же разберись, где истина, где бред.
Но цель ясна – она гласит о мире.

Задачи нет светлей, когда в прицеле – ночь,
А имена друзей уносит с ветром...
Но только б не упасть, успеть другим помочь,
Преодолев часы и километры.

Земля трещит по швам. И мы теряем след
Всех тех, кого бы накрепко да к сердцу.
Пройдёт пора потерь... Придёт черёд побед!
И можно будет сесть и отогреться.

Александр САВЕНКОВ

Произведения публикуются в авторской редакции

* * *

небо рушилось на дома,
камни брызгали ало...
так хотелось сойти с ума,
и не получалось.

накрывала и кровь, и боль,
жирная копоть...
так хотелось, чтоб мир — любовь,
а не окопы.

искорёженной жизни ось
просто вырвут, как жало...
запрягай, мужичок, «авось»,
трогай помалу.

* * *

январь, канун крещенья, иней
с ветвей слетает так картинно,
и мы бежим по паутине
протоптаных в снегу тропинок
в убежище, в слепую сырость,
где, позабыв о всяком зле,
дворовый кот покойно, с миром
спит на строительном козле.

* * *

бывает так, и было так, и будет:
внезапность, очертив незримый круг,
тасует судьбы на зеркальном блюде,
как мишуру на ледяном ветру...
ещё покоен дом и дети рядом,
и ужин на столе горячий, но
смерть за спиной стоит с холодным взглядом
и смотрится в разбитое окно...
и треснет время в деревянном чреве,
и протечёт забвением имён,
и дочке будет пять, а сыну — девять
отныне до скончания времён.

* * *

затишье... в оцеплении минут,
когда ничто не рвётся и не жалит,
ты слушаешь живую тишину
везде: в доме, на улице, в подвале,
ты слушаешь её до немоты,
до хруста пальцев, до ушного звона
и чувствуешь: меняются черты,
и тишина становится иконной.

Письма из ада

*Он, смеясь, ответил мне:
«встретимся в аду».*

А. Ахматова

I

она сказала: «встретимся в аду»
и если я всё верно понимаю,
то на беду, на страшную беду
в одном году сошлись три чёрных мая

II

я пишу тебе из ада
на слепом излёте дня:
кладбище разбито градом,
дом на линии огня,
хлеба нет, надежда только,
что поможет лямку бог
нам тянуть с соседским колькой,
раз уж чёрт нам не помог,
во владениях аида
шоколадный жирный чёрт...
ну, прощай, сестрёнка лида,
может, свидимся ещё

III

вот и медовый спас...
только б хватило сил:
рядом рванул фугас,
мальчик заголосил...
но и в своём аду
город ещё живой:
очередь в триста душ
за питьевой водой

IV

от страха – смех нервозно-сладкий,
а от смешного – не смешно,
где даже спящие с оглядкой
лихую коротают ночь.
быть может, всё свершится скоро,
но час здесь тянется сквозь дни
и люди так вкрапились в город,
что их стирают вместе с ним

V

им нет покоя – ангельский уют
саднит и колет там, где сердце билось,
им видно землю грешную свою
до мелочей, вплоть до своих могил...

VI

лучше войны никто не научит
самым простым вещам:
долго ли ждать,
что значит сущий,
стоит ли обещать
плачущим детям
детство как праздник,
светлый покров небес...
прошлой и будущей
выверив разность
веры в самом себе

VII

когда вы были молодыми,
именно в те полмига
подыскивал мне ангел имя
в апрельских книгах,
на тёмной дудочке играя,
смывая переливом нот
воспоминания о рае,
что будет всё наоборот,
и в разлинованной тетради,
как на фейсбуковой стене,
воспоминания об аде
запечатлеются во мне

VIII

пустые слёзы на щеках
под ветром стылым:
всё то, что мнилось – на века! –
сошло в могилу.
талдычат суетные дни
войны законы
да колоколенка бубнит
чудные звоны,
и чья-то жизнь длиною в шаг
из ада в царство,
пока другой душе душа
плетёт мытарства

IX

но мы друг другу стали ближе,
иного не нажив добра,
когда всю пытались выжить,
чтоб научиться умирать

X

и кто-нибудь потом напишет:
здесь люди-стены, люди-крыши,
как дети, мечутся во сне,
и кровь, как звон, в набрякших венах
о всех невинноубиенных
на диком поле наших дней.

Анаит АГАБЕКЯН

Город...

Город, лишенный надежд и отдушин,
сгорблен, сплетением улиц задушен,
мимо наростов из камня и стекол
время бесцельно идет самотеком.

Город болезненно серый в удушье
бьется в конвульсиях раненой тушей,
пригоршню гордости будто рассыпав,
стал он доступен ветрам ненасытным.

Крохи тщеславия смыло дождями,
город клаксонами суетно мямлит,
но от того, что все почести – первым,
взвинчены высоковольтные нервы...

Всюду засилье заржавленных истин,
воздух и тот обреченно-охристый –
город во власти тумана-воришки
больше не верит ни правым, ни пришлым.

Бог не спасёт и не выручит случай –
город утратами крайне измучен,
только живёт, несмотря на потери,
чья-то любовь рудиментом на теле.

В сезон дождей стоит пехота...

В сезон дождей стоит пехота
и артиллерия молчит.
Воюет ангельская рота,
из туч сооружая щит
над теми, кто не предал память
былой победы и отцов,
для тех, кто защищает знамя
и честь России от врагов.

Вода – небесный проявитель
миротворящего в войне.
В затишье, что дождями свито,
ты отдохни, солдат. Вовне
твою работу довершают
раскаты грома, струи вод,
благовествуя, дескать, маю
победным быть и в этот год.

На верёвках времени...

*Когда принадлежишь к ма-
ленькому народу, который
отказывается безропотно сле-
довать идеям народов больших,
то могущественные силы ста-
нут бомбить тебя бомбами,
и назовут их ангелами мило-
сердия. И забвение, позднее,
поможет с этим примириться.*

Эмир Кустурица

На веревках времени память народная,
на безветрии – как броня,
нависает плотным полотнищем, Родину
от неверия век храня.
Но порой слетаются издали коршуны
в земли вольные – взять своё,
и тогда бывают крылами их скошены
столпы истины, мол, гнильём
поросли они да состарились, в шутку ли
говорят: «Чересчур просты»,
разрывая память когтями жуткими
между делом на лоскуты.
Из рванины той для народа лоскутные
не одежды, а саван шьют...
Запугав людей, объясняют попутно им,
что история – миф, этюд,
или вовсе ложь праотцов беспричинная,
неуместная, как вопрос,
отчего заморские гости бесчинствуют
и повсюду суют свой нос?
А когда в разгар кровожадного пиршества
упрекнуть их рискнет пострел,
всех неравных, загнанных и не смилившихся
уравняет в правах расстрел.
И безумец явит толпе озарение,
что живыми нужней рабы,
большинство тогда поспешит во спасение
покориться и всё забыть...
Но вонзят Безвременье в сердце заточку им
аж по самую рукоять,
продолжая войнами, словно примочками,
от забвения исцелять...

В краю безначальных степей
нет ни масти, ни касты.
Живая земля не пропитана
духом стервятным,
лежит в облачении дивном
из угольных пластов –
под этим подрясником черным
созиждется святость...

Здесь воздух вибрирует болью,
как сердце поэта,
но всё же крепки и не вырваны
с корнем от скорби
живущие наперекор
всем ветрам и наветам,
став к Господу ближе,
чем крестик нательный к аорте.

Земле, испытываемой градом,
озоном и зноем,
преданье не ново, что ненависть –
битому козырь.
Но знающий истину
невозмутим и спокоен:
земля порождает шипы,
чтобы вырастить розы.

Вечер – словно беглец и вор,
будто с вышних сорвавшись крепей,
выпадает, как снег, как жребий,
на окрестный немой простор.

Там, где лавочка и плетень,
посеченные временем лица
растворяют в своих глазницах
будни брошенных деревень.

А на злобу прожитых лет,
пролетая, с небес взирают
белоснежные слепки рая,
прежде бывшего на земле.

Жизнь почти испита до дна...
Здесь её наполняют смыслом
лишь Почаевский лик Пречистой
и полночных небес глубина.

Марк НЕКРАСОВСКИЙ

Даже не думай о лете.
Хочешь согреться? Брось.
Ветер. Февральский ветер.
Всё продувает насквозь.

Ветер выбелит кости,
Тех, кто пришёл с войной.
Мы же идём не в гости.
Мы все идём домой.

Холодно. Адский холод.
С ветром он в унисон.
Мир наш войной расколот.
Степью идёт батальон.

Дикое поле, ветер...
Это всё наш Донбасс.
Мы за него в ответе.
Время выбрало нас.

Вот и всё. Пришла обратка.
Через боль, потери, кровь.
Что, теперь тебе не сладко?
Вспомнил «братскую» любовь?

Я не брат нацистской мрази.
Невозврата рубежи.
Помню ты кричал в экстазе:
«Москаляку на ножи».

Восемь лет по нам лупили,
Превращая жизнь нам в ад.
Не сумели, не добились,
А теперь тебе я брат?

Что, уже переобулся?
Что, теперь ты сам москаль?
Бобик сдох и шарик сдулся,
И тебя совсем не жаль.

Осень сыплет листья на дорогу,
Ветер их разносит по стерне.
Листья, листья... это письма к Богу.
От солдат, погибших на войне.

От солдат убитых, не зарытых
На полях, чьи косточки лежат.
От солдат убитых и забытых.
Жизнь отдавших за страну солдат.

Боже, Боже, как же так случилось?
Что реванш фашизма на Земле
Боже, Боже, окажи нам милость —
Дай потомкам победить в войне.

Осень сыплет листья на дорогу,
И горит земля моя в огне.
Листья, листья... это письма к Богу
От солдат, погибших на войне.

Эта пыль под ногами. Кровавая пыль.
Это всё, что осталось от нас после боя.
Кем я был, я забыл, что любил я забыл.
Не осталось тревог, не осталось покоя.

Время пыль разметёт. Мы травой прорастём.
Станем облаком, лесом, цветком зверобоя.
И на землю прольёмся весенним дождём
Чтобы смыть все следы от смертельного боя.

Сколько нас полегло в безымянность могил
Каждый ветром кричит: я ведь жил, я ведь жил...
Ветер гонит волной серебристый ковыль,
Что не век – то война и кровавая пыль.

На войне срок любви недолог
Смерть-разлука рядом идёт.
Пуля ранит, убьёт осколок...
Это как кому повезёт.

На войне такие порядки:
Не планируй, живи как в блиц.
Оттого любовь без оглядки.
Оттого любовь без границ.

Срок любви на войне недолог.
Это как кому повезло.
Пуля ждёт нас, и ждёт осколок,
Но мы любим смертям назло.

Блокпост и батюшка с иконой.
Его молитвы нам как щит.
Защита мы от силы тёмной
Враг не пройдёт, не победит.

Беснуется пусть вражья стая.
Зачем мы здесь – им не понять.
Здесь Русь стоит. Здесь Русь святая.
А Русь не будет отступать.

Пусть враг готовит наступление
Врагов здесь ждёт без славы смерть.
Мы славим духа возрождение
И разорвали рабства сеть.

Мины свист и все застыли дружно,
Словно смерть нам прокричала – «Хальт!»
Каждый знал, стоять совсем не нужно,
Но один я рухнул на асфальт.

Взрыв – и птицами летят осколки,
Мёртвых отделяя от живых.
Девушку узнал я по заколке
И не смог я опознать других.

Крепко бутyli обняв руками,
К маме прибежал домой с водой.
Мама с изумлёнными глазами:
«Ты ж, сыночек, стал совсем седой...»

На войне не думать о войне
Помогает только мысль о доме.
Раненый лежу я на стерне
У врага как будто на ладони.

Как стемнеет, будут меня брать.
Размечтались – не избегну плена.
Будут меня резать, убивать,
Наслаждаясь этим откровенно.

Не всегда везёт нам на войне,
Но забыл я о врагах и смерти.
Думаю о детях и жене.
Как спасти их в смертной круговерти?

Я последний свой держу редут
Здесь на поле, на стерне и в жиже.
Солнце село. Слышу, как ползут.
Окружают. Ближе, ближе, ближе...

Я гранаты отпустил чеку
Только так я близких сберегу...

Сергей КОНСТАНТИНОВ

Мой брат

Сколько б ни было в жизни дорог,
Мы всегда выбираем одну.
Ту, что помнит родимый порог.
Никогда не ведёт в пустоту,
Впереди испытания ждут.
Те, что мы называем судьбой.
Лишь по действиям нашим поймут,
Что добились мы жизни с тобой.
Кто-то жизнь проживет, как пескарь,
Что премудрым назвал наш Щедрин.
Кто-то жизнь проживет, как звонарь,
Что со звоном церковным един.
Кто-то выберет путь, что тернист,
Где покой только снится в тиши.
Не спортсмен, не сбежавший артист,
На защиту страны он спешит.
Так и брат мой – он выбрал свой путь
Твёрдо встал на защиту России,
Не за лайками, не чтоб хайпануть.
Он осознанно выбрал миссию.
Ты воюй, мой братишка, герой!
Мы тебя, здесь в тылу будем ждать.
Будем жить также жизнью одной –
Ты на фронте. А мы – помогать.
Вам окопных свечей мы зальём
Иль сплетем маскировочну сеть.
Мы гражданским посильным трудом
Вам поможем врагов одолеть
Ты мне скажешь, братишка: «Малая!
У тебя ещё жизнь впереди!
Она будет счастливой!» Я знаю!
Ты, братишка, себя береги!
Бей врага, побеждай, не жалея,
А мы здесь обеспечим вам тыл.
Для великой страны сыновей,
Для таких же героев, как ты!
Я скучаю! Я очень боюсь!
Ты вернись, я прошу, будь живой!
И ты знай – я тобою горжусь!
Я являюсь героя сестрой!
Мы едины. В одном мы строю,
Ты на много шагов впереди,
Но ты знай, что я рядом стою.
Ты спокойно к Победе иди!
Не волнуйся за маму и дом,
Я за всем пригляжу, помогу.
Мы едины, ты помни о том –
Вместе мы защищаем страну.

Все чаще, глядя в небеса,
Ищу я клин там журавлиный.
Я помню деда влажные глаза
И сказ его, что мы – непобедимы.
Но каждый раз по осени у дома
Дед, опершись на палочку, сидел,
А на лице его – была истома...
Он долго так всё в небеса глядел...
В такие дни мне бабушка шептала:
«Поди, внучок, и с дедом посиди, –
И продолжая, тихо причитала, –
Ты деда, вон, на озеро своди.
Возьмите удочки и весла и – айда,
Вон, проплывите вы хотя б до плёса –
Там клев такой, ну, в общем, как всегда,
А если нет – то сядьте на колеса.
Вон, мотоцикл с коляскою стоит,
Не заводил его, считай, неделю.
Не слышу, что он говорит?
Чтобы отстала? Все мы – надоели?»
А дед на лавке с посохом в руках
Так и сидел на лавочке тоскливо...
Ещё я помню слезы на глазах,
Что рукавом смахнул он торопливо.
Потом, как появлялись в небе журавли,
Он поименно называл ребят...
Летите, воины – приятели мои,
Ведь это же не клин, а строй солдат.
Потом искал прореху он в строю,
Что журавли построили на небе.
Как находил, то говорил: «Там я стою...
Прости, внучок, но ты пока не в теме».
Потом мы слушали Бернеса «Журавли».
Как повелось в деревне испокон,
К нам в гости приходили старики –
Такие же солдаты без погон.
Прошло с тех пор немало лет и дней,
Теперь и я гляжу наверх заворуженно
И провожаю в небе журавлей,
Как и мой дед, всех зная поименно.

Мои друзья, собратья вы мои,
Оставьте место вы в строю для командира.
За вас, за братьев отомстили мы,
Не посрамили чести русского мундира.
Летите с миром, братья-журавли,
И пусть на небесах вам будет ладно!
Я всех вас помню, братики мои,
Хоть говорю порой не очень складно.
Вы мне простите, что ещё живу,
Что вас закрыть собою не успел...
За вас за всех молебен закажу.
За упокой. За здоровье хотел.
Мы все уйдем за вами в небеса,
Вы место нам в строю своем оставьте.
А в зеркале я вдруг узнал глаза...
Я деда там увидел. Вы представьте!
Уж сколько лет, веков, тысячелетий
Нам мирно жить не позволяет враг,
И сколько же в строю том поколений
Стоит великое количество солдат!
Как наши деды, прадеды, мы встали,
Чтоб защитить Великую Страну.
И чтобы воины погибшие все знали,
Мы победим! Изгоним сатану!
Мы за Россию, мы за братьев отомстим.
Мы победим, вам заявляем с честью!
«Покойтесь с миром!» – братьям говорим, –
«В одном строю вы с нами... Словом, вместе!»

Пусть небо хмурится немного, не грусти.
А если кто обидел, ты прости.
Не трогай то, чего нельзя хватать,
Ведь жить с добром на сердце – благодать!
Творить добро по жизни – созидать.
И нет нужды чего-то разрушать.
Создай свой мир из света, мира грез,
Где нет войны, нет горя, где нет слез.
Живи! Живи на зло своим врагам,
Свой путь ты выбираешь только сам,
Люби добро, к любви своей стремись,
Откройся счастью – тебя встречает жизнь!

Николай КИРИЛЛОВ

Свечи России

Тихо шли машины караваном,
долгие прощальные гудки.
— Слышали? У Марьюшки с Иваном
сына с Украины привезли...

Мать рыдает, не находит места,
боль невыносимая сердец,
не успела мамой стать невеста,
постарел и сгорбился отец...

Бабушка сестрёнке младшей снилась,
(как она узнала, от кого?),
вновь живой на время притворилась,
так любила внука своего!

Ох, уж эти две последних ночи,
что отцу добавили седин,
остаются две красивых дочки,
а сыночек любимый был один...

Сёстры и невеста в голос выли,
мать от гроба еле отвели,
Все поочерёдно подходили
и бросали в яму горсть земли.

Новый крест поставили за полем,
молодыми полнится погост,
и вопрос у каждого:
— Доколе?
И ответ, действительно, не прост.

Со слезами ехали обратно,
морщились, вздыхали старики.
Что нам делать? Каждому понятно:
крепче зубы сжать и кулаки.

Вечерняя песня

Ах, как заалела спелостью рябина,
нарядилась к осени, загорелась вновь!
А на сердце Марьюшки только грусть-кручина –
проводила Марьюшка первую любовь.
Он уехал в армию молодым солдатом,
где на лицах воинов боевой раскрас.
Там сжигают молодость многие ребята,
оставаясь в памяти материнских глаз.

А рябина алая тихим тёплым вечером,
словно в платье розовом, вышла погулять,
Марьюшке без милого вечер делать нечего,
сколько ей печалиться и солдата ждать?
Целовал бы миленький эти губы алые,
и согласна Марьюшка милого любить,
чтобы после этого были дети малые,
чтобы было радостно им на свете жить!

Отдала бы Марьюшка всю себя любимому,
расцвела бы радостью, словно маков цвет!
Полетела б птицею на свиданье к милому,
но дорога дальняя, да и крыльев нет.
Ах, как заалела за окном рябина!
Будет долго Марьюшка косу расплетать...
и за что ей смолоду эта грусть-кручина,
и зачем надумали люди воевать?

В небо

Я не успел маме сказать
всё, что сказать надо.
Мне бы всего шаг добежать,
всё на войне рядом...
Вот и пришёл жизни конец.
Встать и идти мне бы,
но прилетел в сердце свинец,
рвётся душа в небо...

В небо, в небо,
в небо мой путь,
в синюю высь прямо.
Мне бы, мне бы
только взглянуть
снова в глаза маме.

В этом бою я не сумел
жизнь и любовь сберечь,
мама, прости, я не успел
раньше на землю лечь.
Мне бы побыть рядом с тобой,
дома давно не был,
вместо того, чтобы – домой,
я ухожу в небо...

В нашей судьбе выпало нам
жизни отдать красиво,
чтобы назло нашим врагам,
вечно жила Россия.
Белые стаи в небе летят,
их голоса слушай,
это печаль павших солдат,
светлые их души.

Помолитесь за нас

От дождей колея, как цементный раствор,
так колёсами тут перемешана глина.
Вся надежда на танк, на надёжный мотор,
да на то, что в пути не заложена мина.
Может, где впереди затаился фугас,
нам сберечь бы свой танк, все колёса и траки.
Наши мамы читают молитвы за нас,
чтобы чуть повезло нам сегодня в атаке.

Не всегда на войне выручает броня,
артиллерия нас не щадит, не жалеет,
но надежда и вера спасают меня,
и сегодня в бою экипаж уцелеет.
Мне нельзя умирать, я поклялся себе,
что дойду до конца, до намеченной цели.
Надо нам победить, чтобы жить и любить,
мы, по сути, ещё ничего не успели.

Помолитесь за нас, за победу в бою,
пусть удача хранит от тяжёлых ранений,
чтобы выжили мы у судьбы на краю.
Нас никто не заставит упасть на колени.
Вспоминаю наш дом, цвет зари за рекой
и тропинку в саду, и сирень у калитки...
Мы закончим войну, я приеду домой,
и тогда мы споём нашу песню-молитву.

Если кто-то меня найдёт...

(Рудаков Роман Александрович)

До последнего бой идёт,
неизвестно, что будет с нами,
если кто-то меня найдёт,
позаботьтесь, прошу, о маме,
о моей дорогой сестре,
позаботьтесь о младшем брате.
На военном сгорим костре,
своей жизнью за всё заплатим.

Свое имя ножом пишу
на кирпичной сырой стене,
до своих донести спешу
эту весточку обо мне.
Знали вы бы, как жить хочу!
До последнего бой идёт...
Вы поставьте за нас свечу,
если кто-то нас здесь найдёт.

Как положено, встретим смерть,
мы достойно уйдём, красиво,
если выпало умереть
за родную свою Россию.
Жизнь, как воск на моей свече,
а Россия – наш светлый храм.
Моя просьба на кирпиче:
не забудьте про наших мам...

Кристина ДЕНИСЕНКО

Волны души

Бьются метели о тихую гавань окна.
Звёзды на спинах китов распускаются мальвой.
Кухня – ковчег, и мне с палубы сонной видна
Синяя вечность над замком надежды хрустальной.

Лунные зайчики в снежную ночь пишут стих
На ледяных куполах недостроенных башен.
Стих там и здесь, здесь и там между строчек немых
Шёпот рояля порывом тоски взбудоражен.

Город, как сказочный порт, атакован и сдан.
Всё что прошло, то прошло, но на белой пастели
В ярких мазках оживает ночной караван
Девичьих грёз и страстей, что своё откипели.

Синюю вечность назад белый снег также мёл,
Только свеча нежных чувств не чадила огарком.
Поздно ли, рано ли мальвами выстелить стол,
Так, чтобы волны души вновь сомкнулись на ярком...

В менюэте туч

Неважно, скоро ли зима остудит солнца луч
Пропитанным прохладой иллюзорным шёлком бальных платьев
Возвышенных принцесс из рода несомненных туч,
Которые рождаются на свет лишь для того, чтоб плакать.

И маленьким дождём, и ливнем, и хрустальным льдом...
И скоро ли алтарь многоэтажной крыши вспыхнет снегом,
Не так и важно, как, проникнув на чердак тайком,
Услышать в менюэте туч размытое закатом эхо

Признаний, непроизносимых вслух в не ровен час,
Когда холодный город замкнут, безнадёжен, бессловесен,
И на антеннах, как на сложенных крестах, таясь,
Молчат растроганные ангелы таинственным процессом.

И я не жду от неба снегопада... Или жду...
Луна венцом безбрачия цепляет длинных юбок пышность,
И тучи белым снегом снова плачут там и тут,
А я свыкаюсь с тем, что ты мне только кажешься и снишься.

Оброненные сновидения

Махровых ирисов стыдливые бутоны в тон весны
Объяты северным сиянием февральского рассвета.
Тебе не спится, и к балконному окну обращены
Зелёных глаз глубокие озёра в грусти несусветной.

Ты видишь, как единороги пьют росу с полярных звёзд,
Как ветер заплетает в глянцевые гривы миг и вечность,
И деву, на которой клином зарево надежд сошлось,
Такое яркое, что можно не касаясь им обжечься.

Луна дрожащим нимбом притаилась в рыжих волосах.
Не как иначе, ангел взвесил все твои мечты и тайны...
Весы на тонких нитях «можно» и негласного «нельзя»
Колеблются, магически звеня звеном необычайным.

На сарафане вытканы букеты сарацинских мят.
Твой необычный ангел прячет за спиной тугие крылья.
Расправит птицей и над пропастью возжаждет полетать,
Той самой, в чью бездонность боги сладкий сон твой обронули.

Ты мне нужна

Вне всяких смыслов, вне нелепостей мечтать
Ты снизошла под блюз осенних веток
В надетом платье на нетронутую статую
Ни вечностью, ни мигом ей воспетым.

Моя заступница с голубкой на груди.
Я помню, голос этой птицы мира
Приятнее и тише, чем у всех других,
С которыми ты тоже подходила.

К ревущему порогу из-за горьких бед.
К покинутым стенам луной и солнцем.
Опять на облаке волос янтарный свет,
И тёплый мёд надежд волшебю льётся.

На крыльях сладко дремлет раскалённый мрак.
Ты на себя по-прежнему похожа.
Над лавровым венком сияет нимб, да так,
Что кажется фарфоровою кожа.

И я, как маленькие дети, жду чудес.
Стал жгучим кофе ореол твой снова.
Мой крепкий ангел, до чего сейчас и здесь
Ты мне нужна, сдаваться не готовой.

Исцеление

Я на твоём пути
Затворницей из ниоткуда появлюсь.
Без лавровых венков, без липовых триумфов.
Сольётся с мертвой тишиной осенний блюз
Сухих полей в непостоянстве изумрудном.

Я буду ждать тебя и чувствовать спиной
Гудящую волнением торнадо близость.
И мой ковчег надежды неуёмный Ной
Опустит как глубокий сон, в котором снилось

И это платье цвета невесомый лён,
И невесомый смог курганов безучастных,
И отголоски дней, в которых ты влюблён
В мои печальные глаза как пятиклассник.

Погост некошеной травы впитает миг,
По коже пробегут мурашки предвкушений,
Ещё момент, и будто бы уже настиг
Твой поцелуй губам подставленную шею.

Волос коснётся ураган холодных рук,
И ни души в пространстве грозового кома,
Лишь я, сбежавшая от вытканной вокруг
Болезни пустоты, не каждому знакомой.

Тревогу осязает август

Тревогу осязает август каждым звуком
Берёзовой листвы, шуршащей о больном.
Зарёй в родном краю с поличным враг застукан,
И небо прижимается к плечу плечом,

Как друг, который никому не даст обидеть,
Как звёздный стражник на соломенном коне.
И я ввиду отвергнутых душой событий
К его плечу хочу прильнуть ещё тесней,

И о прекрасном грезить, будто всё свершится
Лишь стоит дать испуганным мечтам полёт.
Чтоб умолкали не от новых взрывов птицы,
А от того, что летний дождь вот-вот пойдёт.

Чтоб август, опалённый жуткими боями,
Слезам не смывал с лица людской беды.
Пусть смоет дождь. И в скором сентябре упрямо
Родной мой край, как прежде, будет золотым.

Грустное

Боярышник в заснеженных бинтах притих,
Раздав нехитрый ужин снегирям и белкам.
Бездонная тоска сокрыта в снеге мелком.
Двор замкнут на засов немилостью святых.

И только птицы вне беды навеселе.
Выводят двор из ледящего молебна
Невинной трелью, и неистово хвалебна
Их ода миру на поруганной земле.

К разбитым окнам жмётся гадкий персонаж.
Он точка боли. Он скала. Его не сдвину.
А души павших в облака мне смотрят в спину
И снегом засыпают двор безлюдный наш.

Испуганная белка скачет по седым,
Ладони возводящим к господу фигурам
Израненных кустов, и ночь во взгляде хмуром
Пугает чернотой, которой не хотим.

Боярышник в снегу, как светлое пятно.
На тонкий месяц эпизод из снов наколот.
Сковал в отравленном колодце воду холод.
И я боюсь, что тоже умерла давно.

Коснуться счастья

Любовь мотыльками, что между ладоней в победный пляс
Пускаются, словно их крылья щиты, береги, сабли,
Не ведала страха фиаско, но звёздным дождём светясь,
Её невесомые крылья в магическом поле зябли.

Из снежной кудели прядут облака самый тонкий снег.
Багряной листвой был засыпан давно и порог, и трепет.
Я, кажется, даже не помню ни ласковых рук, ни рек,
Пустых обещаний любить, пока время расстаться терпит.

Зима прорастает из марева синих пустот цветком.
Сковал тишиной стылый воздух худой маете запястья.
Тебя будто не было вовсе, но ты до того знаком,
Что знают мои мотыльки, что такое коснуться счастья.

Калиновая горечь

Говорят, двери в церковь открыты для всех, и вот
я иду за тобой по пятам к алтарю в свечах.
Как калиновый чай на губах, по тебе горчат
неотпетой души мысли в тон беспокойных нот,

мысли в тон неприкрытой досады, что растерял,
будто ясень в дождливую осень скупую медь,
отражением право в зеркальных зрачках чернеть,
быть не призраком, а человеком больших начал,

у которого в планах семья, палисад и дом...
и кружить на руках тебя в платье белее вьюг...
Свет покровской свечи на ладонях вконец потух
– ты просила найти моё тело в бреду немом.

Я не там и не здесь, как рукой к сердцу не тянись...
От потерь до потерь во мне вера крепчала в нас.
До чего же калиновым чаем горчит рассказ
неотпетого сына Отчизны с крестами ввысь.

Я иду за тобой круг за кругом, из зала в зал.
Может, где-то в какой-то больнице ни жив, ни мёртв?
Ты выходишь такой же из церкви в просторный двор,
а там холод венки на солдатских гробах сковал.

И ты плачешь по мне, будто в каждом я.
Если смог бы, и сам бы завыл, как побитый волк.
Боже правый, неужто и правда я в битве слёг?
Почему ты не дал мне за мать и отца стоять?

Снова горько до жути губам и горит в груди.
Будто рвётся душа и болит всё сильнее спина.
Открываю глаза! Ты со мной, как во сне, бледна,
и огарок покровской свечи на столе чадит.

А сказать не могу ни полслова, ни ах, ни ох.
Только пристальным взглядом кричу тебе: «Хватит слёз.
Я живой! Я к своим вопреки всем и вся доплз...
И я встану, не плачь! Ибо встать мне велел сам Бог».

Светлая осень

Синее небо бездонное в пикселях дыма и бед
Сжалось, упало, напомнило сердцу о светлой тебе.
О золотой, как воротины солнцем изъеденных скал
В час, когда море расстроено лижет вечерний причал.

Звонкими брызгами грезятся слёзы слепого дождя.
Осень, моя ты кудесница, что же глядишь не стыдясь
Зеленью глаз симиленковых, пламенем рыжих рябин
В сердце, прошитое реками тихих надежд и молитв.

Что принесёшь ты, красивая в локонах спелых полей?
Сколько печалей под ивами выплачет тот, кто больней
Битый бичами постылости, ранен немилостью в грудь,
Кто у Всевышнего выпросил веру в ладонь зачерпнуть.

Осень, моя ты Матронушка, грустно и радостно мне.
Вечер закатом дотронулся крыш на церковном дворе.
Зеленью глаз симиленковых, пламенем рыжих рябин
Будни суровые свергнуты, и мы вот-вот победим.

Всё пройдёт, мой край

Никаких «Прощай», мой разбитый в твердь огневой рубеж.
И без окон дом, и без дома дверь – всё в тумане беж.
В световых лучах православный храм с золотым крестом...
Колокольный звон беспокойных гамм... Ты и я фантом.

Отгремели в нас ураганы зла в неизбежный час.
Отгремела ночь – тишина легла белым снегом в грязь.
Не слышны шаги, я иду и нет – я лечу как стриж
Над сырой золой, сорванных в кювет, обгоревших крыш.

Порастут травой кирпичи, стекло, чернота руин...
Мой разбитый в хлам, белым набело расцветёт жасмин.
Будет ясный день, будет ясной ночь, будет цвет кружить,
И в твоих полях золотым зерном корни пустит жизнь.

С чистого листа, с фермерских широт ты начнёшь расти!
Над тобой рассвет новый день зажжёт с божьей высоты.
Пусть же смоет дождь черноту и смрад с каменных равнин...
Чтоб построить дом, посадить здесь сад, чтоб играл в нём сын.

Не в войну, а в мяч! По росе босым! И с нас хватит войн.
Всё пройдёт, мой край, словно с яблонь дым, всё пройдёт как сон.
Не прощусь с тобой, как бы ни был плох и потрепан в пыль.
Здесь моя земля! Здесь родной порог и в слезах ковыль.

Валерий МУРЗИН

«Ведьма» 205-й бригады

(очерк)

Он проснулся без будильника минут за тридцать до назначенных процедур лечения. Из длинного с обшарпанными стенами коридора подвала, где ютилась медрота бригады, доносились звуки, выбивающиеся из обычного шума привычной ежедневной боевой работы медиков. Майор прогнал мысленно ситуацию: вчера с утра, 12 сентября, на верхнем этаже забегали медики, суeta такая – предвестник нехорошего. И точно, через минут десять ему стало известно, что нацисты ударили по рынку в Новой Каховке, один мирный житель погиб и восемь получили ранения, медики готовились к приёму раненых.

Здесь всё по-другому измеряется, в других величинах, нежели в мирное время – и время, и расстояние, и человеческие ценности другие, до передовой всего-то пару километров. Общие печали и радости, счастье рождения ребёнка и горе потери, и ожидание, и стремление к скорейшей Победе – общее.

Нет, звуки не те, непривычные. Он встал, прошёл в противоположный конец коридора, где в месте для курения собралось несколько бойцов медроты. Ему стала понятна причина оживления, в центре внимания оказалась женщина! Ей на вид лет тридцать-тридцать пять, скромная и открытая, наделённая от природы мягкими чертами лица и душевным очарованием, которые создают неповторимое обаяние и силу, свойственную только русским женщинам.

Майор закурил, поначалу не вмешиваясь в оживлённый разговор, догадался сразу, в родной коллектив вернулся из отпуска боец. И всем привезла гостинцы. На вопросительный взгляд майора командир роты ответил:

– Из отпуска вернулась, позывной Ведьма, – и уже обращаясь к женщине, добавил. – Поздравляю с присвоением младшего сержанта.

Любопытство и удивление взяло верх, и майор спросил напрямую:

– Здесь, на передовой, что Вы делаете?

Она посмотрела ему в глаза, в которых он увидел искреннее удивление заданным вопросом:

– Как что? Доброволец, контракт. Я работала на гражданке операционной сестрой.

– Почему на ЛБС, почему не госпиталь в тыловой зоне?

– Ребятам нужна помощь, квалифицированная, медиков не хватает, именно здесь я нужнее.

– Как Вас величать по батюшке, и сколько ж Вам лет?

Она ответила прямо, без привычного женского жеманства и кокетства:

– Маша, Мария Сергеевна, тридцать девять.

– А как же семья, дети, муж?..

– Дочери шестнадцать, учится в колледже, муж дома. Жена Родину защищает, а муж дома. Здесь многое я переоценила в своей жизни.

И как отрезала, сожгла мосты.

– Всё покажет время, а вопрос фактически решён. Скоро контракт закончится, и я останусь. Я не смогу бросить ребят, они мне как братья. И кто сейчас рядом, и кто погиб.

Майор отметил, что эта хрупкая женщина, которая ровесница его старшего сына, говорит прямо и откровенно, потому что пережила всё это, прочувствовала на себе, и она больше всех нас, мужчин, заслужила это право, говорить правду. И больше нас, мужчин, заслуживает Уважения.

После её возвращения из отпуска, всё незаметно изменилось. Нет, никто никому не приказывал, не ставил сверхзадач. Просто полы ребята стали драить с каким-то усердием и тщательностью. В столовой и так был порядок, но стало как-то совсем как в операционной, всё лежало на своих местах, как и прежде, но с какой-то хирургической точностью, функциональностью и чистотой. Настроение в коллективе поменялось кардинально, и если раньше между собой водители иногда ворчали, кто сколько по времени отмывал от крови 200-х и 300-х машину, то сейчас об этом не говорили. Перестали мужчины ворчать, всё стало делаться легко, мужчины стали улыбаться, мужчины превратились в воинов.

В медроту вернулась Ведьма.

Артиллерийский обстрел, всё, кажется, сейчас тебе придёт конец, белый и пушистый, но надо работать, спасать жизни, и все страхи уходят на потом. Она боится, она испытывает страх, как и все мы, но никогда не показывает это и выполняет боевые задачи наравне с мужчинами. Получила задачу, надела бронежилет и на передок эвакуировать раненых!

Женщина – воин.

Низкий поклон Вам, Мария Сергеевна, до самой земли...

16 сентября 2024 г.

Медрота 205-й.

Дмитрий СЕРГЕЕВ

Граница

...А города из детства больше нет.
Он и ночами в чёрном цвете снится.
Из окон здесь не льётся тёплый свет,
Лишь пепел на сухом ветру кружится.

Дворы пустеют. Кто сумел, бежит.
Сидеть в подвалах вечно невозможно.
Теперь спокойно дня нельзя прожить –
Ведь даже если тихо, то тревожно.

Разбитый дом. Разрушенный базар.
На фоне солнца абрисы развалин.
А где недавно буйствовал пожар,
На серых стенах – живопись опалин.

Те, что остались, время торопя,
Надеются: былое возвратится.
Но пролегла по судьбам и степям
Невидимая страшная граница.

Перемирие

Спят степные города,
Но некрепко и тревожно,
Ведь поверить невозможно
В то, что мир здесь навсегда.

Не горят нигде огни.
Мрачны абрисы развалин.
Сильным взрывом тополь свален –
Здесь прошли лихие дни.

Непривычно тих вокзал,
Поезда давно не ходят.
Вот и осень на исходе,
Но пустует главный зал.

Только месяц в небесах,
Как и прежде, бодр и светел,
И в его холодном свете
Стынут стрелки на часах.

Война на родине

Лупят пушки по Ясиноватой!
Ей из-под обстрелов не уйти,
Нет, она ни в чём не виновата,
Но с майданом ей не по пути.

Бьют войска из гаубиц и «градов»,
Рушат город детства моего.
Где ж они набрали столько гадов –
Тех, кому не жалко ничего?!

Всё крошат, пытаюсь взять с наскока,
Средь горящих – дом моей сестры.
Но «сынам Бандеры» выйдут боком
Эти сатанинские костры.

Бьют из «Смерчей» по Ясиноватой.
Видно, президент сошёл с ума.
Но трубить победу рановато –
Ждут страну несчастья да сума.

Время отчуждение разрушит,
Бесполезно ненависть копить.
Но вину за погранные души
Будет невозможно искупить.

Валерий ЕРМОЛАЕВ

Родина

Вновь за сентябринами бабье лето всласть...
Родины единственно безвыборная власть.
Весь мою укромную попробуй разлюбить,
если сердце штопает паутинки нить,
если долгой осенью под небес свинцом
знаю – в доме выстою, построенном отцом.
И не в счёт, коль сетую, плачусь иногда,
что над этой пажитью возшла моя звезда –
так не над Невадой же, Господи спаси!..
Весь моя укромная, закуток Руси!
Здесь любовью маминой я произнесён,
здесь звенела молодость соснам в унисон,
здесь тропа намолена в заповедный лог,
здесь судьба моя уйти в боровой песок.

Отчизна

Часто отчизну мы судим.
А разве она что должна?
Всё, что положено людям,
исполнила людям сполна.

Вздыбила где надо горы,
как надо – течения рек.
Где ещё равным просторам
был награждён человек?

Добрая в меру, святая,
совесть планеты Земли!
Слышишь, на юг отлетая,
стонут по ней журавли?

Вот и живём в ней под Богом,
а не под чёртовым боком,
бед повидав и побед,
тысячу славных лет!

Мы победим

Всю ночь ворочала гроза
валы раскатистые грома...
Крестился я на образа,
как в той пословице знакомой

про мужика. И в эту ночь
гремят снаряды в Украине,
и вместо гоголевских птиц
летят к днепровской середине.

Мы победим, сомнений нет!
На бой идут сыны и братья
в стране, где вдруг нацистский бред
разъял славянские объятья.

Где друг замолк старинный мой
в притихшей Виннице, тревожной,
бедой не делится со мной,
прервав все связи осторожно.

Мы победим, сомнений нет!
Но скоро ль время боль залечит?
И кто сегодня даст совет,
друг другу что сказать при встрече?

Бессмертный полк

Бессмертный полк проходит по стране
под марш Победы и людские слёзы.
Героев подвиг помним на войне,
их в майском небе поминают грозы...

Священна память наша, но горька,
и мы несём, их сыновья и внуки
портреты, дорогие на века,
словно вручили нам Победу в руки!

Вячеслав ДЕВЯТКОВ

Полковой трубач

*Защитникам Отечества
2022–2025 посвящается*

Мне так нужны огни весенних улиц,
Мне так нужна Победа впереди,
Мне нужно, чтобы все бойцы вернулись,
И Родина прижала их к груди!

Пусть взрывной волной в бою окатит,
Ударит в спину, в голову, под дых,
Мне важно, чтобы раненый солдатик
Дошёл, дополз, допрыгал до своих!

Я не хочу, чтоб матери рыдали,
И чтобы жёны плакали навзрыд
И гладили ладонями медали,
Металл которых ярко так блестит.

Так пусть солдаты станут крепче стали,
И разобьют вражину в пух и прах!
Мне нужно, чтоб бойцы не погибали,
А возвращались к семьям на ногах.

Предатели России

Они давно нас ненавидят
И злобой древнею полны.
Пока что спрятаны обиды
Так глубоко, что не видны.

Они как мы удачу ищут,
Работают, растят детей.
И всё-таки за голенищем
У них есть нечто поострей.

Всё ждут: Россия ослабееет,
Они улыбки с губ сотрут,
Недобро глянут, озвереют,
И в спину ей ножи воткнут.

Сталинград

Сталинград! Ты звучишь во мне, словно набат!
Я иду, я спешу за тобой, Сталинград!
Посреди переулков, развалин твоих
Не звучат ни Шопен, ни Бетховен, ни Григ.
А звучат то ли взрывы от мин и гранат,
То ли бомбы в дыму и пожарах свистят.
И черны, словно факелы, звёзды твои,
И запачканы кровью и ночи, и дни!

Я глядел, как мальчишки несутся вперёд!
И как танки уходят за тот поворот,
И вскипает в сверкающих лужах вода!
И орудия лупят туда и сюда!
Сталинград! Ты меня прикрывал и жалел!
Сталинград! Я от взрывов твоих поседел!
И кровищей пропитан мой белый пиджак
В красном сумраке наших победных атак.

Я из мирных времён, я обласкан и сыт,
Ничего не болит, только память свербит!
Сталинградский рубеж! Это вечный мой сон!
Я навеки в бессмертье погибших влюблён!
Сталинград! Поднимайся! И стяг поднимай!
Приближай наш победный сияющий май!
Всенародную радость, салют и парад!
Всё пройдет!
Никогда!
Не пройдёт!
Сталинград!

Меня обжигает небесное пламя,
Космический ветер мне дует в лицо,
И грозная музыка машет крылами,
И крутится тёмной судьбы колесо!

Ничто, говорят, не проходит бесследно,
Записаны будут слова и дела.
И юность ушедшая всё же бессмертна,
И ярость мальчишек крепка и светла!

И крылья, и флаги трепещут над нами!
Пусть мы уйдём, но вернёмся в тот мир,
Где звёзды летят над морями, лесами,
Где в небе горит голубой Альтаир!

Ничто не проходит бесследно! Так будем
Дыханьем своим согревать города,
Дарить свою радость безрадостным людям,
Чья жизнь отчего-то бедна и пуста!

Небесное пламя! Пылай надо мною!
Мой парусник алый! Не бойся штормов!
Поверь, я рождён под счастливой звездой!
И даже со смертью сразиться готов!

Уходят мечты, но душа пламенеет
От вечного солнца! От вьюг и дождей!
И русскому сердцу ничто не заменит
Бездонного неба России моей!

Останутся те, кто сражался и спорил,
Кто падал, но вновь подымался с колен,
Кого целовало штормящее море,
Не требуя платы за это взамен.

Кто лез на рожон и вставал под знамёна,
Дороги-пути преграждая врагу,
И шёл напрямик, и шагал непреклонно,
Сажая сады на чужом берегу.

Останутся те, кто горел и лелеял
Мечту о покое и счастье земном,
Кто бунт поднимал и садился на мели,
Кому вся Земля – как родительский дом.

Кто был запевалой в походе унылом,
Пускай бы вокруг лютовала зима,
Кому от природы дарована сила
Служить высшей цели почти задарма.

Останутся те, кто свободно и гордо
И веру, и кровь отдавал за людей,
Кому просияла, как солнце, свобода
В холодном тумане осенних полей.

Кто душу латал и писал свою повесть,
Её наполняя огнём и теплом,
Кто честь сохранил и не выпачкал совесть
На кратком, как пуля, отрезке земном.

Когда чужая тень во мгле нависнет
Над всеми нами, презирая нас,
Мы будем жить и радоваться жизни,
И воспевать огонь любимых глаз!

Когда мечты и крылья будут смяты
И просвистит над миром чья-то плеть,
Мы станем петь ночные серенады
И струнами счастливыми звенеть!

Когда отнимут веру и надежду,
Любви, чудес и радостей лишат,
Мы снова поспешим на побережье,
Где будет бушевать весенний сад!

И не отнять у нас великой жажды
По лужам пробежаться босиком,
В траве уснуть, а утром ветер влажный
Вдыхать в «тумане моря голубом»!

И сердце биться в нас не перестанет,
И встану я из пепла и огня,
Пока мерцает свет в ночном тумане,
Пока он льётся с неба на меня!

Черти топчут нашу землю, впереди – снега, метели,
Наши руки пахнут кровью, наши жёны поседели.
Запах горя и молитвы... да прибавится нам злости!
Что не выдюжит Россия – вы об этом думать бросьте!

На рассвете, на закате, ноги, руки в кровь сбивая,
Мы идём вперёд под пули, ран и ссадин не считая.
Если вдруг горячим пеплом тьма опустится над миром,
Мы восстанем, мы воскреснем, подчиняясь высшим силам!

Это всё, о чём я брежу, и в окопной тьме тоскую,
И во снах моих рисую, как умею, Русь Святую.
Русь, Отечество, Победа нам завещаны дедами,
Вот поэтому вовеки Сила с нами! Правда с нами!

Павел ПЛЮХИН

Памяти брата Кости

Как трактор на весенней пашне,
С какой-то пьяною лихвой
«Утюжил» взвод передовой
Немецкий танк с крестом на башне.
Стреляя яростно от злости
Из трёхлинейки по броне,
Там в сорок пятом, на войне
Лежал в окопе брат мой Костя.
Контужен. Ранен.

Слава Богу,
Отбил окоп соседний взвод,
Летели в чёрный небосвод
То стон, то крики – «на подмогу»!
...Спасли девчата из санбата,
Ещё бы час – и опоздали!
Ещё бы час – и без медали!
Ещё б чуть-чуть и мы – без брата!
...В сыром окопном блиндаже,
Бинты в агонии срывая,
Он всё ещё стонал, не зная,
Что многих нет в живых уже!
Он всё ещё кричал душою,
Порой сознание теряя,
Губами тихо повторяя,
Он был ещё в разгаре боя...
Осталась память там – в окопе!
Была весна...
Теплынь такая!!!!
Сирень цвела в начале мая,
Война закончилась в Европе!
Его с войны мы долго ждали –
Был госпиталь!
В сорок седьмом
Он в орденах и при медали
Вернулся с честью в отчий дом!

*Племяннику Валерию, внуку брата
Кости (бригада №126, 2 мсб, позывной
Плюха).*

*Добровольцу-казаку, командиру орудия,
южный участок фронта. Его дед, мой
родной брат гвардеец Константин
Семёнович Плюхин, командир орудия,
там же в 1944 г. освобождал Херсон.*

Чай из листьев смородины
В деревенской избе,
Наши мысли о Родине,
О судьбе и тебе!
Жизнь спиралью закручена
На днепровских берегах,
На херсонских излучинах
Бей, родимый, врага!
Много кровушки пролито
Много боли и слов,
И давно всеми понята
Роль бандеровских псов.
Ты уж сделай как следует
Той фашистской чуме,
Недобитою дедами
На далёкой войне.
...Чай из листьев смородины,
Помнишь, пили весной,
Мы с тобою и с Родиной
В крепкой связке одной,
Наш племянник родной!

Но не надо пред Богом юлить!

Говорю украинским солдатам:
Кто Вас звал на Донбасс с автоматом?!
И какая вас мать воспитала,
Чтоб по школам стрелять и кварталам?!
А ведь были когда-то мы братья,
Не могу,
но пытаюсь понять я,
В чём обида на нас, «москалей»,
Хоть и сам я сибирских кровей?!
В чём скрывается злобы причина,
Что вы предков снесли с пьедестала!
Порошенко, Зеленский, Турчинов,
Разве их вам Москва выбирала?
Обращаюсь к уставшим солдатам:
Из окопов вертайтесь по хатам
И подумайте, как дальше жить,
Но не надо пред Богом юлить!

Сергей ПЕРУНОВ

Лифт на небо

Арсену «Мотороле» Павлову

Погиб Моторола. Ушёл лифт на небо.
Там тоже герои нужны.
Не стал он звездой окопного рэпа,
став телезвездой войны.

Кому-то война – лишь реалити-шоу,
кому – ежедневный аврал,
где можно в любой миг расстаться с душой,
поймав в грудь горячий металл.

Он принял кровавые правила боя,
обычный российский пацан,
солдат Моторола он понял такое, –
что вряд ли познать мудрецам!

Когда-нибудь после утихнет шумиха,
и время покажет, кто прав,
и станет всем ясно, что войны – не выход,
а грязная чья-то игра.

Что кто-то, всегда оставаясь за кадром,
стравляет людей меж собой,
чтоб после, любуясь кровавым закатом,
подсчитывать прибыль от войн.

Но подвиг останется подвигом, ибо
когда убивают детей,
приходится каждому делать свой выбор:
в сторонке оставшись помалкивать, либо
пожертвовать жизнью своей.

Он сделал свой выбор. Комбат Моторола
за правду стоял до конца.
«Работайте, братья!» В легенды ушёл он,
оставшийся в наших сердцах.

Былинный герой XXI века,
тебя не забудет Донбасс!
Земля тебе пухом и Слава навеки,
молись на том свете о нас!

Беспилотник

Беспилотник, беспилотник,
что ж ты вьёшься надо мной?
Ты разведчик иль охотник –
призрак гибели самой!

Лучше сбрось гранату в поле,
облегчи полёт себе,
а потом махни на волю,
сколько хватит АКБ.

Кто тобою нынче рулит,
кто готовит мне беду?
Я вчера ушёл от пули,
от тебя уж не уйду.

За лесами, за горами
старый дом, в окошке свет...
Мне ещё родимой маме
на письмо писать ответ!

Вот, прикинулся двухсотым,
видишь, мёртвый, не живой.
Что ж ты кружишь, беспилотник,
над моею головой?

Что ж ты вьёшься, беспилотник,
над моею головой?
Чтоб я сам, как дух бесплотный,
навестил свой дом родной.

Евгению Мозжерину (позывной Мажор)

...А Жене было 37,
уже не будет 38.
Пора б к смертям привыкнуть всем,
ведь каждый день парней привозят.

Да как привыкнешь, если с ним
ещё недавно балагурил,
с таким родным, таким своим.
И вот – над гробом мы стоим
под небом пасмурным и хмурым.

Он самым лучшим был из нас,
надёжным, сильным, неуёмным
весельчаком был. И сейчас
давай таким его запомним.

Из нас кому-нибудь занять
в строю его придётся место.
И, может, завтра здесь опять
мы будем принимать груз «200».

Так что же, выпьем помаленьку,
и снова – 333! –
За всю Россию и За Женьку!
Гори, фашист, в аду гори!

Славянск, 2014-й

Весна в Славянске. Яблони в цвету.
Черёмухи стоят – как взрывы белые!
И выстрелы гремят на блокпосту,
и дышит сад резиною горелюю.

И чью-то жизнь, как с белых яблонь дым,
взрывной волной уносит в небо синее.
И клятва: «Не забудем, не простим!» –
подчёркнута трассирующей линией.

Тюменским мобилизованным

Кто дойдёт до Вашингтона,
кто-то в первом пал бою...
Парни с нашего района,
эту песню вам пою.

Нынче вам досталась доля
отправляться на войну,
грудью встать на ратном поле
за родную сторону.

Что ж, привычное то дело
настоящим мужикам.
Так идите, братья, смело!
Смерть фашистам, смерть врагам!

Как когда-то ваши деды
супостатов били в кровь,
так и нынче до победы
бейте в глаз их, а не в бровь!

Раз уж вам досталась доля
постоять за край родной,
на сожженном «Белом доме»
распишитесь и – домой!

Егор КОСИН

«Перемога»

С «безвизом» будем! Браво!
Скакали на скамейках,
Кричали громко: «Слава
Героям Укро-рейха!»

Удача вдруг попёрла –
Мы станем богатыньки!
Порвать готовы горло
За западные деньги.

Свершим свой Drang nach Osten!
Раздавим клятых россов,
К Москве сместим форпосты –
Ведь с нами силы БОССОВ!

Европа восхитилась:
«Как ломанули братцы!..»
Но снова обломилось
У этих новых «наци».

И шепчут седоглавы
На их могилах вдовы:
«Ну, где же ваша слава,
Герои супер-мовы?»

Пускай христианин,
пускай мусульманин,
Еврей-иудей
или скромный буддист.
Как много народов,
как много религий
В бескрайних просторах
России слились.
Для жизни нас боги свели,
не для брани.
Мы все на Российской
земле родились.
Одно нам названье для всех –
Россияне...
Как всем донести
ту несложную мысль?.

Война – рулетка,
В ней много дури...
Один стреляет метко,
Другой же ловит пули...
Но, к сожаленью, редко...

Сколь бы ни трещали про Парижи,
Про Канары или про Севильи,
А своя сторонка сердцу ближе –
Нет земли прекраснее Сибири!

Ведь барханы и тропические гущи,
Тростники или заморские мимозы
Так не будоражат наши души,
Как белые российские березы,

Как бор сосновый, как таежные дубровы,
Закат над озером багровый,
Рябина красная. И губы шепчут снова:
Моя Россия!
Слаще нету слова.

Напиши другу

Как нахлынет тоска или радость,
Ты черкни поскорей пару строк.
Ощути в том особую сладость,
Отправляя посланья листок.

Друг оценит творений потуги,
Он поймёт и разделит с тобой
Радость счастья, а также недуги –
Для того нам друзья и подруги
В дар бесценный даются судьбой.

К 80-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ. ТЮМЕНЬ ТЫЛОВАЯ

Ирина АНДРЕЕВА

Дедушка

Борька сидел на коленях деда. Тот гладил его по голове. Натруженные руки его изрядно тряслись. Пытаясь унять дрожь, дед сильно прижимал руку к голове ребенка. Борька покорно гнул голову, нежился на коленях деда, вдыхал с благоговением родной запах.

Бабка Анфиса ворчала на деда:

– Опять табачишщу накурился!

– Одна у меня радость осталась – внучка на коленях потетёшкать да махорочки покурить! – незлобиво отзывался дед.

Борьке нравился этот запах. В его сознании с первых дней отложилось – так пахнет его родной дед.

Зимой дедушка умер, оставив в памяти мальчика более всего этот запах, доброту рук и светлых, слезящихся глаз.

Слово и понятие «смерть» еще не вошло в сознание Борьки. Он помнит, как дед лежал в большом узком деревянном ящике, и бабушка причитала, сидя рядом:

– Вставай, Лукаша, хочешь, махорки покури, слова не скажу! Ох-хо-хо-хо, – не то смеялась, не то плакала она. – Куды же ты собралси, родименький? Как же я таперича без тебя?

Борьку близко к ящику не подпускали. Он тянул шею, пытался взглянуть деду в лицо. Гадал: отчего дед спит так долго и не на любимой лежанке печи, а в этом ящике?

До самого позднего вечера в дом приходили и уходили чужие люди. Мужчины снимали шапки, подолгу сидели около ящика, не снимая верхней одежды. Кому не хватало места, осанисто вставали у стены. Старушки возраста Борькиной бабушки крестились и кланялись. Иные разговаривали с дедом: «Собрался, Лука Фомич? Чисто, нарядно тебя убрали». Бабушка переставала причитать, отвечала за мужа: «Собрался. Ничё боле не болит». Бывалоча, стонет ночами. Спрошу: «Чё у тебя болит, Лука?» Ответит: «Усе косточки ломит». «Поработано! Кормилец ты наш, заступник, дай тебе Бог царствия небесного за твоё терпение, за муки, которые из-за нас принял!» – всхлипнет кто-то особо сердобольный. Другие подхватят: «Царствия небесного!» Лица у людей скорбные, серьезные. Отец Борьки – сын деда, редко заходит в горницу, всё убегает по каким-то делам. Мать больше на кухне хлопочет. Одна бабушка не отходит от деда.

Печь в горнице не топили с вечера, к обеду стало холодно. Борьку отправили на дедову лежанку. Малец нашел там вязанные рукавицы, пропахшие махоркой, ему почему-то стало тоскливо. Борька даже слезу пустил. Потом его сморил сон, уткнувшись щекой в рукавицы, он задремал. Ночью кто-то примостился рядом с ним, подвинул слегка. Мальчишка улыбнулся спросонья: «Дедушка».

На другой день в доме была страшная суета. Мать и чужие женщины сушили в кути: жарили, парили, стряпали. В закрытые двери горницы шли и шли люди. Борьке велели не путаться под ногами, он даже ел там на печи. Справить нужду подавали горшок. Борьку сильно разморило на горячих кирпичках, и после обеда он снова задремал. А когда проснулся, в доме стояла необычная тишина, только на лавках под окнами сидели две дряхлые старушонки, тихо переговаривались. Дверь в горницу была распахнута, туда и обратно неслышно сновали две моложавые женщины. Борька вытянулся из-за чучала, заглянул в горницу. На том месте, где был ящик с дедом, теперь стоял длинный стол, устланный цветастой клеенкой, а женщины наставляли на него стаканы, тарелки, чашки со стряпней и густым киселем, студнем. Вдоль стола тянулись длинные скамьи, укрытые домоткаными полосатыми дорожками.

Потом в дом опять повалил народ. Теперь стало шумно. Люди снимали настывшую одежду, сваливали кучей в углу на сундук. Плескались у рамоуойника, по очереди обмывая руки. К Борьке на печь подселили соседских ребят. Стало весело. Прямо на лежанку им подали большое блюдо со сладкой стряпней, вареными яйцами, рисовой кашей с изюмом.

Что было дальше Борька, сколько ни силился, не мог вспомнить. Кажется, он опять спал на печи, и ночью к нему вновь приходил дедушка. Днями позже он спрашивал, куда ушел дед Лука. Бабушка, утерев набежавшую слезу кончиком платочка, отвечала: «В царствие небесное, Господь смилуетсЯ, примет его туда». Со временем Борька забылся и перестал спрашивать о дедушке. Лишь иногда запах махорки будил воспоминания о нем.

Годы спустя, будучи взрослым, Борис узнает истинную цену рукам и большому, доброму сердцу деда.

Пятнадцатилетним подростком Лука получил травму правой ноги, угодив под конную косилку. Ногу изрядно раздробило в коленном суставе, после чего она стала сохнуть и перестала расти. Так Лука стал инвалидом, негодным к призыву в армию. Ходил он без костылей, но сильно припадал на больную ногу. Однако добросовестно работал в колхозе наравне со здоровыми мужиками. Но увечье сказалось на личной судьбе парня, робел он, сторонился девчат и к тридцати годам оставался холостяком. В сорок первом грянула война.

К концу сорок второго все мужское население призывного возраста, годное к строевой, ушло на войну. Забрали и отца. Осталось в деревне несколько стариков, ветеранов гражданской, бабы да ребяташки. Во главе этой гвардии поневоле стал Петелин Лука. Называть его стали уважительно – Лука Фомич.

Председательский хомут тянул он честно: дневал и ночевал в поле, в правлении, на токе. Не давал поблажки родным: матери, сестрам, малолетним братьям. Все лишения и тяготы перенес с земляками. В борозду были пущены не только худосочные лошади – коров и быков с личного подворья впрягли в непосильное ярмо. Голод, холод, тяжкий физический труд – не единственное лишение: с фронта, опережая одна другую, летели похоронки. Женский вой с причётами сопровождал уход почтальона.

Ранней весной сорок третьего, когда еще не вытаяла из-под снега дернина, не пробились первые травки, деревню взял в тиски голод. Все, что положено было на трудодни, выдано было с осени и подчищено под ме-

телку. Начался мор. Первыми в неравной борьбе погибали малолетние ребяташки.

Невыносимо было смотреть в глаза голодных детей и матерей, теряющих своих чад. Лука Фомич срочно созвал правление. До полуночи ломали головы: чем накормить население, как дотянуть до отела коров, первых овощей, лесных даров – грибов и ягод, мелкой дичи, большого подспорья в борьбе с голодом? Выхода не было. Тогда Лука решился на рискованный шаг: выдать часть фуражного овса, причитающегося на корм лошадям.

Делили по горсти. Ни одна семья не осталась без внимания. Этот небольшой прибыток растирали в муку пополам с мякиной и очистками, пекли скудные лепешки, варили болтушку и спасли детей, протянули до первого молочка, зеленого урожая.

А вот на конюшне случился падеж: пала жерёбая кобыла – от истощения не смогла разродиться. Жеребенок погиб в утробе, а матка кровью истекла. Старый конюх Игнатич прибежал к Петелиным ночью, забарабанил в окошко: «Беда, председатель! Чалая кончается, надо приколоть, всё людям польза от нее будет – разделим на мясо».

Был той весной падеж и на скотном дворе. От бескормицы отел был тяжелый: две коровы погибли, три телка. Но рогатый скот это одно, а тягловый совсем другое. Сгустились тучи над председателем: а ну как станет известно, что по его распоряжению конский корм раздали людям?!

Селяне понимали, чем грозит это председателю, и молчали, затаившись в тревоге. Беда не заставила себя ждать долго. Кто-то донес на Луку Фомича. Поговаривали, что бездетная баба позавидовала лишним горсточкам для многодетных семей. Луку арестовали, увезли в районный изолятор.

Потянулись дни безвестности. Позже прошел слух, что увезли его этапом в областной следственный изолятор. Родственники и односельчане понимали: время военное, суд «тройка» скор на расправу, видно, нет председателя в живых – расстреляли как минимум.

Вскоре пришла похоронка на Фому Петелина. Мать слегла, еле дыбала на печи всю зиму. Хозяйкой в доме стала старшая из сестер Луки – Ольга. Забегала к ней помочь по хозяйству подружка Анфиса – эвакуированная из Саратовской области девушка. Долгими зимними вечерами девчата рукодельничали при лучине, делились девичьими секретами. Ольга много с любовью рассказывала о несчастном брате.

Через год, такой же ранней весной Анфиса забежала в дом Петелиных разгоряченная:

– Ольга, ставь скорее самовар! Картошка у тебя есть в чугуне? – девушка по-хозяйски захлопотала у печи. – Есть. Пары штук достаточно.

– Ты говори толком. Что случилось-то? – недоумевала хозяйка.

– Ой, присядь, подружка, счастье вам в дом привалило! Сказывают люди, Луку Фомича видели. Идет он домой, только изнемог совсем. Лежит на обочине между Стрепетовым и Межами. Говорят, он сам наших признал, окликнул. А его вот едва узнали: бородищей зарос, обрямкался весь, отощал. Идти за ним надо!

Мать застонала на печи, заскреблись, запищали братья. Ольга кульком свалилась на лавку:

– Мати, слышишь, что Анфиска говорит?

Мать заскулила тонким голоском, поднялась, села, свесив ноги.

– Ох, так и знала, что растеряетесь. Да очнитесь же! Радость к вам в дом! Вставай, Ольга, наводи чай морковный. Мы его за пазухой спрячем, тепленький будет. Вожжи у тебя имеются?

– Зачем тебе вожжи? – недоумевала Ольга.

– Там видно будет, – неопределенно махнула рукой подружка, – ты помни картошку-то, хорошенько помни с кипяточком, жиденько. Нельзя ему густое, коли отощал, как бы заворот кишок не случился. Одевайся, я мигом, – выскочила Анфиса из дома.

Вернулась с вожжами. Растолкав скудное съестное за пазухи, подружки отправились в путь. Просить в правлении лошадей дело бесполезное. Лошади – на вес золота. Иногда одну выделяют на нужды колхозникам. Так бабы с утра за нее бьются, в очередь стоят, кому дровишек привезти, кому сена.

Ольга то и дело шмыгала носом – слезы накатывались: «Неужели брат живой?!» Анфиса урезонивала ее:

– Радоваться надо. Теперь все будет хорошо: мужик в дом вернулся!

– Зачем ты эти вожжи несешь?

– Вспомни, не этой ли зимой мы отощавших коров к балкам на вожжи подвешивали? Глядишь и пригодятся.

Встретились. Лука и впрямь обессилел. Выглядел жалким, беспомощным, прятал глаза от Анфисы. Ольга плакала не столько от радости, сколько от жалости к брату. Анфиса журила подружку:

– Корми мужика-то, раскисла совсем! Кушайте, Лука Фомич, чайку попейте, тепленький еще.

Лука, перенесший подвальный холод застенка, голод и неопределенность положения, каждый день обреченно ждавший смертный приговор, вынес все тяготы заключения стойчески. Как умел, поддерживал сокамерников, а тут вдруг размяк, предательски тряслись губы, руки не слушались, провисали плетью.

– Девчата, вы бы не жались ко мне близко. Обовшивел я, опаршивел совсем.

Подружки переглянулись, не сговариваясь, рассмеялись:

– У нас этого добра у самих полно! Может, еще твои наших в плен возьмут!

Кое-как подняли бедолагу на ноги. Но тут же поняли: идти самостоятельно он не сможет.

– Еще нога воспалилась, – сетовал Лука сам на себя.

Анфиса и тут не растерялась, перетянула вожжи через грудь Луки, один конец перекинула себе на плечо вокруг шеи, другой велела так же закрепить Ольге. Вот так, практически волоком к исходу суток притащили они председателя домой.

У матери будто второе дыхание открылось: слезла с печи, к приходу сына истопила баню. Состряпала жесткие, пополам с мякиной лепешки.

Сбежались во двор бабы, ребятишки, немощные старики, заглядывали в окна, смотрели на Луку, как на воскресшего, не скрывали слез.

Анфиса с того дня стала еще чаще навещать подружку. Помогала, выхаживала Луку Фомича. Да так и осталась. Не испугалась разницы в возрасте в десяток с лишним лет. Поженились Лука и Анфиса.

Лука Фомич едва оклемался, начал хозяйствовать в своем доме, на подворье – где крышу подлатал, где забор подправил. Делегация баб

явилась: «Возвращайся, Лука Фомич, принимай председательство, мы за тебя перед районным начальством хлопотать будем. Совсем нам конец приходит».

Три дня спустя из района руководство приехало: «Принимай правление в прежней должности, если не хочешь оказаться там, откуда явился».

И снова дневал и ночевал председатель с людьми в поле, в лесу, на ферме. Тянул непосильную лямку, приближал победу.

Из возвращавшихся в деревню воинов, израненных, искалеченных, редко какой годился в работники даже в личном хозяйстве. А Луке Фомичу и в послевоенные годы пришлось оставаться на своем посту, восстанавливать хозяйство от разрухи.

Вскоре после войны у Анфисы с Лукой родился первенец Максим – отец Борьки. Сын, став взрослым, женился и остался в отчем доме.

Когда родился внучонок Борька, Лука Фомич стал совсем немощным. Внука любил до самозабвения, знал: его маленькая жизнь – тонкая ниточка, связующее звено с его угасающим бытием.

Когда Борис узнал все эти подробности о деде, рассказал родителям, что отчетливо помнит смерть деда и день похорон. Родители удивились: «Быть не может, ведь тебе тогда три с половиной годочка было!»

– Помню, все помню, только одно у меня не «срастается»: кто же приходил ко мне ночью на печь? Я ведь тогда не понял и решил, что это дед Лука, его место на лежанке было.

– Господи, – всплеснула мать руками, – стало быть, душа дедова вкруг тебя ходила! Любил он тебя! Свекровь, бывало, заругается: «Опять табачишшу накурился!» А он отвечал: «Одна у меня радость осталась – внучка потетёшкать, да махорочки покурить!»

ПРОЗА

Валерий МИХАЙЛОВСКИЙ

Святая женщина, или Вычурный эгоизм

(новелла)

Болезнь, посланная ей Богом, а именно в этом была уверена Анна Ильинична, являлась не смертельной в том смысле, что не лишает человека жизни быстро, одним духом. Болезней, конечно, у нее было множество, как говаривали соседки, целый букет. Кстати, они, болезни, не то чтобы выделяли её такой особенностью, нет. Каждая из старушек в этом дворе, как, собственно, в тысячах таких же дворов и двориков, прижила себе свой букет со своими цветочками.

Но если одни стремились свои болезни выставить, как говорится, на показ, что было иногда весьма затруднительным делом, ибо никто твоей гипертонии или диабета не видит зрительно, то другие и рады были бы скрыть уродство, но сделать это, увы, было не в их силах. Разве не заметишь согбенного до самой земли человека, разве не вздохнёт кто-нибудь вослед: «Не приведи, господи!»

«Не приведи, господи», – перекрестились старушки на скамейке, когда мимо них прошаркала согнутая тяжёлой болезнью соседка. В руках она несла старую собачку таксу с выбеленной от старости головой по кличке Каштан. Поравнявшись со старухами, Анна Ильинична повернулась всем телом, ибо шея её оставалась неподвижной уже давно, поздоровалась.

Каштан вытянул в их сторону голову, двумя-тремя короткими вдохами вобрал в себя воздух, уловив знакомый запах, вильнул хвостом, встряхнул уши, словно высвобождая их. Его поднесли к самым кустам в то место, где заканчивалась трава. Руки хозяйки медленно поставили его на землю, он ощутил знакомую твердь, попытался шагнуть, но его пошатнуло, и он чуть не упал. Уткнувшись носом в кучу сграбленных дворником листьев, сохранив равновесие, он снова вильнул хвостом, не то извиняясь перед хозяйкой за неловкость, не то этот взмах понадобился ему для сохранения устойчивости. Задние ноги смыкались суставами иксом, и его заметно покачивало. На эти особенности обращали внимание старухи, и тут завязывался уже надоевший разговор о немощности «животинки», о её полной слепоте и глухоте, о том, что Каштанчику и самому уже свет не мил, что уже давно нужно его усыпить и что это будет скорее милосердным актом, нежели проявлением жестокости.

Пока Анна Ильинична терпеливо ждала, когда Каштан сделает свои собачьи дела, старухи на скамейке шептались, не очень, однако, беспокоясь о конфиденциальности, а потому обрывки фраз всё же долетали до её слуха. Разговор продолжился в том же духе и тогда, когда она, как обычно, с краю села на скамейку, держа собачку на коленях.

Она не видела лиц соседок, её взору был доступен лишь растрескавшийся асфальт да закатившаяся под скамью пустая бутылка из-под пива. Спросили уж в который раз о возрасте Каштанчика, и она в который раз

сказала, что ему уже восемнадцать – «совершеннолетие», как обычно в этом месте хихикнули. Потом Анна Ильинична пришлось в очередной раз поведать о том, что Каштан последний год совсем ничего не видит и не слышит, что часто находит его уткнувшегося в угол или в комод головой. Так он может стоять долго, что, конечно же, указывало на его слепоту. Не ускользнуло от старух и то, что Каштан «нетвердо стоит на ногах». И тут Анна Ильинична вынуждена была поведать, что появились у него тяжелые приступы «навроде как у эпилептиков», и снова кто-то из старух предложил усыпить пёсика: «Так и ему, и ей будет лучше, а то и он, и она только мучаются».

Доводы были достаточно аргументированными, и не согласиться с ними было нельзя, но вот как решиться? Как? Как? Советовали старухи: позвонить в ветеринарную службу, вызвать «специалиста». Ей напомнили, что номер телефона у неё есть. Да, действительно уже месяц лежит на комодке блокнотный лист с телефоном, услужливо записанным рукой соседки. Наконец-то спросили о собственном здоровье, о самочувствии, так разговор перекинулся на самую животрепещущую тему.

Это о здоровье много не говорят, потому что нечего о нем рассуждать – оно просто есть и существует в единственном числе, а вот о болезнях, которых, обычно, бывает множество, говорят долго, до бесконечности. Если принять за бесконечность время со дня зарождения болезни и до того часа, когда она уложит человека в могилу.

Она хорошо была осведомлена о своей болезни, а по-другому и быть не могло, потому что эта болезнь, получившая название по фамилии изучившего её врача Бехтерева, уже три десятка лет сгибает её всё больше и больше. Знать о своем недуге всё – значит, ничего доброго уже не ждать, ни на что не надеяться в том смысле, что прямее её спина уже не станет, и боли по утрам во всех костях без исключения вдруг не исчезнут.

Здоровье, вернее, отсутствие его, это та стержневая тема, которая даже не сближала – она роднила дворовых старух. Она, бесконечно подкидывая сыроватых дровишек в незатухающий костерок долгоиграющих бесед, не давала затухнуть тлеющему костерку животворящего общения.

Таким образом, коллективизируясь или классифицируясь, как сказал бы какой-нибудь учёный человековед-геронтолог, по схожим признакам, и выделяя себя в особую общность, легче переносить тяготы старости и бремя одиночества. Для установления истины стоит сказать, что Анна Ильинична только по необходимости, обычно очень коротко, сживала на скамейке, которая расположилась в тени сиреневых кустов. С одной стороны, она физически страдала от длительного сидения на жесткой скамье, а с другой – часто темы, затрагиваемые подругами, больно сыпались солью на незаживающие душевные раны.

Более молодые обитатели двора скамейку прозвали старушечьей, что было не совсем справедливо, ибо скамья работала как минимум в две, а то и в три смены: вечерами, когда старушки расходились смотреть сериалы, местные пьяницы здесь пили пиво до полуночи, а то и за полночь, потом их сменяли молодые парочки влюблённых...

Раньше, то есть очень давно, она почему-то думала, что когда-нибудь установится равновесие, то есть такой баланс между тем, что имеется на

самом деле, как говорится, по факту, и тем, о чем она мечтала и чего ожидала от жизни. Но жизнь почему-то являла ей только суровую действительность как неизбежную данность, поворачиваясь разными гранями, где было место и ярким вспышкам, и темным, длительным и одиноким ночам, но где нашлось совсем мало места спокойному равномерному свету и теплу.

Она не проклинала старость, не утопала в отчаянии от самого её наличия, но её тревожило то, что она перестала кого-либо интересоваться. Родные, а остались у неё только племянники, которые не то чтобы забыли о ней – нет. Они иногда звонят, спрашивают о здоровье, но это уже не так, как было раньше. Она улавливала ту приходящую со временем интонацию, когда все понимают какую-то неизбежность или невозможность что-либо изменить. Она старалась не замечать случившихся перемен. Вернее, она старалась не обращать внимания, а не замечать она не могла, ибо эта интонация, как она понимала, была предвестником конца. Она была обречена на молчание и почти трагическую тишину долгие дни и вечера в своей квартирке. Молчание прерывалось необходимостью выгуливать Каштанчика, а значит, возможностью поздороваться с такими же старухами, пытавшимися убежать не столько от одиночества, старости, как от необходимости молчать в пределах своих стен.

Анну Ильиничну подруги по несчастью, полировавшие своими задами скамью часами, обвиняли в непочтительном «игнорировании общими интересами», а то и в вычурном эгоизме, именно так сказала недавно соседка. Вычурный эгоизм въелся в память, но вспоминала она о нём только тогда, когда видела эту самую соседку. Каждый раз в такой момент являлось желание тут же открыть словарь и расшифровать значение, толкование слова «вычурный»: почему-то ей думалось, что она отыщет какой-то другой, затаённый смысл этого слова. У неё остались словари от той другой жизни, когда она работала учительницей русского языка и литературы. Но как только Анна Ильинична входила в свою тесную квартирку, она забывала про этот самый вычурный эгоизм.

Это молодость даёт волю тем чудовищным потребностям души и тела, которые нередко надрывают силы, и, в конечном счёте, растворяют человека в так называемом окружающем мире. Тогда наступает одиночество, сотворённое своими руками, ибо непрерывно возрастающие потребности разъединяют людей.

Но то другое одиночество – то сотворённое одиночество в толпе, в водовороте жизни, оно звонкое и надрывное, как крик подстреленной птицы. Не погоня ли за удовлетворением потребностей разъединила когда-то её с любимым, который уехал в пору молодости на Север, где есть большие возможности эти самые потребности удовлетворить. Он погиб там в первую же зиму, не дожив пары месяцев до намеченной свадьбы. То страшное одиночество, навалившееся враз, долго держало её в своем цепком плену, заслоняя свет, заглушая мир красок, звуков, отравляя жизнь, пока не перешло постепенно в одиночество иного свойства: тихое и гнетущее, не имеющее уже ни возврата, ни каких-то пределов.

Одиночество... Существует ли оно? Иногда Анна Ильинична в этом сомневалась. Вечно бубнящий телевизор, редкие, иногда назойливые звон-

ки соседок-подруг по несчастью, длительные порой визиты бывших учеников, короткие разговоры с племянником по субботам. В конце концов, у неё есть собака, о которой она заботится, и которая ждёт её из магазина или поликлиники, испытывая всегда искреннюю радость. Единственное существо, которое проявляло к ней неподдельный и искренний интерес – это была собака, такая же старая и немощная.

Она старалась не тяготиться тоской по молодости, утраченному здоровью, по прожитой жизни без испытанного материнского чувства. Она уже начала привыкать к мысли, что всё прошло и ничего изменить нельзя. Только к старости человек начинает замечать, что потратил многие и многие годы на то, чтобы убедиться в одной единственной истине: всё проходит, всё тленно, а время бежит гораздо быстрее, чем хочется...

С точки зрения подруг-соседок, Анна Ильинична была не очень набожным человеком, да и сама ловила себя на мысли, что не могла сравниться по этому показателю с соседкой, которая почти каждое воскресенье ходила в церковь. Пребывая в состоянии духовно-божественного трепета в минуты отчаяния, елеинного благодушия в редкие минуты душевного подъема, почитая все церковные праздники, она всё же чувствовала какой-то изъян в своем чисто духовном образовании, в смысле – религиозной образованности. И в этом-то просвещала её соседка, имеющая возможность в силу своей «ходячести» посещать церковь гораздо чаще старой учительницы. Несколько иконок, однако, стояли в красном углу, и она иногда молилась, как могла, когда не оставалось уже сил терпеть боль физическую или когда душевная рана вдруг открывалась. Она благодарила Бога уже за то, что он дарует ей пока возможность каждое утро чувствовать радость, состоящую в том, что рядом с ней пусть немощное, но живое существо, её Каштанчик.

Стоило ли так крепко привязываться к какой-то там собачонке? Да, тема привязанности человека к животным всегда трогала умы, всегда человек пытался найти ту грань, за которую не следует преступать. «Не по-божески сходить с ума из-за болезни собачки. А что будет с соседкой, когда не станет Каштанчика? Она же не переживет», – судачили старушки на скамейке. А по-божески ли выбрасывать щенка или котёнка на погибель в мороз, как уже случалось в их дворе? Тут разговор уже клонился в другую сторону. Старушки вздыхали. Где она, серединка? Не есть ли мир, по сути, проявлением крайностей во всем? Жизнь и смерть, любовь и ненависть, преданность и предательство...

Страсти разгорались каждый раз, когда Анна Ильинична выносила своего Каштанчика на улицу. Несколько раз в день она выносила собаку, каждый раз прижимая к груди, как самое ценное, что есть в её жизни. В то время, пока Каштан, уже давно потеряв свою гордую осанку, вытягивал седую голову, прогибал спину и делал своё собачье дело «по девчачьи», не поднимая лапку, Анна Ильинична позволяла себе присесть на скамейку, имея возможность перекинуться парой фраз с соседками. Каждый раз Анна Ильинична слушала доводы в пользу усыпления немощного Каштанчика без раздражения, а наоборот – даже поддакивала своим подругам, но каждый раз оттягивала звонок в специальную службу.

Весь смысл её жизни, лишённой надежды и утешения, сводился к какой-то страстной жажде исчерпать всё, что дано, предназначено и чего изменить уже нельзя, применив хоть самые невероятные усилия. Впро-

чем, жизненной энергии на усилия уже не осталось. Пришла пора созерцать, страдать той сладостно-приторной болью, которая бывает только в глубокой старости, к которой привыкло и тело, и изможденная душа, но когда есть предмет заботы, когда есть пока еще чувство ответственности, от которого так часто пытаются избавиться в молодости.

Сейчас, в этой мрачной обстановке одиночества и отверженности, только чувство ответственности согревало старушку. Она одной рукой гладила лежащую на диванчике собаку, другой как бы пыталась стереть пыль с фотографии молодого человека. Фотография в деревянной рамке стояла на комод, примыкавшем к диванчику – любимому месту отдыха обитателей этой квартирки. Под фотографией лежал блокнотный лист с начерченным номером телефона.

Уже дважды Анна Ильинична набирала этот номер, каждый раз после тяжёлых судорожных приступов, случавшихся у Каштана. Перед тем как судороги вытягивали тельце собаки в струну, он издавал истошный вопль, потом его передергивало несколько раз, появлялась пена у рта. Наблюдать такие сцены не было сил. Свою боль терпеть легче, думалось в такие минуты. Дважды телефон не ответил. Значит, не судьба, – проносилось в воспаленном мозгу. Каждый раз после набора номера, она чувствовала, как сердце сбивается с ритма, сдавливало где-то за грудиной, пересыхало во рту. Она садилась рядом с собачкой, привычно гладила ее рукой. А если со мной что-нибудь случится, как же он? Кому он нужен? Никто о нем не позаботится. Эта мысль часто посещала её в последнее время, так часто, как случались сердечные сбои или внезапные головокружения, такие пугающие, что, кажется, вот-вот сознание покинет ее. В такие минуты она боялась не за себя. Она уже привыкла к повседневному ожиданию того, что наступит неотвратно.

Сегодня утро пришло раньше, чем вчера: в этом нужно было винить бессонницу, но такое уже случалось не раз, поэтому признать сегодняшний день не таким, как множество других, никак нельзя. Вот и диктор в телевизионной рамке тот же. Также моментально забылось то, что минуту назад было произнесено этим смазливym личиком. Назойливая реклама тоже не изменилась. Быстро протараторил о погоде уже примелькавшийся немолодой человек, пытающийся подражать непоседливым молодым ведущим и от этого становившийся смешным. Анна Ильинична даже улыбнулась, подошла к фотографии на комод, провела узловатыми пальцами по верхнему краю, улыбка не сходила с её уст. Случайно она тронула блокнотный лист и отдернула руку, улыбка исчезла, и лицо приобрело оттенок тревожности.

Она вдруг вспомнила, как кто-то из родителей на собрании высказался, что свет ее души освещает и обогревает учеников. Почему-то эти слова часто вспоминаются, греют её уже потускневшую душу. Каждый человек, думала иногда Анна Ильинична, хранит в себе, в глубине своей души особый источник, внутренний свет, который питает в течение всей жизни неповторимую сущность его человеческой натуры. Это он придает человеку в молодые и зрелые годы уверенности в достижении цели, и он

же ссуживает силы пожилому человеку, когда все цели уже достигнуты, для преодоления главной спутницы старости – одиночества. Этим светом человек озаряет других, и чем с большей щедростью он делится светом с другими, тем ярче и теплее этот благодатный огонь. Да, она любила своих учеников, она отдавала им свою душу, своё сердце, всё свое свободное время, свои знания.

Воспоминания о школе возникли не на пустом месте: сегодня она ждала гостя – своего ученика. Воспоминания о том времени возникали всё реже, хотя это утверждение вряд ли справедливо. О школе она вспоминала почти каждый день, но они, воспоминания, обычно, словно просачиваясь сквозь дымку времени, теряли четкие очертания и не всегда детализировались так четко, чтобы можно было разобрать в подробностях события в какой-либо последовательности. Но детали её уже не интересовали, ей достаточно было уже того, что эти воспоминания есть и, в какой-то степени, скрадывают её кошмарное существование. Она долго и безучастно смотрела на портрет молодого человека, взгляд соскальзывал на бумажку с телефоном. Вдруг она вспомнила, что к ней должен зайти её ученик Саша Лукашов, он уже позвонил, справился, сможет ли она принять его сегодня, назвавшись Александром. Смешной молодой человек, подумала она: я теперь свободна всегда... Сколько же лет «молодому человеку»? – вдруг ею завладело любопытство. По всем подсчетам выходило где-то около шестидесяти.

Рука потянулась к листочку, ей вдруг захотелось убрать его, чтобы не увидел Александр (таким образом она хотела избавиться от необходимости объясняться), но тут же рука безвольно легла на колено. Убрать листочек старушка не решилась, она боялась, что в другом месте он потеряется. Взгляд её переместился на часы, время подходило к полудню, Анна Ильинична решила поставить чайник. Она погладила собаку, прошептала ей что-то вроде того, что ей нужно сходить на кухню, чтобы он не волновался. Каштан лишь приподнял голову, уставился мутными глазами в темноту, шевельнул хвостом и снова положил голову на подушечку. Ни слышать, ни видеть хозяйку он не мог и лишь по удаляющемуся запаху определил, что хозяйка вышла из комнаты. Никакого беспокойства Каштан не выказал: он знал, что когда хозяйка уходит по своим человеческим делам надолго, она переносит его на коврик у входа.

Звонок в дверь застал Анну Ильиничну на кухне, чему она обрадовалась: ей ближе к входной двери. Она улыбнулась, отметив это, и тут же рассказала об этом вошедшему, не так уж и молодому человеку. Он оценил её тонкое чувство юмора. Отметив, что Александр изменился и возмужал, она тем самым как бы обозначила тему для начала разговора, и он действительно завязался как-то легко и непринужденно. Несколько лет назад они уже виделись, а случилось это в поликлинике, где у Александра работала жена. Потом он приходил к ней в гости, и они тогда долго пили чай, вспоминая школьные годы. Тогда Александр узнал об истории Каштана – он появился в квартире учительницы в тот день, когда та решила уйти «на заслуженный отдых». Она приютила истощенного щенка, приبلудившегося к их двору. Долго ходила тогда Анна Ильинична по городу, расклеивая объявления, но поиски хозяина щенка не увенчались успехом. За схожую судьбу с известным литературным персонажем, темно-рыжую масть и свою покладистость кобелёк получил кличку Каштан.

Сложное решение уйти с работы принималось мучительно: больше всего она боялась стать ненужной. Но терпеть дальше снисходительно-жалостливые взгляды своих коллег и насмешливые, временами жестокие реплики учеников уже не было сил. К тому времени болезнь уже уродливо согнула её, лишила подвижности не только в спине, но и в шейном отделе позвоночника. Дети жестоко копировали её уродство, и она нередко замечала это...

Ей необходимо было обладать силой здравомыслящей и терпеливой любви к своим ученикам, внутренним светом чуткой души, чтобы сохранить в сердце теплоту и делиться ею щедро и даже расточительно до душевной усталости, даже изнеможения, чтобы не оставалось сил на мучительные воспоминания и, не дай Бог, на мечтательные разочарования.

Но Александр помнил свою учительницу в те далекие школьные годы молодой и здоровой. Сейчас он смотрел на старушку, сидевшую напротив, поглядывавшую на него изредка исподлобья, и не мог отвязаться от мысли, что от бывшей красоты не осталось ничего. Глубоко посаженные некогда красивые синие глаза сейчас смотрели на него влажным туманным взглядом. От необходимости постоянно смотреть вверх из-за выраженных надбровных дуг они стали на выкате, и это портило её лицо. Лишь характерные округлые скулы да прямой греческий нос придавали ей схожесть с той молодой учительницей.

Александр отметил, что все вещи, предметы, которыми пользуется старая учительница, разместились на нижних полках потускневшего кухонного гарнитура. Верхние полки опустели. «Теперь Анна Ильинична живет на первом этаже», – иронично заметил он про себя и горько улыбнулся. Она, наделенная особой чуткостью, которая присуща каждому тонко организованному человеку, перехватила улыбку, сказала что-то вроде того, что время вершит свой суд, стала оправдываться, что давно не делала ремонт, что теперь уже, наверное, в нём нет нужды. Тут она запнулась. Возникла неловкая пауза. В это время варенье с её ложечки капнуло на ворот свитера, и она пальцем стерла прозрачно-розовую каплю, облизала палец, вытерла его застиранной тряпочкой для стола и сделала это так привычно и обыденно, как можно позволить себе только в присутствии очень близкого человека, сразу прошла возникшая напряженность. Александр расслабился, он встал и посмотрел в окно. Там за стеклом на скамейке сидели старушки и о чем-то беседовали.

После чая они перешли в комнату. Анна Ильинична не могла не пожаловаться на болезнь своего Каштанчика. Она рассказывала об ужасных приступах «навроде эпилепсии», при этом непрерывно гладила собаку, показала листочек с телефоном и, конечно же, не преминула поведать о том, что дважды телефон не ответил, что каждый раз «сердце заходится», но все равно «никуда не деться». Анна Ильинична не обошла вниманием и свое здоровье, и здесь она упомянула о нём не потому, что хотела выдать слезу сочувствия, она говорила о своих «сердечных делах», о своих «полуобмороках» в том ключе, «что будет с собакой, если со мной что-то случится».

Она искала сочувствия и находила его в глазах Александра. Он смотрел на свою учительницу и не мог отвязаться от мысли, что одиночество может раздавить человека, уничтожить его, но оно и возвышает его над другими, ибо человек, не переживший одиночества, не может стать в пол-

ной мере сострадательным и справедливым. Представление, которое люди составили себе об одиночестве и старости, всегда будет отличаться от суровой действительности, ведь представить себе и пережить, прочувствовать – это не одно и то же. И не одно и то же дать совет одинокому человеку и получить его. Люди, стоящие по разные стороны баррикад, не могут понять друг друга в полной мере, но сочувствие, идущее от сердца, это и есть попытка понять, а она дорого ценится нуждающимися. Здесь нельзя, что называется, пересолить. Александр держал меру умело, терпеливо выслушивая учительницу и удивляясь ее выдержке, такту.

Собственно, наступил тот момент, ради чего пришел Александр: он принёс книгу одноклассника Володьки, тот сейчас живет в далекой Сибири, пишет, уже удостоился литературных премий, просил передать вот этот экземпляр. Анна Ильинична узнала о таком увлечении своего бывшего ученика от Александра тогда в поликлинике. Сейчас она трепетно гладила обложку книги и сказала, что не могла бы подумать, что тот неусидчивый сорванец, доставлявший немало хлопот своим не самым лучшим поведением, мог бы стать писателем, ведь чтобы писать книги, нужна усидчивость.

Александр возразил, что, мол, жизнь меняет человека, а усидчивость вырабатывается опытом и обстоятельствами, в данном случае он подумал и о себе, о своей нелегкой военной службе. Она легко согласилась, в свою очередь сославшись на свой опыт, заставивший её выработать в себе не только усидчивость, но и терпеливое отношение к несправедливой судьбе. Разговор как-то увядал. Усталость хозяйки не ускользнула от наблюдательного Александра. Анна Ильинична встала, сославшись на то, что от долгого сидения «ломит в спине», подошла к окну и, увидев на скамейке свою соседку, вспомнила про «вычурный эгоизм». Вкратце поведав своему ученику о сути «обвинений» со стороны соседки, она попросила Александра достать словарь Даля на букву «В». Он исполнил ее просьбу.

Так незаметно визит подошел к концу, Александр откланялся. Он хотел было обнять учительницу, но почему-то не сделал этого. С минутку подержав в своих больших ладонях её морщинистые руки, он высвободил их, положил руку скорее на спину, чем на плечо учительницы и, сказав обычное «держитесь, не болейте...», вышел. Уже в проёме двери негромко и робко прозвучало приглашение наведать её, когда найдется время, и просьба передать привет Володьке и благодарность за книгу. Лишь только закрылась дверь за гостем, Анна Ильинична, постояв минутку в раздумье в таком месте, откуда ей был виден и стол на кухне с неубранной посудой, и край дивана, всё же склонилась в сторону мягкой лежанки. «Потом уберу, – махнула она рукой, – нет сил».

И тут она не приbedнялась, действительно силы покидали её, и она с трудом добралась до дивана, перебирая руками от стенки до косяка двери, а там уже и до комода. Взяла в руки словарь, но не стала открывать его. Полистала Володькину книжку, обрадовавшись тому обстоятельству, что там есть иллюстрации, улыбнулась, поставила её, прислонив к старой цветочной вазе. Села рядом с Каптаном, он отреагировал взмахом хвоста, достала пузырек с лекарством. Стакан с водой стоял тут же на комодe, рядом с портретом улыбающегося человека. Снова на глаза попался листок бумаги с крючковатыми цифрами, она поставила на него стакан, будто пытаясь таким образом его замаскировать, сделать недо-

ступным взору. «Я не смогу позвонить сейчас. Я не смогу позвонить никогда, – прошептала она. Глаза ее увлажнились, – но что станет с моим мальчиком?» Она погладила Каштана, легла рядом. Он придвинулся к хозяйке вплотную, лизнул руку. «Потерпи, мой мальчик, я знаю, что нам пора на улицу, потерпи...»

Человеком Александр был далеко не сентиментальным: суровая жизнь военного человека не способствует развитию этого качества, но природа наделила его душой чувствительной к чужой беде. Растроганный встречей с учительницей, он решил свой путь домой держать через безлюдный парк, хоть и было это значительно дальше. Ему хотелось подольше продержаться в себе то состояние щемящей чувственной подавленности, которое заполнило его душу целиком. В этом мире все ищут покоя, умиротворения, промелькнуло в его голове, но есть ли одиночество умиротворяющим, нет ли в нём чего-то от жестокой несправедливости? Он повернул к старинному мосту. Течение под мостом несколько ускорялось, ибо сжатая каменными опорами река, стараясь пропустить всю воду через узкое место, убыстряла свой ход, и от этого у средней опоры возник небольшой водоворот. Он-то и притянул взор Александра. Журчание, издаваемое водовертью, то усиливалось, то становилось почти неслышным. Вот так течёт время: то замедляясь, то убыстряясь, всё, как в жизни...

Александр ещё пребывал под воздействием недавно состоявшегося разговора с учительницей. Он еще там, на кухне, отметил про себя, что она говорила так, будто завтра решила умереть. Она словно прочла его мысли и сказала, что чувствует, что час уже настал, что пора... Только страшное слово она не произнесла, будто боялась накликать беду раньше срока. Но это, видимо, показалось ему: она уже давно преодолела самый жуткий страх – страх смерти, что сделало ее свободной от истощающей нутро мнительности, каких-то предрассудков и предчувствий. Это сделало ее чуткой к справедливости, но не зависимой от неё настолько, чтобы требовать её от других. Нет, она не боялась смерти, как не боялся её те, кто уже привык ждать конца, она уже не взывала к надежде.

Ученик поймал себя на мысли, что с тех пор, как человек становится одиноким, он словно очищается от скверны страсти, становится чистым и обретает несокрушимую силу духа; отчаянье и одиночество шлифует душу до блеска, но делает это безжалостно – грубой наждачной фактурой по живому.

Река давала возможность почувствовать промозглость этого осеннего дня: нависшие сплошным покрывалом тяжелые серые тучи отражались в воде таким же темно-серым свинцом. Парк на другом берегу, наполовину сбросивший с себя жухлую листву, понуро застыл в окружающей его серости. Просыпались на воду первые капли осеннего дождя, их становилось всё больше и больше. И вот тогда, когда шелест, прошедшийся по воде, заглушил журчание у центральной опоры, Александр услышал радостный женский голос за своей спиной. От неожиданности он резко оглянулся. Насколько же он был поражен, увидев пару идущих стариков под одним зонтом. Она, маленькая, сухая старушка держала зонтик, высоко задрав руку, и что-то весело рассказывала своему попутчику. А тот, большой и грузный, тяжело переступая с ноги на ногу, раскачива-

ясь при этом, держался за свою маленькую подругу. Лицо его ничего не выражало и казалось даже мрачным. Александр вдруг поймал себя на мысли, что он в один миг разгадал тайну этой немолодой пары. Он смотрел вслед старикам, зачарованный такой картиной: словно в туман, в эту осеннюю серость уходит пара пожилых людей, и это на фоне старинного замка. Величественная картина, подумал Александр. А ведь всю жизнь этот, сейчас немощный толстый старик, был опорой своей жене, подруге. Он был здоров и полон сил, а теперь превратился в большого грузного немощного старика, нуждающегося в помощи этой хрупкой, сухонькой старушки. Всё поменялось. Не изменилось одно – они также нуждаются друг в друге, как и в молодости.

Дождь усилился, Александр быстрым шагом прошел через парк, посетовав на то, что не пришлось пошуршать листьями, и спрятался в маленьком уютном кафе, чтобы переждать дождь. Кофе подала молодая миловидная официантка. Она, поставив чашечку на стол, крутнулась на месте и пошла через зал, кокетливо виляя задом, завлекательно чеканя шаг. Она, конечно же, знала, что у неё красивые ноги, потому и юбочка ничуть не мешала ими любоваться. Но Александр вдруг подумал: а ведь и она когда-нибудь состарится.

Домой Александр пришёл в скверном расположении духа. Стало смеркаться. Жена собирала на стол. Все время, пока жена возилась на кухне, он сидел у камина и смотрел на разгоравшийся огонь. Ни говорить, ни даже думать не хотелось.

За ужином он молчал. Не выдержав долгой паузы, едва ли не впервые нарушив заповедь офицерской жены – не лезть в душу, она задала несколько вопросов подряд. Она задавала следующий вопрос, не получив ответ на предыдущий. Ее интересовало, как прошла встреча с учительницей, не болеет ли она, и не с этим ли связано такое подавленное настроение, спросила о погоде, посетовав на то, что целый день не выходила из дому. Она словно нащупывала путь к диалогу. Но офицер молчал. Вдруг он сказал, не поднимая головы от тарелки: «Хорошо, что мы старимся медленно и успеваем привыкнуть к этому». Всё, больше он не сказал ни слова.

Утром ему позвонили. Это была соседка Анны Ильиничны. Он догадался сразу. Уже при встрече соседка рассказала, что: «Вечером не вышла, думали, может, так, что-нибудь, а вот когда и утром не вышла, тут уж и ломиться стали. Умерла на диванчике. Прилегла отдохнуть, да так и не проснулась. Легкая смерть. Заслужила она, добрая душа, – причитала соседка, – А Каштанчик-то прямо мордочкой в лицо уткнулся и тоже того... Он ее, видимо, мертвую лизал, целовал...» – при этих словах соседка залилась густыми слезами. «Вон там на балконе лежит Каштанчик в простынке. Не пришлось ей специалиста вызывать...» – добавила она, уже успокоившись.

Хоронили на третий день, как и положено. Отпевал Анну Ильиничну молодой священник. Никто не рыдал, не бился в истериках. Пришло много народу – в основном бывшие ученики – Александр постарался. Нанесли много цветов, венков. Тихо всхлипывали соседки, племянники вытирали мокрые глаза платками, ученики стояли молча, многие тихо плакали. И

вот, когда священник закончил отпевать и должен был дать команду выносить из квартиры, вдруг соседка запричитала громко:

– Отец Антоний, отец Антоний! Позвольте в гроб собачку положить, она же ей была как дитё. Позвольте, позвольте! – она упала на колени и стала хватать батюшку за полы рясы.

– Не по-христиански это, нельзя! – строго пробасил батюшка.

– А может, исключение...

– Я сказал нельзя! Выходите все, выходите. Все выходите! – громко повторил священник. Он помог подняться старушке, – А вы останьтесь, – тихо обратился он к Александру.

Все вышли.

– Возьмите собачку и положите в ноги, прикройте, чтоб не видно было. Не по-христиански это, понимаю, прости, Господи, – увидев недоумевающее лицо Александра, сказал батюшка, – но святая женщина была Анна Ильинична, у неё мой старший брат учился и отец. Царствие ей небесное, – он перекрестился.

Александр исполнил, как велел священник.

– А фотографию можно, вот эту тоже?..

– Да, конечно, только прикройте...

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

Лидеры моей эпохи

От автора: Очень неважное слово: оправдываться. Большой грех – перед кем-то оправдываться. Императоры не оправдываются. Если оправдывается – не император.

Зато какое гордое слово: оПРАВДАНИЕ. Правда и только правда – как на духу.

Я адвокат своей эпохи. Своей персональной – великой и красивой – эпохи. Прокуроры моей эпохи уже все высказались и всё высказали. Последнее слово – за адвокатом. Это его обязанность: оПРАВДАТЬ.

Эпохальный Никита

Великий лидер Советского Союза Никита Хрущёв – кумир моей деревенской юности. Не всякого государственного главу народ называет по имени-батюшке. Хрущёва звали уважительно и по-свойски: Никита Сергеевич. Наш Никита Сергееч.

Яростный оратор. Бесстрашный новатор-революционер. Беспощадный коммунистический ортодокс-консерватор. Непримируемый враг мирового империалистического колониализма. Очень живой. Простой, невысокий, толстый. Простоват. Толстоват. Грубоват. Свой. Прост, как явленная тайна.

Всесоюзное радио часами транслировало его длинные темпераментные речи против свинойрылой нечисти империализма. Неистовый Фидель явно у него набирался опыта ораторского пыла. За словом в карман Никита Сергеевич не лез. Врагов не жалел – гвоздил. Оппонентов честно презирал. Оппортунистов клеймил. Слабодушную современную творческую интеллигенцию не понимал, не уважал и откровенно недолюбливал. Кроме Михаила Шолохова.

Хрущёв вывел в космос не только Советский Союз и Юрия Гагарина. Хрущёв – это прорыв человечества в космос... Он вывел в космос человечество. Более эпохального события на планете человечество не знает. Эпохальные события и лидера делают эпохальным.

В 1953 году я пошел в первый класс Могочинской средней школы имени А.С. Пушкина. Хрущёва в этом году избрали на главный пост в Советском Союзе. В 1964 году я получил аттестат зрелости в родной «Пушкинке» и начал учебу в Томском государственном (Первом Сибирском Императорском) университете. В том году Никиту Сергеевича неделикатно заставили сложить полномочия главы государства и отправили на пенсию.

Эпоху Хрущёва называли «Великое десятилетие». Великое десятилетие – мои школьные годы. Время становления, я надеюсь, личности. Мне повезло со школой, юностью и эпохой. Это была великая эпоха!

Хрущёв создал атомный щит советской страны – навсегда, навечно защитив нашу родину от неистребимых врагов. Приняв эстафету от Сталина, он с партнёрами – лидерами великих держав – действовал исключительно на равных. Никита Сергеевич – гордый лидер. Гордый русский. Сняв свой поношенный башмак, постучав по трибуне ООН, он доступно

напомнил всем записным и потенциальным обидчикам, что нет на планете силы, которая может одолеть русский народ.

Не властелин мира, но – дирижёр мира. Как ни у кого другого, у Никиты было много честных друзей-лидеров – на всех континентах. С сильными дружат, к сильным льнут. Как, впрочем, у Никиты Сергеевича было немало и врагов, особенно в собственной стране.

Хрущёв – победитель не только в известном Карибском кризисе, а по существу – победитель в первой советско-американской войне (почему-то все лавры приписывают жалкому US-президентишке Дж. Ф. Кеннеди). Победитель! Хрущёв лишил США ореола непобедимости. Штаты сами себе присвоили статус супергосударства. Но после хрущёвской Кубы этот ореол – в умонастроении народа – быстренько увял и навечно сдулся. Никита грубовато продемонстрировал: хваленые янки всегда струсят и вовремя побегут на попятную. Народ у Хрущёва твёрдо и уверенно знал: любой агрессор получит честную советскую сдачу. Повторить? Повторим!

Искренне любя своего предшественника – генералиссимуса Сталина, верный сталинец и сталинский наследник Хрущёв честно рискнул и смело развенчал культ личности.

Кстати, немудрёный Хрущев завершил все начатые великим Сталиным великие проекты. Все. Советская страна с главным романтиком, пожилым Никитой мощно осваивала мою родную Сибирь. Красивая эпопея.

Мой отец поздновато подключил в нашу хатёнку проводное радио. Но вовремя. Всесоюзное радио, не переставая, вещало о новых сибирских стройках. Братская ГЭС, нефтяной Саяногорск, перекроем Енисей! Даёшь Тайшет! Здесь будет Саяно-Шушенская ГЭС! Алтайский Кедрогород, Томский Улу-Юл, Ангарский гидрокаскад... Новосибирский Академгородок – новый интеллектуальный центр планеты. Северно-ледовитые моря русской Арктики бороздят первые атомные ледоколы. Штатные испытания супербомбы на архипелаге Новая Земля. На невероятный атомный эксперимент мог решиться исключительно великий государственный авантюрист, дорогой Никита Сергеевич.

Мы всё сумеем! Мы всё сможем! Нам всё по силам!

Энтузиазм обретал плоть. Оптимизм каждого народного человека – реальная мощная сила. Коммунизм осуществим и уже неподалёку. У великого поколения красивой эпохи была своя красивая мелодия. Какие замечательные песни распевало всё то же Всесоюзное радио и его дитяtko – молодежная радиостанция «Юность»! Трогательно, пафосно, с суровой нежностью, девичьи напевно, бойцовски яростно. Александра Пахмутова – Чайковский XX века. Песни тех лет до сих пор, знаю, звучат в нестареющих сердцах моих сверстников-современников. Но...

Кто придумает новый Тайшет? Кто другую найдет Ангару?

Мы, дети победителей Второй Отечественной и Второй мировой, вершили – завершали дела своих погибших отцов, дядьёв и дедов. Эстафета победителей: подвиг мирного созидания.

«Шестидесятниками» в Союзе называли себя в основном творческие интеллигенты. Но шестидесятники – гвардия эпохи Никиты Хрущёва – это генеральный конструктор Сергей Королёв, ткачиха Валентина Гаганова, нефтеразведчик Василий Подшибякин, академик Мстислав Келдыш, космонавт Юрий Гагарин, железнодорожный строитель Дмитрий Коротчаев. Арктические моряки, строители космодромов, монтажники-высотники атомных станций и ядерных центров, непобедимые хоккеисты, мировые шах-

матисты и олимпийские чемпионы. Физики... и примкнувшие к ним мои любимые Роберт Рождественский, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Булат и Белла.

Время настаивало и настраивало: будь сибиряком!

Любящий своё родное сибирское гнездо, я родился в «великом десятилетии» великого отечественного патриотизма. Сибирь – родина и родная – сердце планеты. Ты в центре мировых событий, сибирское чудо – будущее планеты. Сибирское время само рождало это обострённое чувство любви.

Спасибо, кстати, Всесоюзному радио. Если я целых 55 лет проработал на радио – это тоже первая любовь.

Мне нечего – да и поздно – лукавить: я редко нахожу сторонников, когда горячо настаиваю: Хрущёв – великий лидер великого (моего!) государства и времени.

Обычная реакция:

– Хрущёв? А-а-а, этот кукурузник с башмаком в ООН. Толя, ты давно мозги проверял?

Мы с Хрущёвым всё понимаем и всех простим.

Говорят, время всё расставит по своим местам. Со Сталиным время разобралось. Великий лидер человечества. С Хрущёвым время замешкалось. Аналогов нет. Никита неповторим. Может, его время ещё не пришло. Или – уже ушло?

Мне с юностью повезло. И с лидерами страны. Я родился при великом. Надеюсь, и упокоюсь при великом.

Лидером, «Человеком тысячелетия» (в прошлом тысячелетии) человечество признало Чингисхана – мудрого воина, великого строителя великой империи, свирепого мудреца. Понятно, найдется немало охотников и на этом солнце Тысячелетия поискать пятна. Но человечество – признало!

Репутацию Никите Сергеевичу в родной Отчизне нарисовали – хуже некуда. Но ему не в чем и не перед кем оправдываться. Хрущёв сделал всё и даже больше. Для меня он – Человек столетия, моего родного XX века.

И великий лидер – это всегда одиночество.

Оправдание Михаила

Всех девушек, которые доверились вам, будете ли ругать за их излишнюю доверчивость? Если осуждаете – вам дальше лучше не читать.

Государственное доверие бывает? А доверие между народами? Между лидерами? Фантом? Наверняка. Но это вовсе не обесценивает человеческое доверие. Как с девушками.

Однажды мне удалось заглянуть в глаза Михаилу Сергеевичу Горбачеву. Произошло это на великом Уренгое, на историческом газопромысле №2 (первенце Уренгойского газогиганта). На пульте промысловой установки я оказался как раз напротив генерального секретаря ЦК КПСС. Нас разделял неширокий технологический стол. К Михаилу Сергеевичу жалась Раиса Максимовна чуть-чуть, как мне показалось, испуганно – видимо, мощь Уренгойского газового потока её слишком впечатлила.

Я так пристально глядел на Горбачёва, что он отвлекся от рассказа уренгойского хозяина Ивана Спиридоновича Никоненко, пошарил взглядом, уткнулся в меня и доверительно кивнул.

Честный такой мужской взгляд, мол, действительно: посмотри какой масштаб! С такой мощью никогда не пропадем.

Я согласился – взглядом с генсеком.

– Держись, МихалСергеевич! Сибирь с тобой!

Это был первый сибирский маршрут начинающего генсека. Уренгой, Сургут, Нефтеюганск, Тюмень.

Я тогда работал в Салехарде, только что возглавил контору ЯмалГостелерадио. Своего телевидения великий Ямал тогда еще не имел. Только радио.

Мне позвонили из Москвы, из ТВ-штаба с Мясницкой, 13.

– Срочно собирайся в Новый Уренгой. Туда летит генсек. Будешь организовывать работу московской съемочной бригады.

У меня опыта – ноль.

– Принцип единственный, – пояснил московский теленазначенный. – Гостелерадио: и – везде, и – первое. Никаких впереди «правд» и «известий». Мы первые.

Я старался – пил с охранными чекистами дефицитную водку, собирал с ними последние сентябрьские грибы в местной лесотундре. Подружился.

Гостелерадио, кажется, не подвел. На всех объектах первыми встречали Горбачёва «мои» подопечные – московские телевизионщики. Тогдашний сам «главный» ЦТ Леонид Петрович Кравченко прислал попозже в Салехард Почётную грамоту и выписал мне премию.

Я даже под локоток подсаживал МихалСергеевича в головной правительственный автобус. И навсегда запомнил его открытый взгляд и свойский кивок. Мы же деревенские.

Его тогда любила вся страна. Называлась – Советский Союз.

Честно признаюсь себе: нет, он Родину не подвёл. Он сделал всё, что мог и что ему велело время.

Я – советский человек. У меня к совласти никаких претензий, хотя я сын репрессированного отца. Советская держава меня выучила, дала профессию, позволила делать любимое дело, голодом не жил, рассчитывал только на себя. Но когда Горбачёв начал свою перестройку, в самом её начале, я почувствовал – генсек выпустил страну, народ и меня в том числе – на свободу. Распахнул двери – нет, не коммунистической тюрьмы, но – целой страны. В чём я был до этого несвободен? Коммунизм – замечательное стремление к справедливости, но советское строительство было отягощено колючей проволокой догматического марксизма.

– Учение Маркса вечно, ибо единственно верно!

Всё! Думать нечего. За тебя уже всё продумал бородатый еврей. На века вперед.

Я вышел на горбачевскую свободу: отвага мысли не просто позволена, а насущно необходима. Невероятное чувство освобожденности.

Всё, что потом делалось Горбачёвым – удавалось или не удавалось – не могло перечеркнуть его главного (может быть, нечаянного) подвига.

Всё остальное он – плохо-хорошо – делал вместе со свободным народом. Свободными народами Союза.

Идеальных лидеров не бывает.

Но эпоха всегда выбирает исключительно достойных. Слабых лидеров не бывает.

Лидер может быть – смелым, мудрым, доверчивым, беспощадным, коварным, сложным, честным, насущным

Даже пустым – как некогда Керенский. Но всегда – достойным своей эпохи. И следовало бы забыть про знаки плюс и минус. Лидер – это не арифметика.

Россия – щедрая душа. Простодушна. Добродушна. Великодушна.

Это её главные достоинства – на человеческой планете. И... Пожалуй, не самые нужные качества для выживания в этом беспощадно конкурентном мире.

Когда хулят лидера: «Это не мы, это Горбачёв», – и народ, и каждый гражданин снимает с себя ответственность:

– Это всё он. Один.

А пресловутые элиты? У нашей отечественной элиты, сдаётся мне, всегда одна задача – не нести никакой ответственности:

– Вот я бы...

Но эпоха «ябы» не выбирает.

...Известный, наверное, неплохой профессионал, но излишне вальяжный и чересчур самодовольный телеведущий независимого федерального канала – ненароком, невзначай, мимоходом – в политической телепередаче сравнил Михаила Сергеевича Горбачева с фашистским вырождением и убийцей украинского народа Зеленским.

Лягнул.

– Мол, оба падки на заморские аплодисменты.

Кстати, корень фамилии этого телеведущего – что примечательно – «чернь».

Ненароком, но убежденно самодовольно, как будто у него в кармане лицензия от начальства телеканала на оскорбление лидеров Советского Союза. Совершенно без повода.

Нобелевский лауреат премии мира, последний политический гигант Советского Союза и – мелкий фашистский холуй мирового империализма. Какой же степени отсутствия национальной гордости и национального достоинства надо обладать, чтобы произнести такое! Поставить в один ряд!

Но так в Москве, наверное, не только на фешенебельном TV – по обыденке, по привычке, не задумываясь. Не запахло. Бренд такой, мейнстрим: лягай. Мертвым не больно.

Выражение лица у телеведущего – напыщенная чернь – было снисходительно высокомерное:

– Не оправдал ты моих надежд, товарищ Горбачев, не оправдал. Приходится тебя в один адский котёл вместе с кровавым комиком.

Горбачеву было поставлено в вину: Берлинскую стену он сдал без торгов, задарма. Не торговался. А ведь мог, но не оправдал коммерческих надежд.

Так трактуются сегодня великие подвиги мощного национального лидера. Богатыри простодушны и доверчивы.

Я современник исторических событий Горбачевской эпохи. Помню атмосферу тех времен, азарт эпохи.

Советский лидер осуществил мечту европейского человечества – позволил разрушить Берлинскую стену, воссоединиться разьединенным немцам. Берлинская стена пала без танков и крови. Не торговался? Зато мир столкнулся с высшей мерой русского благородства и русского вели-

кодушия. Германия и Европа это не оценили? Ну, это позор поганой Европы, а не Горбачева. Советскому Союзу не стыдно – перед самим собой. Это шаг победителя, только великий победитель – народ и лидер – может позволить себе такое великодушие.

За всех современников отвечаю – почти за всех – мы всем Советским Союзом гордились своим лидером. Да, за позорную Европу стыдно. Мы, русские, гордый народ – за ценой не постоим, но ведь великодушие цены не знает, расценки не устанавливает.

Чтобы не развязать войну, надо обязательно чем-то поступаться. Доверие бывает только бескорыстным. Чернь горбачевскую свободу и сегодня осуждает.

История Горбачева рассудит справедливо. Я стараюсь по мере возможности ей помочь. История – дама строгая, не справедливая.

Когда схлынет пена дней – она обнажит суть подвига советского лидера.

Горбачев в высшей степени по-христиански ответил и на вызов времени, и на запрос времени.

Горбачев – русское великодушие, советское благородство, государственное достоинство. Он знает – он возглавляет единственную в мире империю добра. Он пробовал – добром. По-доброму. Но добро на планете сразу не приживается.

...Моё поколение – детей Победы – сильное. Работящее, нежное, мощное, умное, красивое, сентиментальное, мыслящее. Вселенное!

Моё поколение – Гагарин, Гаганова, Великая Отечественная нефтегазовая эпопея в Сибири, Собянин и Путин.

Моё поколение вознесло человечество в космос, но... обронило Советский Союз. И... Надежный фундамент новой России – дело рук моего поколения.

История не рассуждает. Не учит. Она происходит. Альтернативы происходящее не знает. У эпохи, у истории – альтернативы Горбачёву не было. Горбачёва выбрали мы. Эпохе требовался именно такой лидер. Горбачёв – окончательный вариант советской альтернативы. Он старался. Его время еще не пришло? Его время состоялось!

Спасибо, Михаил Сергеевич.

Оправдание Бориса

Любой государь делает не только то, что может, любит и умеет, что ему нравится – но и то, что необходимо и обязательно. Небо подсказывает. Время. Народ требует.

Выбрав Путина в свои преемники, Борис Ельцин оправдался за все свои грехи перед Россией на всё Третье Тысячелетие вперёд.

Суровые оппоненты, прислушайтесь: даже только за это Борис Николаевич не заслуживает нашей неблагодарности.

Не снисходительного кивка, а честной исторической благодарности. Русского спасибо.

Или Россия – не щедрая душа?

Или Россия мощно не стартовала в Третье Тысячелетие? Могла, могла не стартовать.

Мне как-то нечаянно довелось обедать с первым президентом РФ в ВИП-столовке надымской гостичники «Северянка». Ельцин – наверное, это был его первый президентский вылет в провинцию – облетал большую Тюменскую область. В пресс-сопровождение на крохотный Як-40 затесался и я, тюменское телевидение. Мы везде опаздывали, но в Ельцинскую свиту, которая собиралась откусать – пообедать в «Северянке», я неправым образом проник. Безопасные нравы по тем временам были бесшабашно простые, охрана не то что не свирепствовала, ее, сдаётся, вообще не было. В общем потоке я и проник в маленький зальчик давно знакомой мне столовки. Прочно ухватился за стул в уголке и оказался неподалеку от Самого.

Он по-рабочему, без пафоса принялся за еду, говорил не переставая, и я слышал всё, о чем он говорил. Это происходило вскоре после падения Горбачева, и Борис Николаевич с упоением вещал, как он ловко, тонко и деликатно одолел безнадёжного МихалСергеевича.

Ельцин – человек по-русски искренний, а Горбачева он ненавидел яростно искренне.

Мне показалось – мелковато для президента великой державы. Враг повергнут – забудь. Но Ельцина несло. Он упивался.

Не по президентскому рангу. Ведь он начинает президентскую историю России. Повеликодушнее бы...

Подали второе – ямальского муксуна, жареного по-надымски, на сковороде. Премьер-блюдо «Северянки».

Отменный муксун на время отменил Горбачева. Борис Николаевич с яростной искренностью хвалил вахтовую повариху и просил передать ей своё гастрономическое восхищение.

– Да, слабоват жилой наш дорогой Михаил Сергеевич, – добил он соперника, отодвигая пустую сковородку. – Болтунишка!

Мне надымский муксун тоже пришёлся по душе. Раньше здесь я такого не едал. Президентское меню.

Искушение русского президента Бориса Ельцина западной демократией – это историческое искушение российского общества.

Ельцин это искушение не преодолел, искусился, попробовал... Мы все испытали. Многим, кстати, понравилось.

Но мало кто понял, что Ельцин, работая с бумагами в не вполне сознательном состоянии, сделал родному обществу прививку. На советской почве эта демократия будет выглядеть вот так: неприглядно и вопиюще несправедливо. Он заставил нас задуматься: это правда, что ли, демократия? Имеет ли она какое-то отношение к справедливому мироустройству?

Я помню. Россия жаждала. Россия неистово жаждала демократии.

Демократия... Ты свободен и автоматически богат. Демократия... Шанс каждого: проголосуй сердцем и завтра проснешься богатым.

Россия засутилась. Какой дурак упустит такой шанс? России нужен был именно Ельцин – искушенный и искуситель. Главная жертва демократического искушения. Российское общество обязано было пройти это искушение. С искренним Ельциным это произошло.

Понятно, искушенный враг плотоядно посмеялся. Но, полагаю, научил. Надолго.

Мудрая вещь – живая история. Она не знает, правильно ли поступает или неправильно, в правильном ли направлении движется ход истории или свернул с верного пути человеческого прогресса-регресса.

Лидер – слепое орудие бесшабашной истории. Слепой поводырь слепой истории.

Мне нравятся современники-мудрецы, которые честно знают, куда и как правильно двигаться историческому прогрессу. И пророки, которые не просто знают, а предсказывают точные маршруты и орбиты достоверного исторического процесса.

Поэтому история не запоминает их имён.

Ельцин никогда не оправдывался и в оправданиях не особо нуждался.

Кстати, если рассматривать Горбачев-Ельцин, Горбачев-Ельцин – как единое целое и неизбежное России – этот несовместимый тандем смотрится исторически симпатичнее.

Для меня у Бориса Николаевича есть еще одно алиби – он земляк.

Когда его только-только избрали президентом России – мне позвонили из Гостелерадио СССР:

– Съезди на родину к соседу Ельцину, поснимай, Расскажи нам, соотечественникам.

Деревня Бутка Талицкого района Свердловской области – чуть больше сотни вёрст от Тюмени. В Бутке я выяснил – в год рождения Бори Ельцина эта деревня входила в Тюменский уезд Талицкой волости тогдашней Уральской области.

Ельцин – Тюменского уезда.

Первый президент Российской Федерации – земляк!

Земляков не обижают. На земляков не обижаются.

Да и он сделал всё, что мог. И больше того – что не мог. Выстоял. И Россия выстояла.

Это произошло?

Произошло. Исторически.

Ты принимал в этом участие?

Принимал. Цени своё место в отечественной истории.

Ты всё делал как должно? Но случилось – как произошло.

Спасибо, Борис Николаевич.

Если сурово, пафосно. Мы, каждый из нас, делали с тобой историю Родины. Первый спрос – с тебя, но и с каждого из нас.

Понятно, уральский уроженец Ельцин завершал непростой XX век России (начинал уральский расстрелянный Николай II). Это трагическая история – конец века. Но это и старт новой России в Третье Тысячелетие. Ельцин проделал всю неблагодарную работу, чтобы Россия мощно стартовала в век XXI.

Поставь себя на его место.

Ирина СТЕЦИВ

Блиц-воспитание

I

Когда бабка Галя увидела Колю-скотника за своим забором в белом костюме немыслимого фасона и туфлях, тоже белых, её рот открылся и не закрывался до тех пор, пока тот не сказал ей: «Здравствуйте, тётъ Галь!»

Бабка губы сомкнула. Но отвечать не торопилась, вдруг обозналась?

– Вы что, не узнали меня? Это ж я – Коля...

Николай хотел добавить свою привычную, ставшую уже вторым именем кличку «Скотник», но запнулся и спросил:

– Вы маманю не видели?

Бабка присмотрелась: вроде и правда похож на бывшего соседа, только говорит как-то не так. Тот Коля объяснялся одними матюгами, а из обычной речи, как говорила её дочка-учительница, употреблял только предлоги да союзы для связки, ведь вместо них «матерков» ещё никто не придумал. А этот пижон балакал чисто, гладко, и потому его речь казалась какой-то пресной, как борщ без перца...

– Теть Галь, маманю мою не видели?! – погромче переспросил парень, и на лице его появилась хитроватая наглая улыбка, такая знакомая, что Галина уже не сомневалась – Колька! И хотя ни разу за всю их соседскую жизнь Коля-скотник к бабке на «вы» не обращался, она, наконец, подала голос:

– Верку, что ли?

– Да, Веронику Оттовну, маманю мою.

– Туточки она, недавно в огороде мелькала... Да ты заходи, Николай, у меня подождешь, чайку поставлю...

– Спасибо, теть, я тут, на крылечке. Газетку только дайте.

Галина думала – в туалет, но Коля аккуратненько постелил её на ступеньку крыльца, сел и закурил, осматривая подворье и его родной дом-развалюху. Построил его отец Коли – Гюнтер Шнайдер, а попросту – Гоша, которого Коля по малолетству не помнил. Отец работал электриком, от электричества и погиб – током убило. Двор, огороженный неровным строем штакетника, напоминавшего гнилозубую улыбку алкоголика, зиял желтыми песчаными проплешинами, в которых порхались куры, и скудное обрамление по краям чахлой муравой делало его похожим на огромных размеров лысину. В этом дворе Коля вырос, а после окончания восьмилетки отсюда пошел работать на скотный двор, где научился у тамошних мужиков виртуозно материться, пить водку и драться. Ни одни поселковые танцы не обходились без того, чтобы Коля не затеял хорошую потасовку с криками, руганью, кровью и девчоночьими визгами. Так бы жизнь его и прошла, завершившись белой горячкой, но тут вмешались в непутевую жизнь Николая крупные исторические события. Его этническая родина, то бишь Германия, наконец-то воссоединилась своими насильственно расчлененными частями. Потом нагрянули экономические проблемы: коренной немец не хотел работать уборщиком, посудомойкой, каменщиком. Он не желал иметь много детей, а от хорошей жизни жил долго. В результате население, платившее налоги, не могло обеспечить пенсии старикам. А рабочая сила из Турции резала немцу глаз, да и сердце болело за чистоту нации. Вот и решило германское пра-

вительство: «А не пригласить ли к нам этнических немцев? Тем более, что Россия как начала перестраиваться, так и закончить не может, разруха там, безработица и прочее. Все ж какие-никакие, с российским менталитетом и не европейским воспитанием, но свои».

Кто-то может подумать, что немец — он и в Африке немец, мол, чистоплотность и трудолюбие у него в крови, но со вздохом вспомнив биографию Коли-скотника, сразу отбросит эту мысль.

Пока добропорядочные и зажиточные немцы в Пролетарке еще взвешивали, стоит ли им что-либо менять в своей размеренной жизни, Коля откликнулся на призыв в числе первых. Ну, что ему терять-то было? За него даже самая беспутная девка в селе замуж не пошла бы. Оформили документы, послали, куда надо, и раз — ответ пришел, не заставил долго ждать. Боялся Коля, что скотники в Германии не нужны, не пустят они его со свиным рылом в свое чистоплюйское государство, но историческая родина им не побрезговала.

И вот результат: на Колин белый «Мерседес», красовавшийся за калиткой, потихоньку сходилась посмотреть всё село. Последней на свой праздник пришла Колина мать — Вероника Оттовна Шнайдер. Не зная, то ли целовать сына, то ли руку жать, она обернулась на людей: «Ну, ладно вам, идите по домам!» Открыла слегка трясущейся рукой амбарный замок на обветшалой двери и завела сына в дом...

Коля и впрямь позабыл про матюги, в движениях его появились интеллигентные манеры, он быстро натащил из машины всяких коробок, банок, скинув пиджак и деловито засучив рукава, ловко всё распаковал, открыл, в мгновение ока расставил на столе, увенчав его красивой бутылкой с вином: «Ну, давай, мать, за твой отъезд в Германию! Документы на тебя готовы!»

Если бы Вере Оттовне сказали это час назад, она бы ответила: «Да какая, едрит твою, Ермания! А на кого я дом, поросенка, кур своих брошу?» Но глядя на волшеббно преобразившегося сына своего, она уже не раздумывала ни секунды:

- Коль, и мне там такой костюм дадут?
- Сама купишь, какой захочешь!
- А где ты, сынок, так разговаривать культурно научился? Там, в Ермании, и русскому языку, что ли, учат?

Коля, усмехнувшись, сказал: «Там, мать, русских немцев много. Местные к нам относятся недоверчиво. Вот мы и держимся друг за друга. А моя фрау, девушка по-нашему, вообще раньше корреспондентом в газете работала. Постоянно меня поправляет, если что не так скажу».

Вечером Коля поехал навестить своего кореша закадычного — Женьку Кинцле — вместе когда-то работали на скотном дворе, только тот повыше рангом — навоз на тракторе «Беларусь» с фермы вывозил. Их обоих в армию не забрали — Колю как единственного кормильца, Женьку как отца двоих детей — он еще в школе гулеванить начал, а девчонка его возьми, да и роди двойню. Пришлось жениться, на тракториста выучиться, хоть и парень был головастый, не в пример Коле.

Женька жил на той же улице, но Коля пешком не пошел, куда ж он без «Мерседеса»! Друг встретил его во дворе, как всегда, в своей «униформе» — грязной рубаше и замурзанных штанах, заправленных в кирзовые сапоги. Они постояли секунду напротив, потом осторожно, чтобы не запачкать Колин наряд, приобнялись, и благородный аромат одеколона смешался с терпкой смесью запахов соляры и мазута.

– Ну что, как там наш скотный двор поживает?

– А я уже не там. Я землю в аренду взял. Уже второй год помидоры сажаю...

На прохладной веранде они выпили по сто грамм, и Женька, обычно неразговорчивый, вдруг расфилософовался:

– И как в этой Германии людей так быстро перевоспитывают? Здесь тебя и «чистили», и «песочили», и комсомольцы, и колхозники на собраниях ругали, наш милиционер, хоть бы ослеп, и то бы дорогу к тебе от сельсовета нашел. А там – три года, и человека не узнать!..

Однако Коля, так и не раскрыв секретов своего чудесного перевоспитания, за неделю разделался с курами и поросенком, оставил никому не проданный старенький домишко на бабушку Галю, уложил в багажник материны пожитки, в котором не нашлось места ни зеркалу, ни кастрюльке, ни даже самовару, усадил Веру Отговну по правую руку в «Мерседес» и укатил в свою чудесную Германию, наделав шуму по всей Пролетарке и лишив покоя всех доморощенных немцев, заставляя бессонными ночами ворочаться в своих постелях...

После их триумфального отъезда Лида Шульдайс собиралась недолго. В школе училась она не ахти, работала посудомойкой в районной столовой, переспала с половиной пролетарских парней, с другой половиной просто перегуляла, от кого имела сына, не знала. Лиду и ее ребенка Германия приняла очень радушно: поначалу они жили в специальном городке. Чисто, красиво, уютно, комната с ванной и туалетом. Однако пришлось Лиде вспоминать учебу в школе: первая половина дня была посвящена изучению бытового немецкого языка, вторая – переквалификации. Четыре месяца пролетели незаметно. И вот Лиду переселили в однокомнатную квартиру с мебелью, на которую ей пришлось бы работать в России полжизни. Но объяснили, что с обстановкой нужно обращаться аккуратно, иначе за ущерб вычтут из зарплаты. А если интерьер ей за год надоест, его поменяют. Лида неизменно меняла мебель каждый год, не ведая, что роскошные диваны просто перелицовывают и перевозят из квартиры в квартиру таких же, как она, эмигрантов.

Работа Лиде досталась непыльная – составлять калькуляцию блюд в корпоративной столовой. За всё это – две тысячи марок в месяц. Ну чем не жизнь! Пообтесавшись в коллективе, Лида вскоре почувствовала свободу и решила по старой привычке пофилонить. Но расслабиться ей не дали: начальница вежливо, но строго указала новой работнице на ошибки в работе.

Лида, опять же по привычке, сказала начальнице всё, что она о ней думает, прибавив пару сочных эпитетов. Начальница не произнесла ни слова, молча удалилась, а Лида победоносно вернулась на свое рабочее место. Но когда стала получать зарплату, вдруг узнала, что она за неподчинение и скандал на рабочем месте оштрафована на четыре тысячи марок, которые будут вычитать из её зарплаты в течение полугода.

«Хоть бы предупредили, сволочи такие! – писала Лида в Россию своей однокласснице Светке Бауэр. – Тут собраний не проводят, не уговаривают и про сознательность не поют. Бац – и на тебе штраф! Я теперь, знаешь, какая вежливая стала, ты бы посмотрела!..»

Бауэр – это девическая фамилия Светы. А по мужу она Стеценко. С такой фамилией попасть в Германию было трудновато. Родители Светы уже жили там и звали детей, но упрямый хохол уперся «рогом» и свою фамилию на Светкину менять наотрез отказался. А германское правительство всё решало, стоит ли пускать к себе такого националиста. И пока оно думало, по-

ехал туда Светкин двоюродный брат Толик Рейн с женой и четырьмя малолетними сыновьями.

Трудные времена ему пришлось пережить на заре заграничной жизни. Но его деткам – ещё тяжелее. Привыкшие летать вольными птицами по Пролетарке, ломать, что попадет под руку, залезать, куда можно пролезть, и утаскивать всё, что можно стащить, они ощутили просто колоссальный прессинг вездесущих полицейских и соседского надзора. Не успели забраться на дерево – полисмен тут как тут, укатили чужой велосипед – папа этого визгливого немецкого поросенка уже у дверей, натоптали на клумбе – домоправитель как из-под земли. И все штрафные квитанции с завидной методичностью, подогреваемой горьким сожалением по утраченной сумме, папа Рейн отбивал на четырех сыновних задницах, причем нельзя было даже пикнуть – ювенальная юстиция заберет.

Подсчитав доходы и расходы семьи, родители сообщили детям, что полгода они работали только на штрафы. Постепенно сыновья стали выбирать себе менее дорогостоящие занятия и научились сначала думать, а потом уже делать, и все пришло в норму...

А к этой поре германское правительство решило пропустить в свой благодатный рай украинца Сашу Стеценко со своей немецкой женой и полукровками-сыновьями. Сначала они жили в гостиничном номере, но даже его двухзвездочный интерьер очаровал семью, и вот уже первая фотография с запечатленным уютом полетела подругам в Пролетарку. Но за время обитания в Германии набравшиеся опыта Светкины родители объяснили молодым, что здесь ничего «бесплатно» не бывает.

За этот номер, а потом и квартиру, за программу адаптации, изучение языка и переквалификацию на кредит их счетов поступают суммы, которые им придется затем выплачивать. Приличной, по российским меркам, работы для третьего потока эмигрантов в Германии почти не осталось – Света убирала два раза в неделю дом мужниного начальника, а сам Саша работал на кладбище каменотесом – обрабатывал могильный камень.

Дисциплина была строгой: по приказу бригадира садились на перекур, по знаку – вставали, и так же на обед. Задержался на минутку – ни слова упрека, просто молча с зарплаты удержат. Один раз Сашка мыл руки в кафе, забыл выключить воду. Какая-то сволочь заложила. С него содрали штраф и деньги за воду по счетчику.

Оказывается, в Германии тому, кто донес, с оштрафованного процент выплачивают, стимулируют сексотов, гады!

Но зато через четыре месяца переселились в квартиру в поселке для русских эмигрантов. Территория по виду ничем не отличалась от российского городского ландшафта, правда, без помоек и дворов с сараями и гаражами – постепенно россиян приучали к немецкому порядку – всё теми же штрафами. Через год Стеценки купили себе две подержанные машины – они в Германии стоили копейки, потом поднатужились, в кредит взяли новую и позволили себе переехать с окраины ближе к центру.

Старший сын попросил вставить ему в ухо серьгу, потому что в детском садике все мальчишки так ходят. Младшего уже называли на немецкий манер. Жизнь вошла в колею. И хотя Светке по ее просьбе подружки прислали русские книжки, букварь и мультики, постепенно атрибуты российского бытия в сытой зажиточной Германии утрачивали свою значимость.

Коренные немцы эмигрантов сторонились, да и традиции у них были иные: в гости друг к другу без предупреждения они не ходили, семейными компаниями собирались редко – неэкономно, тем более без повода. Общались и дружили новоиспеченные граждане Германии в основном со своими же и мечтали, что их дети уже не будут мусорщиками и каменотесами, а станут настоящими «дойче».

А что касается чернорабочих вакансий, то в России этнических немцев еще пруд-пруди, и как уже все имели возможность убедиться, что ни советского менталитета, ни плебейского воспитания немецкая марка, закон и порядок не боятся...

II

Тем временем у Коли-скотника дела складывалось вроде неплохо – он зарабатывал по местным меркам хорошо, днем его «фрау» работала, по вечерам училась, мать хозяйничала по дому... Эйфория от налаженности быта, европейского дизайна и удобств прошла, и начались однообразные скучные будни. И вдруг оказалось, что сытый желудок – это еще не всё. Человеку нужно ощущение собственного достоинства. А ещё нужна мечта, цель, к которой хотелось бы стремиться. Те ценности, которые были в России – машина, квартира, поездка за границу – здесь потеряли свою значимость. В поисках новых ориентиров ничего в Колину беспокойную голову не приходило. И хотя Николай загрузил себя работой с подработками в стремлении за хорошим заработком, что-то его неотступно тревожило, и это «что-то» читалось в оценивающем взгляде его «фрау», которая официально регистрировать их почти супружеские отношения почему-то не желала, а о детях вообще речь не шла.

Пролетели как один два года, и тут Вера Оттовна затосковала, запричитала и запросилась в отпуск в родную Пролетарку. Женщину тяготило замкнутое пространство квартиры. Ей бы в огороде покопаться, сходить в магазин, постоять в очереди, с людьми поговорить, в воскресенье на базаре поторговаться, а вечером на лавочке с подругами песни попеть. В здешних супермаркетах никто с тобой балакать не будет, да и язык Вере трудно давался. Наряды, с радости накопленные, уныло висели в шкафу – куда в них было ходить-то? Да и у местных не принято сильно выражаться, немки всё больше брюки, шорты да рубахи носили.

«Слава богу, хату не продали, есть хоть где остановиться!» – аргументировала Вера Оттовна, уговаривая сына совершить путешествие на родину. «Фрау» провести отпуск в Пролетарке категорически отказалась, предпочтя Турцию.

И вот белый «Мерседес», как крейсер, снова плавно зарулил в их родимый пролетарский двор. Забор, и без того жалкий, еще больше поредел. Двор оккупировали сорняки, и без вездесущих кур он выглядел таким заброшенным, что у Коли, отнюдь не страдавшего сентиментальностью, защемило в груди. Вера Оттовна, смахнув скупую слезу со щеки, ринулась в дом – слава богу, даже проезжие цыгане не позарились на её добро, видно, ветхость дома не пробуждала у них воровские мысли. Всё в целости – и кастрюльки, и самовар, и зеркало – как хорошо, что сын не дал их увезти в Германию, там бы всё давно оказалось на помойке! Нужно теперь только руки приложить – порядок навести, а уж это для Веры – раз плюнуть.

Уже на другой день дом ожил, заблестел, расцвел дорожками, заблагоухал жилыми запахами и борщом, а Вера Оттовна, сияя от счастья, отправилась

в «турне» по Пролетарке. Подружки ждали её рассказов о Германии, а она всё отмалчивалась, переводя тему на местные новости, и слушала, слушала, впитывая их, как губка – так путник, умирающий от жажды, пьёт воду и никак не может напиться...

Вечером Коля по традиции пошел навестить своего дружка Женьку. «Мерседес» он оставил во дворе, надоело ему за рулем – хоть ноги размять, да и потерял он в Колиных глазах прежнюю ценность, превратившись из предмета роскоши в средство передвижения. Женька встретил его у калитки своего дома – как раз шел с работы. На удивление, он не вонял мазутом и соляркой, был в отглаженной рубашке, туфлях и выглядел вполне солидно.

При рукопожатии цепкий взгляд Коли заметил, что руки у Женьки чистые, ногти без траурного ободка – видно, что человек имеет непыльную работу. А толстая, из натуральной кожи барсетка убедительно говорила о состоятельности её владельца. Но самое главное, что ошеломило Колю – за спиной у Женьки стоял двухэтажный дом из белого кирпича, с высоким крыльцом и красной металлической крышей – не хуже, чем у какого-то бюргера в Германии.

– Ты что, бросил свои поля, в банкиры подался? – спросил Коля, оценивая взором новый Женькин вид.

– Почему, в банкиры? Я все там же, только не на технике, процессом руковожу, с документами дел много, – кивнул он на барсетку, – а в поле у меня бригада корейцев работает да несколько местных.

Водки в Женькином шикарном доме не водилось, и они вдвоем отправились прогуляться в сельмаг, который назывался уже минимаркетом, и хотя презентабельная вывеска претендовала на это громкое название, внешний вид магазина остался прежним – старенькое покосившееся здание едва стояло на ногах. Зато внутри полки ломились от иностранной дребедени – Коле она до оскомины надоела в Германии.

В магазине очереди не было, только невысокая девушка рассчитывалась с продавцом за покупку. Она повернулась к выходу и, наткнувшись на мужчин, вдруг смутилась и торопливо вышла на улицу. На вид ей было лет семнадцать – черная коса мотнулась змеей следом за хозяйкой. Колю тоже зацепил девчоночий взгляд. В нем была какая-то неожиданная для столь юного возраста мудрость взрослой женщины...

Охватившее Колю чувство ностальгии по давно забытому детству побудило его в довесок к бутылке водки взять банку кильки в томате, кусок докторской колбасы и селедку. А еще булку черного хлеба, такого пахучего, с корочкой! Коля представил, как он натрет эту корочку чесноком и будет смаковать, как заморский деликатес, и сглотнул слюну.

Расплатившись, они пошли назад, и Коля, заметив в конце улицы удаляющийся силуэт девушки с черной косой, спросил друга:

– Что за девчонка, почему не знаю? – вроде бы он не забыл ещё пролетарских, пять лет в Германии – не срок.

– Анютка, дочка Паши Шульженко. Жена его умерла ещё лет пять назад. Сын старший женился, Паша ему квартиру свою оставил, а сам с дочерью и младшим сыном к новой бабенке перешел. У неё свой дом, там рука хозяйская нужна. А что, понравилась? Девчата быстро растут, недавно сопливая бегала. Уже учится на учительницу.

– Взгляд у нее не по годам взрослый, серьезная очень.

— А ты бы остался в двенадцать лет без матери, да ещё в чужом доме оказался, где мачеха со своей дочкой заправляют. Ничего сказать не могу, Валентина — женщина неплохая, дети чистые ходят, сытые. Младший сын Пашки шептун был, вечно что-нибудь натворит, а у мачехи — шелковый. Но другими ребята какими-то стали. Глаза прячут и ходят, как по струне. Это я тебе как отец двоих детей говорю — я не то, что по глазам, с порога по голосу чувствую, что у них что-то не так...

При ласковом свете закатного солнца они снова сидели на веранде, пили водку, закусывали колбасой и селедкой, солеными домашними огурчиками и только что сваренной картошкой, которая парила на столе под щедро посыпанным укропом, расточая невероятно ароматные запахи.

Женька рассказывал о том, как он вставал на ноги, как тяжело пришлось поначалу, как искал рынок сбыта своего урожая, как строил дом. У него были планы, по Колькиным меркам — наполеоновские: сообразить свой консервный заводик — овощ — продукт скоропортящийся, а может, потом и настоящий супермаркет в Пролетарке открыть, в округе столько сел, а до районного центра далековато... Женька звал Колю работать к себе, говорил, что сейчас в стране большие перспективы и возможности, и тот, кто хочет заработать деньги, заработает...

Коля всё слушал, слушал и начинал верить, а дом, в котором они сейчас сидели, ели и пили, являлся наглядным тому подтверждением. Раньше ни кирпича, ни шиферин достать было невозможно, хотел бы построить дом, да не из чего, может, поэтому все поголовно воровали, тащили, что подвернется под руку. Да и кто бы тебе тогда дал в два этажа дворец выстроить! Сейчас другие возможности, но и риск большой...

В Германии всё уже налажено, и Николай отогнал, как назойливую муху, эту сумасшедшую мысль — вернуться назад в Пролетарку. Но дом... Женькин дом не давал Коле покоя даже ночью, он снился ему — высокий, красивый, огороженный резной чугунной оградой, с балкончиками, украшенными цветами и увитыми виноградом...

III

В это лето все пролетарские эмигранты словно сговорились встретиться на родине. Приехали погостить к сестре Светка Бауэр, к бабушке — Лидка Шульдайс, к брату — Толик Рейн. То родня к ним в Германию ездила, на красоты цивилизации любовалась, теперь наоборот — тоска погнала бывших пролетарцев в родные пенаты. Посиделки на берегу местного озера организовались совершенно спонтанно: Коля встретил Толика, тот захватил бутылку самогона, нарвал помидоров с огурцами в огороде, они зазвали Женьку и пошли к озеру. По дороге наткнулись на Лидку, она решила присоединиться, побежала домой за съестным и на обратном пути захватила Светку и Сашку Стеценко. Но не выпивка и закуска влекли их сейчас, а желание поговорить, пообщаться. Ведь не зря сказал кто-то из великих, что нет на свете более дорогой роскоши, чем роскошь человеческого общения.

Озеро располагалось за околицей села, обрамленное деревьями, круглое и чистое, дно в нем было каменистое, и потому вода никогда не теряла своей прозрачности. Здесь водились великолепные зеркальные карпы, которых приезжали ловить рыбаки даже из Нальчика. Пролетарцы гоняли чужаков, да и своих с электроудочками, потому и сохранилась в нем рыба в немалом количестве.

Участники пикника разложили нехитрую снедь на домашней линиялой скатерке, короновали её бутылью самогона и расположились вокруг, как на картине «Охотники на привале». В лучах вечернего солнца, пробивавшихся сквозь прозрачную воду озера аж до самого глубокого дна, поблескивали зеркальные бока гуляющих на глубине карпов и иногда пускали в надводный мир солнечные зайчики. А вокруг без конца и края простирались поля, поля, поля, иногда прерываемые стройными рядами пирамидальных тополей, за которыми вдалеке виднелись голубоватые от вечерней дымки горы...

– Красота-то какая! – выдохнул Толик Рейн, ложась навзничь и раскинув руки, словно хотел обнять этот мир. – Я сегодня с утра успел порыбачить. Представляете: восход, прохлада, тишина, только рыба всплескивает... Три карпика молоденьких поймал, жена нажарила – свеженькие, вкуснотища!

– А в Германии ловишь? Помнится, ты из-за рыбалки чуть со своей не развелся, – подкинул тему для разговора Женька.

– Где там ловить, в этой Германии?! Разве что на частных озерах – лицензию купи, за каждую удочку заплати, за место заплати, за каждый кило выловленной рыбы – заплати. После всех выплат рыбка в буквальном смысле золотой становится, ни смотреть на неё, ни есть не хочется. А в общественных местах вода грязная, рыба несъедобная. Да что там рыба, я вот в реке Рейн хотел искупаться. Давно мечтал на своем тезке побывать, как увидел берег, бегу, на ходу раздеваюсь, кричу: я ведь тоже Рейн!.. Меня в воду не пустили, говорят, химии много, там вокруг заводов не счесть...

– Возвращайся назад, тут и купаться можно, и рыбу ловить.

– Поздно, брат. Дети уже привыкли. По-немецки лопочут. Сколько уж я их полупщевал, пока немецкий порядок научились соблюдать. Неужели это всё даром? Мы-то, конечно, на всю жизнь там останемся вторым сортом. Но ради детей стоит потерпеть.

Все переглянулись, промолчали – каждый подумал о своем: Светка вспомнила, как хозяйка устроила ей скандал за плохо, якобы, вымытый пол. Лидка – как её сына сверстники называли «русской свиньей», Толик – ехидный и злой взгляд домоуправителя, выговаривающего ему за шалости сыновей, Коля – замолкающие голоса его собригадников, когда он присоединялся к ним обедать...

– И мы терпим, и дети наши ещё будут терпеть, разве что внуки станут настоящими полноценными немцами, и то при случае припомнят, что приехали мы из неумытой России в их чистенькую Германию, – вздохнула Лидка.

– Я вот всё думал, как это в Германии так быстро людей переделывают, – стал размышлять вслух Женька, – вы все и ребята ваши приехали – вроде те же на вид, а совсем другие. Прямо блиц-воспитание какое-то! И только теперь понял. Вы – как дети Паши Шульженко. Попали к мачехе – и сразу перевоспитались, потому что она их не жалеет, не уговаривает, строго спрашивает и спуску не дает – не родные же. Так и Германия – она вам, как мачеха – больно не церемонится, три шкуры дерёт, а в таких условиях быстро перевоспитаешься. А у нас сейчас другая жизнь начинается! Кто хочет зарабатывать, тот найдёт, как это делать, главное, чтоб только не мешали.

– Ладно, ребята, – встрепенулась Светка, давайте лучше споем. Как давно я хором не пела!..

Светка затянула, все сначала несмело, но потом дружной подхватили, и ещё долго лилось над полями: «Всё-о-о пройде-о-от, и печаль и радо-о-о-о-сть...»

IV

Ближе к отъезду Вера Оттовна стала ходить мрачная, всё больше отмалчивалась, иногда утирая украдкой слезу. Коля, занятый хозяйственными делами – дом совсем обветшал, много нужно поправить, починить – не замечал странного состояния матери. Всё выяснилось в последний момент – она наотрез отказалась возвращаться в Германию. Коля, как ни уговаривал, как ни давил на мать – та была непреклонна: выживу, говорила, ведь не одна, кругом люди, сама в силе – и огород сажать ещё могу, и мелкое хозяйство держать. Представив себе волокиту с документами, Коля даже матюгнулся в сердцах. Но назад поехали они вдвоем с «Мерседесом».

В Германии его ждал еще один «сюрприз» – «фрау» собрала пожитки и ушла от него жить к немцу. В оставленной на столе записке он прочел: «Коля, не обижайся на меня, это поможет мне скорее адаптироваться в социуме...» Слова-то какие нашла: вроде на слух культурные, а по смыслу – хуже матюгов. Пережить двойную измену Коле помогла работа. Именно сейчас он понял смысл бабушкиной поговорки: «Лезет дурь в башку – вцепись в работу. Работа от всякой маеты спасает».

Коля днём клал кирпич на стройке, а вечерами крутил баранку – развозил продукты по кафе, сам загружал и разгружал – к ночи падал, не чувствуя ног. Ему почти ничего не снилось, но иногда в полудреме грезилось, как сидит он на лавочке, греется на солнышке, а за спиной у него – его собственный дом, тот самый, увитый виноградом, с балкончиками, цветами и чугунной резной оградой...

Вера Оттовна рассказывала Коле по телефону, что живется ей хорошо, на здоровье не жалуется, посадила весной огород, цыплята по двору бегают, в сарайчике молодой поросенок. Казалось, её счастливый голос звенел на всю Германию, но Коля всё никак не мог понять, какая такая сила удерживала его мать в забытом богом селе...

Однажды хозяйка кафе отправила Николая на новый объект, и он в маленьком провинциальном городке увидел дом своей мечты. Белоснежный и стройный, дом улыбался из-под красной черепичной крыши, как из-под модной шляпки, вымытыми до блеска глазами-окнами, и в каждом красовалось по цветку. Все предстало перед Николаем, как в преследующем его сне – и чугунная ограда, и балкончики, только плющ вместо винограда, а вместо сада – зеленый газон, на котором резвились двое малышей.

Коля стал интересоваться, за сколько марок можно купить или построить подобный дом. По предварительным подсчетам, оказалось, что расплачиваться за такое удовольствие придется всю жизнь не только ему, но и его детям. Дело даже не в дороговизне постройки или покупки, а в земельном участке, который стоил в густонаселенной Германии на вес золота. Это не Россия, где земли – бери, не хочу. Но мечта о своем доме уже так захватила Колю, что он все же решил его построить, только не здесь, а там – в Пролетарке. Хоть в отпуске будет жить в таком доме! И он принялся копить деньги на строительство...

Мать звала его в отпуск к себе, писала, что урожай хороший – погреб ломится от банок с вареньями и соленьями, хоть осень ещё и не наступила. Куры уже несутся, поросенок вырос большой, ближе к зиме можно заколоть. Погода у них солнечная, Женька Кинцле его ждет – не дожидется... здоровье стало пошаливать, но теперь у неё появилась квартирантка – Анечка

Шульженко, она закончила училище и приехала работать в родную школу, но в доме мачехи жить не захотела, попросилась к Вере Оттовне – теперь им вдвоем весело. Анютка ей помогает во всем, так что беспокоиться Николаю о матери нечего...

Коля между испанским курортом и Пролетаркой снова выбрал последнюю и махнул на своем выдавшем виды «Мерседесе» на родину. Тем более что деньги на строительство частично уже накоплены. В доме его встретили две такие веселые и счастливые женщины, что Коля даже невольно позабавился. Квартирантка сначала его стеснялась, но потом они подружились, и Коля вскоре стал замечать, что ждет её поскорее с работы домой – Аня готовила свой класс к сентябрю.

Вместе с Женькой Николай обмозговал проект своего нового дома, в этом году решили заложить фундамент, и закипела на его «лысом» дворе работа. Односельчане, наблюдая за изменениями в Колином хозяйстве, начинания его одобряли, если раньше поглядывали на него, как на заморского пижона и всё равно за глаза звали скотником, то теперь каждый хозяйственный мужик в Пролетарке считал за честь пожать ему руку... и с улыбкой спрашивал: «Николай, ты что ли назад из Германии решил податься? За границей хорошо, а дома лучше?»

Отпуск пролетел как одна минута. Откуда только силы брались – Коля успевал и на стройке с зари до зари пахать, и темными южными ночами на свидания бегать. Все окрестности они с Анютой исходили, сколько разговоров переговорили...

Перед отъездом Коля проснулся рано – он и не подозревал, насколько могут быть благозвучны крики орущего в пять утра петуха. Вышел босиком на ветхое крылечко, сел на ступеньку и окинул взором хозяйство, оценивая проделанную работу... На веранде послышались шаги, и в дверях появилась Аня – ей тоже не спалось. Она села на ступеньку возле Коли, но задумчиво молчала, словно не хотела нарушать девственной тишины раннего утра. Звал её Николай с собой в Германию, но Нюта отказалась, кем она там будет работать, неужели зря училась?

И теперь Коля был на распутье – и любовь его здесь, и мать, и строительство вот затеял... Может, и правда вернуться? Без работы не останется. Он ведь каменщиком стал, какого здесь не сыскать, а в округе все словно разом проснулись – дома растут как грибы... В огороде маячил цветастый платок Веры Оттовны, она всегда вставала на зорьке и спешила всё полить до наступления жары. Женщина приложила натруженную ладонь ко лбу, заслоняясь от рассветного солнца, и посмотрела на молодую парочку, словно два голубка, присевшую на крылечке.

Вера в который раз промокнула кончиком платка глаза – уедет сын в свою Германию и Анечку её любимую сманит. С этой грустной мыслью она вернулась к дому и присела рядом с молодыми.

Каждый из них думал сейчас о своём. Но на самом деле об одном и том же – о счастье. О том, как долго и как далеко мы его ищем, а на самом деле оно совсем рядом. Ведь главное, чтобы не болел человек ни душой, ни телом. Чтобы была у него мечта и возможность ее осуществить. Чтобы он любил и его окружали любящие люди. А ещё – чтобы на родной земле он чувствовал себя человеком.

Александр ПЕТРУШИН

Белый паук Спасского собора

Фэнтези на основе реальных исторических событий

Вторую неделю Глеба Пояркина, выпускника исторического факультета Тюменского университета, ставшего хранителем фондов областного краеведческого музея, преследовали странные видения. Он подолгу задерживался после работы – готовились к переезду из бывшего Спасского собора на улице Ленина (до 1922 года Спасской) в новое здание музея на углу улиц Орджоникидзе (до 1937 года Ишимской) и Елецкой.

Всякий раз, когда Глеб, оставшись в одиночестве, склонялся над описанием очередного музейного экспоната, на стенах и сводах храма, превращенного в фондохранилище музея, проступали лики святых угодников, за которыми толпились православные священнослужители, красноармейцы в буденовках и смушковых папах с красными лентами, белые офицеры с золотыми погонами и в лихо заломленных фуражках с трехцветными кокардами на околышах, чекисты в кожанках с маузерами, бородатые крестьяне в овчинных тулупах, и женщины – одни в бальных платьях, а другие – в деревенских сарафанах. К ним жмутся дети: разного возраста, мальчики и девочки, чернявые, белоголовые, рыжие... И все они протягивают руки к Глебу, немо разевая рты. Что-то просят, требуют, кричат, умоляют, плачут.

Глеб вскакивал со стула и, натываясь на разбросанные повсюду музейные экспонаты, бросался к этим призракам, ощупывал бугристую поверхность стен, даже расковырял однажды многослойную штукатурку до вековых камней. Видения исчезали, но Глеб слышал приглушенные голоса и шаги... Тяжелую солдатскую поступь, частоту женских каблучков, степенную походку крестьян, детский топоток. И запахи Глеб улавливал: лампадного масла, кожаной амуниции и офицерских сапог, мужицкого пота, ароматных папирос, ядерного самосада и тонких духов.

После таких видений Глеба мучила бессонница, болела голова, хотелось пить. За разъяснениями причин ночных кошмаров в бывших церковных кельях он обратился к заведующей отделом Вере Михайловне Улитиной. Молодая по паспорту, но рано располневшая от однообразной сидячей работы женщина отмахнулась:

– Не бери в голову! В наших музеях всякое случается. Кто здесь до нас только не квартировал, – покрутила в воздухе растопыренными пальцами. – Мне по первости они тоже виделись. Кто-то даже приставал. Тот офицерик молоденький...

Вера Михайловна мечтательно прикрыла густо накрашенные глаза:

– А потом, – вздохнула, – ничего: отстал.

Возвращаясь на свое рабочее место, Глеб задержался у охранявшего фондохранилище милицейского сержанта. На вопрос, не замечал ли он здесь по ночам каких-либо странностей, бывший участник двух чеченских войн взвелся как автомат Калашникова и выдал словесную очередь:

– Как первый раз заступил на этот пост, то решил, как положено по инструкции, ночной обход помещений произвести. Но когда туда, где ты сидишь, зашел – в третий раз на войну попал. На стенах, как в телевизоре без звука, только убитые, раненные, трассеры, взрывы... Я бежать, как учили, пригнувшись. Потом по-пластунски. Оказался в подвале под бывшим церковным алтарем. Туда же вход такой, что нормальный мужик не пролезет, разве такой, как ты, худой. В одной руке у меня револьвер... Ваш музейный, я его машинально с витрины схватил. В другой руке ПМ штатный. Его мне на ночные дежурства выдают. А в углу подвала, представляешь, паутина – нити как канаты. И в них – белый паук. Одну конечность поднял, будто знак подал мне: «Замри! Не двигайся!» Я и оцепенел. А паук по своей паутине, как с горки, скатился под пол. Паутина закачалась, и внизу, в темноте, как булькнуло. Ты книгу писателя-фантаста Станислава Лема «Солярис» читал?

– Нет, а зачем?

– Тогда фильм посмотри, он на диске продается. Я книгу этого Лема случайно прочитал. В Чечне, когда в горах в засаде три недели сидели. Понимаешь, там, не в горах, а в книге плазма-жидкость мыслящая была. Эта жидкость вызывала у главного героя книги всякие видения из прошлой жизни, чтобы ему за свои проступки стыдно было.

– А тебе за что стыдно?

– Да за ту же войну. Думаешь, зря она мне привиделась? Поэтому в ваши хранильни музейные больше ни ногой. Видишь, какой засов на дверь сделал? Моя задача – внешняя охрана музея. А что внутри здания – ваша проблема, как американцы говорят.

– А паук?

– Паук... Его не зли – он не тронет. Я мог в него выстрелить. Револьвер музейный без патронов, но в ПМ – полная обойма. В упор – без промаха! Но меня его жест остановил: «Не надо! Жалеть будешь!» Я ствол опустил, а он – бульк!

– Ты своему начальству доложил про видения и паука?

– Зачем? Чтобы меня, контуженного, со службы за дурку списали? А мне до пенсии досрочной осталось чуть да маленько... Улитиной расказал, чтобы не жаловалась, что обходы ночные не делаю. Да она про это сама знает. И паука белого, по-моему, тоже видела.

– А твои напарники что об этом думают?

– Они же не были на войне. И «Солярис» не читали.

– Я тоже Лема не читал. И не воевал. А они ко мне приходят...

– Значит, в другом причина. Ты с бабой Фросей посоветуйся: она все знает.

«Бабой Фросей» звали старейшую работницу музея Ефросинью Андреевну Смирнову. Несмотря на то, что все музейные фонды оцифровали, к ней обращались за разными справками. На зависть любому компьютеру она безошибочно, не заглядывая в описи, называла номера дел и единиц хранения.

Рассказывали, что во время войны «баба Фрося» малолеткой работала в здании бывшего сельхозтехникума на улице Республики (до августа 1917-го Царской), где под большим секретом сохраняли в Тюмени вывезенное из Москвы тело Владимира Ильича Ленина.

Когда об этом её спрашивали, она не упрямилась:

– Как же: за пайку полы по ночам мыла в той комнате, где ОН лежал. Другие бабы боялись, мол, ночью ОН просыпается.

– А вы не боялись?

– Я не из пугливых. Да и маленькая еще была, несмышленная. Сам академик Борис Ильич Збарский мне в ведре раствор специальный разводил. Потом оставлял меня с НИМ и просил: «Ты, Фрося, говори с НИМ. ОН любит тебя слушать». Ну, а я тряпкой по полу елзю и говорю, говорю – говорливая... Про мамку, как она на овчинной фабрике имени Кирова надрывается... Про тятку, от которого, как на фронт ушел, так ни одного письма... Про то, как «похоронку» на дядю Гришу получили... Про сестренку да братишек своих троих, как они есть просят. О Тюмени нашей рассказывала... А ОН слушает. Приподнимется из ящика своего открытого. На правую руку щекой обопрется, ухо ко мне развернет и слушает...

– И не заговорит?

– Как ему со мной разговаривать, когда за дверью пост: двое бойцов из охраны московского мавзолея с карабинами, да еще энкаведешник столичный крутится-подслушивает. Да я недолго у НЕГО в комнате пол мыла, вскорости меня сюда в закрытый еще в 1929 году Спасский собор перевели.

– Тоже полы мыть?

– Да нет, золото стеречь... Тогда здесь, где раньше алтарь был, местный архив размещался, а все архивные учреждения – центральные и провинциальные входили в структуру НКВД. А внизу в подвал сгрузили ящики опломбированные с эвакуированным в августе 1941-го в Тюмень крымским золотом – драгоценными музейными ценностями. Когда я сюда от Збарского перешла, эти ящики уже здесь хранились. А я каждую ночь, чтобы другие работницы архива не видели, пломбы свинцовые проверяла. Утром о целостности и сохранности секретного груза докладывала главному их хранителю – Косте Дубинину. Он перед войной окончил в Москве историко-архивный институт. Когда немецко-фашистские войска и их румынские союзники подошли к Крыму, сержант госбезопасности Дубинин вывез золото крымских музеев из Симферополя в Тюмень. Потом уже в 1942-м эти ценности в Новосибирск переправили. Костю назначили руководить городским и областным (с 1944-го) комсомолом. Он в автомобильной аварии ногу сломал, она плохо срослась, стал хромать, поэтому его на фронт не отправили. Через пять лет перевели в Москву в ЦК ВЛКСМ.

Збарский обо мне не забывал. Позвал однажды к НЕМУ, замыть пол за Сталиным...

– За кем?!!

– За Сталиным Иосифом Виссарионовичем... За кем...

– Он разве был в Тюмени?

– Приезжал... Тайно... В январе 1945-го. Сразу после Нового года. Видно, надо было с НИМ посоветоваться перед Крымской конференцией. Как с Рузвельтом и Черчиллем о мире разговаривать. Он сначала в декабре 1944-го медицинскую комиссию в Тюмень направил: нарком здравоохранения Митерев, академики Виноградов, Бурденко, Орбели. Они осмотрели ЕГО и доложили Сталину, что с ним всё в порядке.

Новый костюм ЕМУ в Тюмени пошили, в котором ОН в марте 1945 года в Москву возвратился. Тогда в газетах опубликовали Указ о награждении:

Збарскому присвоили звание Героя Социалистического Труда и премию Сталинскую – 150 000 рублей. Он мне с этих денег из Москвы отрез на платье прислал.

Помню, перед тем, как с ведром раствора и тряпкой к НЕМУ войти, внимание обратила, что у Збарского на пиджаке золотая звезда сияет. Он заметил мой взгляд и говорит: «Сам вручил!» Когда в комнату вошла, догадалась – кто. На стуле сидел, у изголовья. Загримированный, в парике... Но я сразу узнала – еще бы: столько картин с его изображением и портреты во всех газетах. Голову поднял, наверное, с НИМ прощался. Меня увидел, встал со стула и пошел к выходу, молча. А я, дура малолетняя, возьми да скажи: «Как мне за ВАМИ след замыывать?» Мол, не вернетесь сюда – примета такая. Он шаг замедлил, рукой провел легко по моей голове: «Приметы знаешь: это хорошо! Замывай, разрешаю. Я скоро рядом с НИМ лежать буду». Помолчал: «Только не здесь». И вышел.

Тогда охранников у дверей на сутки сняли под предлогом дезинфекции. А особиста-соглядая на фронт отправили. Говорили: три дня пил, не понимал за что.

После отъезда Збарского из Тюмени в Москву с женой и сыновьями от второго брака, 14-летним Львом-Феликсом, все звали его Лево́й и Вите́й, который родился в нашем городе в июле 1942 года, я осталась в архиве. Потом здесь обосновалась областная библиотека и, наконец, хранилище музейное. Скоро здание вернут Тобольско-Тюменской епархии для восстановления прежнего православного храма.

Мудрой и всезнающей «бабе Фросе» Глеб рассказал о своих ночных видениях.

– Ты сам-то из каковских будешь? – не дослушала старушка. – Ну, родня твоя: отец, мать, другие предки чем занимались?

– Родители – учителя. Отец – историк, мать – русский язык и литература. В нашем университете учились, там и познакомились. А предки? По линии отца, вроде, крестьяне или казаки, в Сибирь сосланные. По матери, кажется, священники или дворяне...

– Эх ты, потомственный историк... Вроде, может, кажется... Родства своего не знаешь. Вот и являются тебе они: благородные и простолюдины, жертвы и палачи... Кричат безголосо, чтобы память в тебе пробудить. По мне, так всех беспамятных в этот собор водить надо по ночам, чтобы они свои и чужие грехи помнили. Вон наш «чеченец», – Смирнова ткнула пальцем в сторону охранного поста, – как просветлел. Книжки из нашей библиотеки читает, а прежде все про войну бормотал.

– А как же паук?

– Какой паук? А – белый. «Чеченец» тебе о нем рассказал? Ты лучше в тот подвал не ходи, надобности в этом нет. А случится встретить белого паука, то не вздумай обидеть или ударить его. Он там воду живую стережет.

– Какую воду? Откуда она взялась?

– В 1930 году, как собор закрыли, здесь лагерь транзитный организовали. Для ссыльных крестьян с бабами да детишками, которых зимой в морозы дальше до Тобольска санными обозами отправляли. Все кельи храма заполнили несчастными людьми. Многие из них умирали. Кто от болезней, другие, верующие, не могли в церкви оправляться. Тоже гибли в мучениях. Кого-то расстреляли здесь же, в подвале, за непокорность. Стужа лютая, земля промерзла. На кладбище мертвецов не повезешь – лагерь

в центре города, поэтому закапывали умерших и убитых под алтарем в подвале. А когда по весне земля на подворье оттаяла, там хоронили. Когда собор снаружи реставрировали и траншеи копали, то скелеты нашли и черепа, в которых дырки от пуль. Телевидение наше – Роман Мамонтов и Анна Скорнякова эти находки снимали. Смотрел эту передачу?

– Не помню я... Нет, наверное...

– Опять ты за свое: не помню, не читал, не знаю, не видел... Чем занимаешься? Один айпед на уме... Правильно они, – кивнула на стены, – тебе являются. Думать будешь: о прошлом и о будущем. От горя людского, от страданий народных земля под алтарем слезами замироточила. Ведь все иконы природы порубили и сожгли.

– Так ведь сколько лет прошло: без малого сто. Почему не топит вода подвал и наш этаж? Не подмывает фундамент?

– Потому как вода эта святая: без вкуса и запаха. Выше определенного уровня не поднимается. Белый паук воду эту охраняет. Да и не паук он вовсе, а святой угодник в членистоногом обличье. В нем души всех святоотеческих здесь загубленных.

– Вы его видели? Воду пить пробовали?

– Как ты думаешь: почему я такая бодрая да памятливая? Вот будут меня после переезда в новый музей на пенсию отправлять, так я с пауком договорюсь и опять помолодею. Да так, что ты меня замуж возьмешь. А что: женись на мне, Глебушка, со мной точно не соскучишься. «Баба Фрося» так молодо и задорно подмигнула, что парень, краснея, пробормотал:

– Женюсь...

Эпилог

Установившаяся в Тюмени аномальная жара закончилась жуткой грозой и ливнем. Раскаты грома заглушали все звуки, молнии чертили свои зигзаги в черном небе. Дождевые потоки водопадами лились с куполов собора. Электричество отключилось, и в дрожащем пламени свечи видения со стен стали более яркими и кричащими. Спасаясь от них, Глеб со свечой в руках, не разбирая дороги, почти бежал, казалось ему, к выходу. Чиркнула очередная молния, и раздался такой грохот, что Глеб, выронив свечу, провалился в темноту. Во что-то мягкое, невесомое, похожее на пух из распоротой подушки.

– Как же я джинсы отстираю, – мелькнула последняя мысль.

Придя в себя, Глеб увидел, что лежит в белой массе: не пух, а будто шарики от пенопласта. А на груди невесом – огромный белый паук. И жалом своим, похожим на турецкий ятаган, целит в сердце.

– Все! Конец! – Глеб зажмурился, ожидая смертельного удара...

Но голос: скрипучий, протяжный, мужской:

– Не надо! Он все уже помнит...

И другой подголосок девчоночий:

– На бабе Фросе жениться обещал...

Паук будто воспрял над парнем и прыгнул...

Только слышно было: бульк...

Переезд фондохранилища из Спасского собора в новое здание музея совпал с венчанием Глеба и Фроси.

Роман БЕЛОУСОВ

Пять встреч с неведомым

В жизни каждого человека, даже самого обыкновенного и приземлённого, рано или поздно случаются какие-нибудь происшествия, далеко выходящие из рамок повседневности и нарушающие наши привычные представления об окружающем мире. Такие случаи подобны коротким ярким вспышкам – они впечатляют нас до глубины души, потрясая на короткое время нашу личную Вселенную, но потом быстро забываются, заносимые день за днём илом обыденности и будничных, рутинных событий. Да мы и сами изо всех сил стараемся избегать этих воспоминаний, бросающих вызов нашему такому привычному, уютному мировоззрению, доставляющих нам одно только беспокойство и дискомфорт.

Были подобные эпизоды и в моей жизни.

Эпизод первый. Дверь в столовой

В августе 1988 года, во время школьных каникул, я и мой лучший друг Виталик устроились на работу в пионерский лагерь на Дону. Днём мы с другом мыли посуду на кухне (благо на посудомоечной машине это не требовало особых усилий – надо было лишь заталкивать тарелки-стаканы-ложки с одной стороны и получать их уже чистыми с другой), а вечерами развлекались, насколько хватало фантазии и возможностей – тусовались на лагерных дискотеках, ухаживали за девчонками из первого отряда и пускались в различные авантюры.

В частности, в тот вечер мы с коллегами по лагерной «обслуге» запланировали набег на армянские бахчи, располагавшиеся неподалёку. Но после ужина к нам с Виталиком неожиданно нагрянул гость – наш старый товарищ Петька. Он давно уже собирался навестить нас и вот, наконец, созрел.

– Пошли с нами на бахчи, – предложил ему я.

– Зачем на бахчи? Ты что, забыл, мы же собирались в дом отдыха, в столовую заглянуть.

Здесь надо пояснить, что Петька был отъявленным сорвиголовой и искателем приключений, причём почти все его похождения носили, как правило, мелкокриминальный характер. Угнанные им велосипеды и обнесённые ларьки не поддавались подсчёту. Хотя, справедливости ради, следует заметить, что делалось всё это обычно без какой-либо особой корысти, исключительно из «спортивного интереса» – ничего по-настоящему ценного Петька ни разу не похитил, а велосипеды, накатавшись от души, бросал у обочины. Но из-за такой живости характера мой товарищ уже с давних пор являлся завсегдатаем детской комнаты милиции.

Не знаю уж, чем так привлекла его именно эта столовая в доме отдыха, но «взять» её стало очередной Петькиной идеей-фикс. И я тоже соблазнился пополнить свой жизненный опыт новыми и необычными впечатлениями. При этом я не то чтобы не знал, что наша затея является уголовно наказуемой, а просто об этом совсем не задумывался, как-то проходил этот аспект мимо моего сознания, и всё предстоящее воспринималось просто как интересное приключение.

Вот так вышло, что этой ночью вместо запланированных бахчей я отправился с Петькой в противоположную сторону – в дом отдыха.

От лагеря до конечной точки маршрута было не близко – километров, наверное, семь, а может, и того больше, но прогулка нас нисколько не утомила. Ночь выдалась замечательная – тёплая, ясная, с густой россыпью звёзд на небе. Здесь, вдали от города, звёзды были особенно крупными и яркими, – казалось, что небеса тут ближе к земле.

За созерцанием ночных красот и неспешной беседой время пролетело почти незаметно. Я понял, что мы, наконец, достигли цели нашего путешествия, когда асфальтовая дорога сменилась грунтовкой, на фоне тёмного бархатного неба вырисовались силуэты поселковых домов и заборов, а на обочине появился какой-то неуклюжий трактор. Если бы режиссёр Пырьев снимал свои фильмы про деревню в конце восьмидесятых, он оценил бы такую натуру. Только время от времени навеваемый порывами лёгкого ночного ветерка запах навоза немного портил идиллию. А может, наоборот, украшал её, придавая завершённость.

Скоро впереди замаячила и массивная, приземистая громада столовой, блекло освещённая рассеянным светом нескольких фонарей. Мы, стараясь по возможности держаться в тени, «на всякий пожарный» обошли её кругом, и, убедившись, что на дверях висит здоровенный навесной замок, начали действовать по разработанному Петькой плану.

Мой друг почти бесшумно выставил стекло (вот что значит практика и опыт), и мы с ним быстро, как ниндзя из голливудских фильмов, один за другим просочились в образовавшийся проём.

Оказавшись внутри, мы немного постояли, давая глазам адаптироваться к ещё более глубокой темноте, а когда очертания окружающих предметов стали не такими размытыми, двинулись дальше.

В скупо проникающем сквозь окна свете фонарей перед нами предстали шеренги столов с задвинутыми под них стульями. Мы, стараясь двигаться плавно и бесшумно, будто кто-то с улицы мог нас услышать, пересекли зал, обогнули стойку раздачи и занырнули в подсобные помещения, где, по всей логике, должны были храниться запасы продуктов. Но нас ждало разочарование – никаких яств, чтобы устроить лукуллов пир, мы не обнаружили. Единственной находкой, которая могла представлять хоть какой-то гастрономический интерес, был ящик печенья, которым, за неимением лучшего, мы тут же утолили разыгравшийся от ночной прогулки аппетит и набили им карманы впрок, на обратную дорогу.

Разочарованные, мы с Петькой тем не менее решили, раз уж здесь оказались, исследовать всю столовую, просто из любопытства, и двинулись по какому-то коридору. Петька временами освещал путь зажжёнными спичками, но делать это было совершенно необязательно, глаза уже достаточно привыкли к окружающему мраку.

Коридор вывел нас в небольшое захламлённое помещенье, из которого вели в разные стороны две двери. Мы остановились, выбирая, с какой из них начать.

И тут царящую в столовой полнейшую тишину, дотоле нарушаемую только нашим дыханием и мягкими шагами, внезапно разорвал звук, сам по себе негромкий, но в данных обстоятельствах показавшийся оглушительным, как раскат грома. Это скрипнула дверь справа от нас. Она была приоткрыта почти наполовину, и вот сейчас неторопливо так шевельнулась на плохо смазанных

петлях и начала закрываться. Хорошая, тяжёлая, добротная дверь, отнюдь не из тех, что хлопают от сквозняков.

На одно невыносимо длительное мгновение мы с Петькой остолбенели, подобно Лотовой жене. Я думаю, всем знакомо подобное чувство, которое бывает в душных ночных кошмарах – ощущение некоей надвигающейся жути, от которой невозможно убежать и спрятаться, потому что не слушаются онемевшие руки и ноги. А застывшее мгновение всё тянулось и тянулось, как резина.

Потом мой друг медленно повернул ко мне перекошенное, с выпученными глазами лицо и сдавленно произнёс:

– Что за...

И тут же оцепенение слетело, и мы побежали. Я потом совершенно не помнил, как мы преодолели обратный путь от того коридора до выставленного окна, из которого вылетели наружу подобно пробкам из хорошо взболтанной бутылки шампанского. По ощущениям, это произошло за долю секунды.

И даже когда мы уже выбрались за пределы посёлка и двинулись в обратный путь, моё сердце продолжало колотиться всё так же бешено, будто я ещё стою в пустой тёмной столовой и смотрю на неторопливо закрывающуюся дверь.

С тех пор, когда у нас с Петькой заходила речь о чём-нибудь эдаком, таинственно-сверхъестественном, и я начинал проявлять присущий мне скептицизм, он всегда напоминал с таким выражением на лице, словно говоря «ваша карта бита»:

– А столовая?

На что я всегда тщился найти какое-либо рациональное объяснение нашему приключению:

– А может, там кто-то был, за этой дверью? И услышав, что не пойми кто среди ночи бродит по столовой, сам перепугался и решил закрыться изнутри?

– А откуда бы там кто-нибудь взялся в такое-то время?

– Ну, допустим, приехал в дом отдыха какой-то новый постоялец. Поздно, на ночь глядя. Его не успели разместить в номере, и чтобы не оставлять на улице, предложили переночевать в столовой.

– Закрыв снаружи на амбарный замок?

– Гм... Да, не катит. Ну а вдруг кто-то такой же, как мы, залез туда с теми же целями, но немного раньше? – не сдавался я. – Может же, в принципе, быть такое?..

Петька только снисходительно улыбался в ответ. Да я и сам в глубине души понимал, что все мои версии действительно никуда не годятся. А других разумных объяснений тому, чему мы стали свидетелями тогда, в ночной столовой, нет.

Эпизод второй. «Тарелка» над степью

Ещё одно моё столкновение с миром непознанного было несколько банальным. Непознанные летающие объекты, в просторечии – «летающие тарелки», видело огромное количество людей. А в конце восьмидесятых – начале девяностых годов прошлого века такие наблюдения были особенно многочисленны и разнообразны, во всяком случае, сообщения о них в различных газетах, журналах и телепередачах тогда шли косяком, одно за другим. Уж не знаю, то ли пик активности «зелёных человечков» был тому причиной, то ли всплеск интереса почтеннейшей публики к теме НЛО.

Диапазон этих наблюдений был чрезвычайно широк – кто-то видел загадочные огни на ночном небе, кто-то – гигантские сигарообразные объекты, проплывающие над горизонтом в рассветной дымке, а кто-то – и блестящие металлические диски с иллюминаторами, маневрирующие в воздухе, не считаясь ни с какими физическими законами... Впрочем, большинство этих феноменов имело вполне естественное происхождение и рациональные объяснения – метеорологические, технологические, а то и психологические.

Но то, что довелось увидеть мне и двум моим друзьям в один из осенних вечеров 1990 года, трудно объяснить атмосферными явлениями или достижениями научно-технического прогресса – не было тогда такой техники, да и сейчас ещё нет. И никак не спишешь это на обман зрения или галлюцинацию – не бывает галлюцинаций, поражающих синхронно сразу трёх человек.

Накануне мы с моим другом Виталиком (тем самым, с которым два года назад работали в пионерлагере) прибыли из города Энгельса, где учились на киномехаников, на «побывку» домой – навестить родные пенаты и пополнить запасы. Вместе с нами приехал погостить наш приятель по училищу, Славка. Сейчас я уже не помню, зачем нас занесло на мост через Дон – может, в рамках краеведческой экскурсии, которую мы устроили гостю, а может, ещё за какой надобностью, да это и неважно.

Поздней осенью смеркается рано, и несмотря на то, что время на часах было ещё не вполне ночное, уже совсем стемнело. Где-то на середине моста я повернул голову, чтобы кинуть взгляд на городские огни – с этого места они смотрятся особенно красиво. И тут моё внимание совершенно случайно «зацепило» что-то необычное сбоку, на самой периферии зрения. Я сначала сам до конца не осознал, что же именно. И лишь потом, через несколько секунд, присмотревшись, понял.

– Пацаны, посмотрите вон туда, я не пойму, это Луна, что ли, такая? – спросил я у спутников.

Виталик со Славкой тоже обернулись, и мы все троём озадаченно уставились на светящийся диск, висящий невысоко над горизонтом, между нагромождениями низких осенних облаков. Диск этот действительно был немного похож на Луну – такую, какой она бывает во время восхода, разбухшую и красную, но только на самый первый взгляд. Потому что, во-первых, диск был побольше в диаметре, а во-вторых, он светился совершенно необычным, приглушённым багрово-красным светом, в какой-то мере напоминающим, скорее, неоновые рекламные огни, но никак не лунное сияние. Мне этот свет показался тревожным и каким-то нездоровым.

И вообще, при первом же взгляде на светящийся круг сразу возникало такое ощущение, будто он здесь не на своём месте. Не знаю, как это чувство лучше объяснить. Существой тогда персональные компьютеры с графическими программами, я бы сравнил это с тем, как если бы в «Фотошопе» вырезали часть какой-нибудь совершенно безумной фэнтезийной или сюрреалистической картины и вставили в самый обычный, незамысловатый пейзаж, изображающий окраину ночного города в степи, выполненный даже в другой цветовой гамме. Но «Фотошоп» тогда ещё не было.

Снизу, у края, диск пересекали наискосок две тёмные полосы, и отсутствовал совсем небольшой сегмент.

Справившись с первой оторопью, мы стали обмениваться соображениями:

– Да нет, это не Луна.

– Точно не Луна!

– Летающая тарелка?
– Похоже на то. Вот и мы увидели, наконец.
– А может, нет? Где-то в той стороне военный полигон, может, на нём что-то испытывают? Летательный аппарат какой-нибудь новый там или оружие?
– Какой к чёрту летательный аппарат, ты что, не видишь, какие у него размеры?

В самом деле, если объект действительно находился на том расстоянии, как казалось, то размеры у него должны были быть какими-то просто чудовищными, титаническими.

Некоторое время спустя НЛО быстро, за несколько мгновений изменил форму и разделился на четыре части – вместо одного большого круглого диска мы теперь видели четыре сильно приплюснутых продолговатых горизонтальных овала. Хотя, может быть, это был один овал, разделённый крест-накрест на четыре части двумя тёмными полосами. А Виталику вообще показалось, что «тарелка» не деформировалась, а просто изменила положение – встала относительно нас на «ребро».

А ещё через несколько секунд объект начал меняться в размерах. Он резко уменьшился. Впечатление было таким, будто НЛО улетает, но улетает с какой-то непостижимой, просто бешеной скоростью. Когда же светящиеся овалы превратились в четыре почти неразличимые точки, они на некоторое время зависли, словно в раздумье, а потом снова стали увеличиваться. Ощущение, что они не просто набирают размеры, а приближаются, причём летят прямо на нас, было полным. Я ещё испугался, что НЛО такими темпами окажется над нашими головами всего через секунду-другую. Но оно остановилось ровно на том же месте, где стояло раньше.

Сгрудившись у перил моста, мы с раскрытыми ртами наблюдали эти метаморфозы и ждали, что будет дальше. Моё сердце бешено колотилось, отдавая в ушах колокольным набатом. В голову лезли всякие сумбурные, нелепые мысли о вселенских катаклизмах, конце света или, по меньшей мере, нашествия инопланетян.

Неопознанный летающий объект ещё несколько раз совершил такие же, точно эволюции, движения, то уменьшаясь до точечного размера, то снова становясь на своё место. А после этого так же быстро, изящно и плавно трансформировался обратно в диск. А может, просто перевернулся плашмя.

Разумеется, желание продолжать свой путь дальше, за реку, имея за спиной это непонятной природы явление, да ещё к тому же так быстро передвигающееся по небу, у нас пропало совершенно, и мы развернули оглобли в обратную сторону. А странный диск всё висел и висел прямо по курсу, на таком привычном осеннем небе, будто гнойный нарыв на здоровой коже. Так продолжалось довольно долго, пока его не скрыло от наших глаз набежавшее облако.

А потом произошло нечто совершенно невероятное. Когда облако уплыло в сторону, на том месте, где всего минут десять назад за ним спрятался скачущий туда-обратно по небесам «неоновый» НЛО, обнаружилась Луна! Самая обычная, серебристая, с привычными пятнами на диске. Которой, я готов был поклясться, только что на этой половине неба не наблюдалось!

Это и впечатлило меня больше всего. Не сама «летающая тарелка» – такого добра в наше время кто только не видел, а вот эта совершенно непонятная и сюрреалистическая метаморфоза.

Поначалу я думал, что такое яркое небесное «представление» над городом не укрылось от внимания его жителей, и ожидал, что на следующий день

только и будет разговоров, что о явлении НЛО, а может быть, про этот случай даже напишут в районной газете. Но ошибся. У кого бы я потом ни спрашивал – никто ничего странного в тот вечер не наблюдал. Во всяком случае, из числа моих знакомых. Что, впрочем, надо признать, совершенно неудивительно. Люди у нас редко смотрят на небо.

Эпизод третий. Засвеченный кадр

Наверное, нет более обсуждаемой и спорной темы, чем влияние наших мыслей на материальный мир. Работают ли молитвы, заговоры, аффирмации, санкальпы и просто искренние пожелания? Скептики считают такие утверждения ненаучными, и я с ними, в принципе, согласен. Действительно, не зафиксировано ещё ни одного по-настоящему, в условиях правильно поставленного научного эксперимента, подтверждённого случая парапсихологических явлений. А какие были, оказались на поверку жульничеством. Но, с другой стороны, у очень многих из нас в повседневной жизни бывали случаи, поневоле заставлявшие задуматься – а не слишком ли самонадеянны учёные мужи, с ходу отвергая всё, что пока не смогли изучить и препарировать?

Конечно, подавляющее большинство подобных случаев легко объяснить естественными причинами, простыми совпадениями или, в самом крайнем случае, иронией судьбы. Но бывает, попадают среди них и такие, к которым крайне сложно «подтянуть» теорию вероятностей. Как, например, происшествие, участником которого я стал в 2001 году.

Я тогда только начинал встречаться со своей будущей женой Наташей, и наши отношения переживали самый «медовый» период. В этот вечер мы с возлюбленной сидели у меня дома и смотрели какой-то фильм на видеокассете. И, как это обычно бывает по закону Мерфи, каковой называется ещё законом подлости, на самом интересном месте вдруг раздался звонок в дверь. Я, чертыхнувшись про себя, нажал на пульте паузу и пошёл открывать.

Закон Мерфи сработал и здесь – оказалось, что это решила заглянуть в гости моя бывшая, Ольга. Без всяких дурных намерений – она просто ещё не знала о переменах в моей личной жизни.

Ситуация вышла, конечно, довольно щекотливая. Спрашивать Ольгу с порога было бы слишком бестактно, и я, изобразив радушную улыбку, пригласил её зайти. А когда она уяснила диспозицию, давать заднюю было уже поздно и глупо. Так что Оля поступила самым разумным образом – сделала вид, что просто случайно забежала ненадолго, проходя мимо. Наташа, в свою очередь, сделала вид, что поверила. Надо отдать должное, держалась она тоже молодцом, не хмурясь и не морщась, и даже поддерживала беседу.

Хотя мизансцена всё равно получилась неловкая, стрёмная и натужная. Для анекдотов. Надо было что-то предпринимать. Я выключил «видак» и предложил переместиться в другую комнату – выпить по чашечке кофе.

Поставив подле дивана, на котором мы все устроились, импровизированный столик-табуретку с дымящимися чашками и тарелкой печенья, я попробовал завести непринуждённый разговор. Талантами тамады я не блещу, так что беседа двигалась ни шатко ни валко, с переменным успехом, притормаживая на поворотах. И тогда приходилось импровизировать, на ходу изобретая темы для продолжения.

Когда в комнате очередной раз повисла тягучая пауза, мой взгляд зацепился за лежащий на подоконнике плёночный фотоаппарат-«мыльницу», и я, недолго думая, предложил:

– А давайте сфотографируемся на память.

Тут же понял, что сморозил неуместное, но было уже поздно, слово – не воробей.

Оля пододвинулась ко мне, я слегка, чисто символически, её приобнял, а Наталья навела на нас объектив и щёлкнула затвором.

Посидев ещё совсем немного, Ольга, сославшись на обстоятельства и нехватку времени, ретировалась. А мы с Наташей, наконец, вернулись к остановленному на середине фильму.

Через месяц или чуть больше, когда плёнка в фотоаппарате подошла к концу, пришла пора её проявлять. Этим занимались специально обученные люди в специально оборудованных «точках». Забрав свежепроявленный рулон у оператора, я тут же, не отходя от прилавка, его развернул – выбрать кадры для печати. И в глаза сразу бросилось одинокое блеклое одноцветное пятно, зияющее посередине пятнистой радужной ленты. Присмотревшись поближе и припомнив хронологию съёмок, я понял, что на этом месте должен был быть снимок, где я обнимаю Ольгу. Но этот кадр оказался засвеченным – единственный из всей плёнки. Не просто плохо получившимся из-за недостаточного освещения, или ещё по какой причине, а засвеченным напрочь.

Наташа потом призналась мне, что когда нажимала на фотоаппарате кнопку спуска, очень-очень, всей душой хотела, чтобы снимок не получился.

Эпизод четвертый. Случай на Черкасихе

Около восточной окраины Калача-на-Дону, которая называется Черкасов, Дон разделяется большим островом на два неравных по ширине рукава. Справа от острова казачья река как ни в чём не бывало продолжает невозмутимо катить свои воды дальше, к Азовскому морю, а слева образовалась тихая и уютная протока, к тому же огороженная по обеим сторонам выступами речного русла. Впрочем, при этом довольно широкая и настолько длинная, что здешние жители считают её отдельной речкой и патристично называют в честь своего района-посёлка Черкасихой.

Летом здесь хорошо купаться – по причине отсутствия течения вода, бывает, прогревается так, что в ней можно лежать у берега, словно в ванне. И потому песчаные пятячки на побережье Черкасихи с большим отрывом выигрывают конкуренцию у городского пляжа. Во всяком случае, среди тех, кто живёт более или менее поблизости. Как вот, например, я.

13 июня 2009 года на берегу Черкасихи было особенно многолюдно – во-первых, по случаю выходного дня (это была суббота), а во-вторых, из-за дикой жары. настолько сильной и изнуряющей, что понизить градус не смогла даже купленная мною в одном из попутных магазинов бутылка ледяного пива.

Сбросив побыстрее с себя одежду и погрузившись в речку, я долго с наслаждением плавал вдоль берега, а потом ещё битый час стоял по пояс в воде, разговаривая о том о сём со своим приятелем, черкасовцем Дмитрием, промышлявшим здесь ракушки для своего хозяйства. И только почувствовав, наконец, мурашки на своей коже, я выбрался на берег и прилёг на песок, при-

слонившись затылком к алюминиевому борту чьей-то вытащенной на берег и перевёрнутой вверх дном лодки.

Лениво наблюдая сквозь полуприкрытые веки за пляжиком, на котором плескались стройные девушки в купальниках, я вдруг увидел, как за далёкими пирамидальными тополями, которые окаймляют берег Волго-Донского канала, казавшимися отсюда маленькими травинками, странно позеленел кусочек горизонта.

Я оторвал голову от лодки, проморгался и ещё раз посмотрел в ту сторону. Зелень никуда не делась, даже наоборот, как показалось, стала ещё гуще и ближе.

«Вроде бы бутылка пива – не та доза, чтобы от неё могли появиться зрительные галлюцинации», – подумал я и направился в воду к Дмитрию. Пока я до него дошёл, зелёное пятно приблизилось ещё больше и стало расти уже на глазах. Тополя-травинки теперь виделись словно через Неронов смарагд.

– Дим, как ты думаешь, что это такое? – спросил я, указывая в направлении канала. Зная товарища как человека очень бывалого и всеведующего, я не сомневался, что он сейчас всё мне объяснит или хотя бы выдвинет правдоподобную версию.

– Что-то зелёное, – констатировал Дмитрий, приложив руку козырьком ко лбу. И, помолчав, добавил: – Я бы подумал, что это травяную пыльцу несёт ветром или какую-нибудь взвесь. Но ветра нет.

– А может, это Большой адронный коллайдер заработал? – пошутил я.

В то время в жёлтой и полужёлтой прессе ещё не утихла волна апокалиптических слухов и дурных пророчеств о том, что в результате работы недавно запущенного на границе Франции и Швейцарии ускорителя частиц Земля непременно не сегодня-завтра превратится в чёрную дыру. Я, конечно, ни на грош в эти кликушества не верил, но на нервы они иногда действовали. Вот и сейчас на секунду мелькнула бредовая мысль – а вдруг такой оптический эффект даёт коллапсирующее пространство? Но я тут же отбросил её как совсем уж безумную.

Стремительно надвигающуюся зелень, между тем, увидели и остальные купальщики. Они один за другим начали выбегать из тени прибрежных кустов и деревьев, заслоняющих обзор, к кромке воды и с любопытством смотреть в сторону этого призрачного облака, которое несло к нам уже над руслом Черкасиhi. Кто-то делал снимки на камеру сотового телефона.

– Сейчас это здесь будет, – сказали рядом, на берегу.

– Уже здесь, – ответил я и показал рукой на противоположный берег речки, воздух над которым окрасился в зелёный цвет.

Тут Дмитрий перекинул мешок с собранными ракушками через плечо и сказал:

– Давай сматываться отсюда, – и неопределённо добавил: – А то мало ли что...

Когда мы отошли метров на пятьдесят от воды и нырнули в переулок между домами, на нас снова обрушилась с небес сухая, пыльная жара. Но никакой прозелени, даже каких-либо её следов здесь уже не было.

Перед тем как отправиться домой, я ещё немного посидел с Дмитрием у него во дворе, строя предположения, что же мы сейчас видели там, на реке. Но ни до чего вразумительного ни я, ни он так и не додумались.

Потом я, будучи человеком от природы довольно впечатлительным и мнительным, ещё несколько дней прислушивался к ощущениям в своём теле. Но ничего болезненного или необычного не ощутил. Таинственная зелень оказалась безвредной для организма.

Эпизод пятый. В небе Сиона

Во время переезда от Эйлата к Мёртвому морю наш туристический автобус остановился на заправочной станции посреди пустыни, и экскурсовод объявил, что даёт двадцать минут на то, чтобы посетить туалет, размяться и запастись продовольствием в призаправочном магазинчике. Заходя вслед за женой в дверь минимаркета, я заметил краем глаза белую точку в небе, но не придал ей совершенно никакого значения – мало ли самолётов летают туда-сюда над Израилем?

Через несколько минут мы с Еленой, запасшись питьевой водой и каким-то фастфудом, вышли из магазина. И тут меня вдруг посетило смутное ощущение, что в окружающем мире что-то не совсем правильно, хотя я и не смог сразу отдать себе отчёт, что же именно. Лишь спустя некоторое время до меня, наконец, дошло – самолёт, который я отметил периферийным зрением, заходя в маркет, и который давно уже должен был улететь, помахав крылом, до сих пор оставался ровно на том же самом месте. И, судя по всему, не собирался с этого места сдвигаться.

Я обратил внимание супруги на такое странное поведение воздушного транспортного средства.

– Да это, наверное, просто другой самолёт, – ответила Елена. – А кажется, что стоит на месте, из-за большого расстояния.

Ещё через две или три минуты я снова поднял глаза и посмотрел в ту сторону. Белая точка по-прежнему оставалась на своём месте. Предположить, что это третий самолёт, было бы уже слишком.

Странный объект продолжал висеть в небе, не двигаясь, и когда мы высаживались по местам, и когда поехали дальше. Я обратился к экскурсоводу в надежде, что, может, хоть он даст объяснение сему необычному явлению, но тот только невнятно отшутился в том смысле, что чего только не увидишь на Святой земле.

Наша половина автобуса прикинула было к окнам, но довольно быстро потеряла интерес к загадочному явлению и вернулась к своим делам. Я давно заметил, что российский человек en masse нелюбопытен, и когда сталкивается с чем-то необычным, выходящим за рамки привычного, ему проще отвернуться и перестать обращать внимание на такое явление, чем искать объяснение, ломая почём зря голову.

Я стал снимать объект через оконное стекло, используя увеличительные способности объектива своего «Кэнона». Затем автобус, следуя капризам шоссе, развернулся на девяносто градусов, и НЛЮ (я уже стал про себя называть его именно так) пропал из поля зрения, оставшись за кормой.

Потом, уже вернувшись в Россию, я выставил эти снимки в своём «Живом Журнале», и знающие люди в комментариях вроде бы признали в небесном объекте дирижабль. Только вот почему этот дирижабль не передвигался вместе с воздушными потоками, как свойственно всем его добропорядочным собратьям, а за добрых полчаса ни на йоту не сдвинулся с места?

ПОЭЗИЯ

Игорь ТОРОПОВ

Город, который не видел никто

Всё здесь туманно, неопределённо,
Всё перемешано, словно лото...
Был мне последней чертой обороны
Город, который не видит никто.
В нём для полезной любой чепухи я
Был удивительно недостижим,
И безмятежно гуляла стихия
По магистралям его окружным.
Мы с этим городом вместе выросли,
Кажется – он и теперь где-то тут.
Только, шагая от места до цели,
Мне всё труднее построить маршрут.
Только доносятся песни лихие
Из пролетающих мимо авто.
И незаметно стирает стихия
Город, который не видел никто.

Моё

Всё так же кружат голову мечты,
Всё так же ожидают встречи тайны –
Но все мои открытия случайны,
И хлопоты, как правило, пусты...

А я живу-бедую, жду чудес,
Далёк от совершенства и от Бога...
Внезапный гость, нежданная дорога,
Казённый дом, случайный интерес.

Не знаю, что в грядущем для меня
Проклятая судьба наворожила,
Но только всё, что будет, и что было –
Моё, без исключения, до дня.

И глядя на вечернюю зарю,
Вдыхая ветер ласковый, пахучий, –
Я чувствую, что это всё – не случай,
И откровенно жизнь благодарю.

Бежать от России

Над Красною площадью били куранты,
В соборах смиренные лики со стен
Глядели на то, как бегут эмигранты
Подальше от Родины, от перемен.

А там, на чужбине, дожди моросили,
И ветры шумели, листву теребя...
Но как-то иначе... Бежать от России –
Такая же чушь, как бежать от себя.

Ушли от беды, от нужды, от опалы,
Нечаянно нажили кучу проблем,
Хотели проклясть, позабыть и пропали.
Исчезли во времени, стали ничем.

А Русь – никого не хуля, не страдая,
Под небом родимым живёт, как жила.
Восходит на Троицу рожь молодая,
Звонят на Крещение колокола.

На пол-оборота

Занятно, поднявшись ещё до рассвета,
Глядеть из окна на горящий восток
И чувствовать кожей, как наша планета
Медлительный свой совершает виток.
Ты пьёшь себе кофе, небритый и сонный,
А рядом – построек худые ряды
Уходят куда-то вперёд, по наклонной
На фоне огромной горящей звезды...
И вот уже свет по земле расплескался,
Собой новорожденный день окрыля –
И город ожил, зарыдал, засмеялся,
На пол-оборота планеты Земля!

Мечта

Буквально каждому знакома
Картина будничного дня –
Сидят старухи возле дома,
Резвится рядом ребятня.
Судачат бабушки, не споря,
Коль скоро помыслы одни –
Ну ладно... мы хлебнули горя,
Так будут счастливы они!..
Беседа эта, как стихия,
Неудержима и проста...
Тысячелетняя Россия,
Тысячелетняя мечта.

На востоке предания

На востоке предания,
А на западе дым.
Всё, что мучило раннее –
Оказалось пустым.
Я гляжу неприкаянно,
С ощущеньем вины,
Как пылает окраина
Дорогой мне страны.
А попутные разные
Ходоки по судьбе
Все тревоги неясные
Тоже держат в себе.
А Россия – не запад и
Никакой не восток.
Перелески да заводи,
Да кресты у дорог.
То увал, то болотина,
То развилок большой...
Собирается Родина,
Каменеет душой.

Безоговорочно и ясно

А на земле – то ночь, то день,
То цвет и звон, то увяданье...
Пустынь горячее дыханье,
Густых лесов сырая тень...

Своё бесстрастие храня,
Весь мир, который создан Богом,
Живёт в одном порядке строгом,
Непостижимом для меня.

Лишь я свободой наделён –
Безоговорочно и ясно
Провозгласить, что жизнь прекрасна,
Как это прежде сделал Он.

Под дождём

Не спеша под дождём, под дождём не спеша...
Убаюкана бархатным шумом душа.
Только капли текут, по зонту простучав,
Прямо мне на плечо и тебе на рукав.
Весь наш мир умещается в круглом пятне,
Нам неведомо то, что творится вовне.
Мы, как два городских сумасшедших, идём
Под дождём не спеша, не спеша под дождём...

Человек всяя Руси

Гонят сырь дожди косые,
Вьюги снежные поют.
Ходит-бродит по России
Всякий-разный добрый люд.

Кто-то знает очень много,
Кто-то слишком деловит,
Кто-то просто верит в Бога,
Строит, пашет и молчит.

Он всегда и всюду рядом,
И, притом наоборот, —
Незаметен беглым взглядам,
Этот наш простой народ.

Как земли Великоросской
Наивысший, добрый слой,
Он красив её неброской,
Задушевной красотой.

Позовёт земля родная:
Отведи мою беду!
Он, иных забот не зная,
Просто скажет: Я иду!

И восстанет великаном,
И пойдёт, неумолим!
И никто на поле бранном
Совладать не сможет с ним.

А когда исчезнет лихо,
Просветлеет небосвод —
Снова всюду, очень тихо,
Заживёт простой народ...

Право, в этой идиоме —
Хоть стократ произнеси —
Нет иного смысла, кроме
«Человек всяя Руси».

И сильней любой стихии
Это вечное родство —
Он не может без России,
Как Россия без него.

Вадим НЕРАДОВСКИХ

Музе

О Муза дерзкая моя! Зачем,
Узнал тебя в свои седые годы?
Я отроду не сочинял поэм,
Полночных рифм не тасовал колоды.

И ты жила в плену привычных схем:
Лишь с юностью водила хороводы,
Глагольной рифмой брезгала, меж тем
На стёб и мат не избежала моды.

И вот – пришла! А я попал впросак.
Наш мезальянс не выглядит забавно:
Как ты дика! Капризна! Своенравна!
Диктуешь мне: что, где, когда и как...

Ну, что ж, – дерзай! Итог теперь известен:
Создам для мира лучшую из песен.

Преображение

Я мнил: вино с годами лучше станет,
Поспешно яркость тона выбирал,
Не ведая, что цвет меня обманет, –
Я уксусом наполнил свой бокал...

Но виноградник продолжает виться –
Усердный винодел заполнил чан,
И брызжет ток рубиновый, искрится,
Хрустальный наполняя вновь тюльпан.

Тебя в ладонях как вино согрею:
Во тьме исканий терпкость юных лет
Преобразилась в нежную лилею –
Струится аромат – мы тет-а-тет...

Искрит вино, теряя винный камень.
А зрелая любовь, как ровный пламень.

Священный текст

1

Равно и скот, и муж благочестивый
Умрут, и труд без пользы будет тлеть.
А горче смерти женщина, что сеть:
Уловлен будет грешник нечестивый.

Уныния ползет туман тоскливый,
И я от сердца требую ответ:
Коль все на свете суета сует,
Так есть ли в жизни смысл и толк правдивый?

Но ты сказала: «Верю я в любовь,
И лишь тому даётся счастье вновь,
Кто не боится странного контраста».

И приобняв, шепнула: «Дорогой,
Переверни листок Экклезиаста
И «Песню песней» для себя открой».

2

К познанию мудрости я сердце обратил,
Безумье странное желал познать и глупость;
Весельем сердце я испытывал на скупость:
«Уж насладись добром», – таков был мой посыл.

Всё – труд. Но слушанье не наполняет ухо,
А созерцание не утолит очей.
Покою сердцу нет хоть посреди ночей:
Всё суета сует, и всё – томленье духа!..

Но вдруг, как солнца луч, средь мрачной темноты:
«Лобзай! Влеки меня – я побегу с тобою!
Нам домом – кипарис, а ложе нам – цветы.
Поутру выйдем в сад с цветущею лозою...»

Люта как смерть любовь – всей жизни в ней исток –
Не загасит вода, не унесет поток.

Отчаяние

(зеркальная сонетная двойчатка)¹

*И вдруг сознание бросит мне в ответ,
Что вас, покорной, не было и нет...*

Николай Гумилев

За кораблем искрится бирюза!
Сквозь Золотые мы плывём ворота!
Бдит Карадаг, скрывая тайну грота.
За цепью гор блаженствует лоза.

На профиль пилигрим возвел глаза:
Источник вечный для стихов с разлёта.
Хитон, венки и звание «обормота»
Теперь священны здесь. И всё из-за...

Там, прикоснувшись к посоху кумира,
Отозвалась мажорной нотой лира –
Скорее в дом, пока мечты свежи!..

Но вдруг безвольно замер у проёма:
Дверь в дом отворена, но как, скажи,
Переступить порог пустого дома?..

Переступить порог пустого дома,
Где по ночам блуждают миражи
Истлевших втуне чувств и невесома

Тень той, что слепо доверяла лжи
Никчемных книг придуманного мира, –
Вновь ощутить: любовь отныне сира...

Предзимняя Тюмень пуста, сиза.
С унылых ив слетает позолота.
Сковала дни тяжелая дремота.
Дождь по стеклу стекает, как слеза...

С тоскою я гляжу на образа
От мамы перешедшего киота:
«Неужто я похож на идиота?»
Лишь в басне приползает стрекоза».

¹ Зеркальная двойчатка – новая твердая форма в 800-летней истории сонета. Представляет собой соединение прямого и опрокинутого сонетов. Первая зеркальная двойчатка «В Тавриде» (автор Вера Любчик) была опубликована в 2016 г. Независимо от стихотворения В. Любчик нами была создана оригинальная зеркальная двойчатка «Отчаяние». Оба произведения встретились в 2022 году, в Коктебеле, во время обсуждения на XV симпозиуме Международного научно-творческого семинара «Школа сонета». Определение новации – «зеркальная двойчатка» – дал руководитель «Школы сонета», доктор филологических наук, профессор МПГУ Федотов О.И. – прим. автора.

Бег

(зеркальная сонетная двойчатка)

*Я зеркало. Я отражаю в себе каждого,
кто становится передо мной.*

М. Волошин

Бежим в аристократы без оглядки,
В магнаты новые – царям под стать.
Мы норовим в себе себя зачать,
Самодостаточность хваля в припадке.

Как ловко с жизнью мы играем в прятки!
Улыбку научились «рисовать»,
И «оптимизма» нам не занимать:
Что б ни случилось – все у нас «в порядке».

Но – странные – поднявшись на карниз
Заоблачный, мы жадно смотрим вниз
На дом с зеркалом дивным на пороге:

Нас тянет бездна виноватых глаз.
На отражение глядим в тревоге,
Страшась того, кто отражает нас.

Опасен тот, кто отражает нас.
Нейтральный эйкон¹ зеркала ручного
Явит тебе синхронный взгляд анфас.

Другой же, с дерзкой простотой святого,
В твою способен душу заглянуть,
Тебя признать, иль молча зачеркнуть.

Кричим в испуге: «Сами не споткнемся!
Своих спонтанных чувств оставь нажим!
Любить без повода нельзя чужим.
Мы без тебя уж точно разберёмся».

В гордыне мы себе не сознаёмся:
Узнав себя, как узнанного им,
Мы отраженья своего бежим.
Но на бегу украдкой оглянёмся.

¹ Эйкон (греч. εἰκών): икона. По учению Платона эйкон – отражение, соответствующее образцу – прим. автора.

ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

Александр СТЕШЕНКО

Мастерская сказок

В деревне, что раскинулась на крутояре красивой сибирской реки, поселился писатель. Он купил небольшой домик на краю села, там, где начинался могучий таёжный лес.

Девочка Еня жила рядом с домом писателя, на той же улице. Как-то раз она с дедом Иваном проходила мимо.

– Здорово сосед! – громко поздоровался дед Иван.

– День добрый, – ответил писатель и, улынувшись Ене, спросил, – а как зовут такую красивую девочку?

– Еня, – смущаясь, ответила она.

– А меня – дядя Саша. Ну, вот и познакомились.

– А чем ты, паря, занимаешься? – дед Иван засмолил только что скрученную сигарку. – Ну, стало быть, по жизни кто?

– Я? – как бы удивился дядя Саша. – Я – писатель.

– Писатель? – дед Иван глубоко затынулся, выпустил клубок сизого дыма, – это хорошо. А работаешь где?

Писатель дядя Саша только усмехнулся.

На следующий день дядя Саша отпилил кусок фанеры и крупными буквами написал на нём небольшой текст. Затем он повесил этот кусок фанеры на стену дома со стороны улицы.

И теперь на доме дяди Саши висела табличка, на которой было написано: «Улица Полевая, дом 17. Здесь живет писатель, который нигде не работает».

* * *

– Папа, расскажи мне сказочку, – Еня удобно расположилась в кровати, накрылась одеялом с цветастым пододеяльником и приготовилась слушать.

– Жили-были старик со старухой, – начал папа рассказывать сказку о колобке.

– Нет, папа, – девочка приподнялась и села, – я не хочу о колобке... и о курочке Рябе не хочу. И вообще. Я хочу какую-нибудь новую сказку.

– Новую? – папа недоумённо развёл руками. – А я и не знаю никаких новых сказок.

– И что же делать? Эти-то я уже наизусть выучила... мне под них не засыпается... вот.

– Хм-м, – папа задумался, – а ты сходи завтра к писателю дяде Саше. Может, у него и есть какие-нибудь новые сказки. Он же писатель.

Утром Еня отправилась в гости к писателю. Дядя Саша работал во дворе. Он распиливал длинный толстый брус на короткие кусочки.

– Здравствуйте, – девочка открыла калитку.

– А-а-а, – узнал её дядя Саша, – день добрый, заходи. Сейчас пойдём чайку попьем, мне как раз нужно перерыв сделать.

Чай у дяди Саши оказался очень вкусным. Потому что он был с печеньем и конфетами.

– А у меня вот... печалька, – пожаловалась Еня.

– Что же случилось?

– Все сказки уже закончились. А новых нет.

– Ну, это не беда, – успокоил девочку дядя Саша, – мы тебе новую сказочку смастерим.

– Правда? – обрадовалась Еня. – А как это? И где?

– Где? В мастерской сказок, – и с этими словами дядя Саша взял со стола обычную столовую ложку и приложил её к уху, – алло, алло, – произнёс он в ложку, будто это был телефон.

– Ха! – усмехнулась Еня, – разве можно звонить по ложке?

– Можно, – уверенно ответил дядя Саша, – это же волшебная ложка, – и тут же вскрикнул. – Ага! Ответили... Добрый день, Буратино Карлович. У меня тут в гостях девочка Еня, она попросила новую сказку. Про что? Минуточку.

Дядя Саша посмотрел на Еню и, прикрыв ложку ладошкой, серьёзно спросил:

– А тебе про что сказочку смастерить?

– Ну, я и не знаю даже, – задумалась Еня. И тут же решила, что раз дядя Саша разговаривает с Буратино Карловичем, то и сказка должна быть соответствующая, – про деревянного человечка можно?

– Конечно, – дядя Саша убрал ладошку от ложки, – Буратино Карлович, девочке нужна сказочка про деревянного человечка. Это возможно? – и вновь посмотрел на Еню, – он сказал – без проблем. Приходи завтра.

Как только наступил новый день, Еня сразу же побежала к писателю. Радостное ожидание новой сказки торопило её.

– Дядя Саша, а сказочка уже готова?

– Да. Только что из производства вышла, – дядя Саша сладко зевнул, по-видимому, сегодня он не выспался, – пойдём в мастерскую.

И они направились в конец двора. Там стояло деревянное строение, похожее на большой сарай. Дядя Саша открыл дверь и вошёл внутрь. Еня последовала за ним. Это и была мастерская сказок.

В середине сарая-мастерской находилась какая-то необычная железная штукавина. Она занимала много места. За этой штукавиной вдоль стены располагался верстак. На верстаке стояли различные деревянные поделки. В некоторых угадывались лесные зверушки – белки, медведи, зайчики. Некоторые представляли собой каких-то неведомых существ. А ещё были замысловатые фигурки, сделанные из витиеватых корней и сплетённые из веток.

На большом деревянном столе, слева от входа в мастерскую, лежали тетради и книжки, были разбросаны исписанные листы бумаги, чертежи и схемы, какой-то инструмент. А ещё в углу столешницы стояло полено

с длинным сучком, торчащим сбоку. Сверху на полено была надета широкополая шляпа.

– Это мой помощник Буратино Карлович, – дядя Саша указал на полено с сучком-носом, – он помогает мне создавать новые сказки. А это, – писатель нежно погладил большую железную штуковину, – деревообрабатывающий станок, производитель сказочных персонажей. Сначала мы с Буратино Карловичем придумываем сюжет новой сказки. Затем создаём персонажей. Многие из них я делаю на этом вот станке. Так в итоге и рождается сказка. Вот и вчера мы создали новую. Между прочим, по твоему заказу.

Дядя Саша поднял руку и снял с полки деревянного человечка. Человечек был очень забавным. Туловище у него было круглое, как шар. Да, пожалуй, это и был шар. А голова, наоборот, квадратная. Этакая голова-кубик, приставленная сверху к шару-туловищу. А сбоку шарикатуловища торчали две палочки-ручки, и в одной ручке этот деревянный человечек держал несколько бумажных листочков.

– А вот и твой деревянный человечек, – дядя Саша протянул фигурку девочке, – а в руке у него знаешь что?

– Что? – с радостным любопытством спросила Еня.

– А в руке у него новая сказочка.

– Здорово! Спасибо, дядя Саша, – девочка весело захлопала в ладоши, а потом посмотрела на «носатую» чурку и... произнесла, – спасибо и тебе, Буратино Карлович!

Квёлочка

У крутого спуска к ручью среди соснового леса затерялся небольшой еловый островок. Красивые густые пирамидальные ели радовали глаз. Но была среди них маленькая невзрачная ёлочка – тонкий кривой ствол с голыми веточками, торчащими в разные стороны. И росла она на самом краю кручи, резко обрывающейся вниз.

Весенние воды наполнили ручей, превратив его в полноводную реку. Они неудержимо подмывали крутой берег. Пласты грунта обваливались, унося с собой всё то, что росло на поверхности. Ещё немного, и эта чахлая ёлочка должна была обрушиться вместе с очередным куском земли в водный поток и погибнуть в его течении.

В это время по тропинке вдоль ручья шла девочка Еня со своим папой. Она увидела, что маленькая ёлочка в опасности.

– Папа, папа, смотри, там земля рушится! Большой кусок, – взволнованно вскрикнула Еня.

– Дочка, так всегда бывает весной. Вода вымывает берег, и он осыпается.

– Я знаю. Но там ёлочка. Она сейчас упадет вместе с землёй.

– И что? Даже огромные деревья падают. А тут какое-то маленькое деревце.

– Папа, а давай мы её спасём!

– Как это спасём?

– С собой заберём, – пояснила Еня.

– Да ты посмотри, какая она некрасивая. Почти без веток, чахлая, – возразил папа и добавил, – квёлая какая-то. Не ёлочка, а квёлочка.

– Ха, Квёлочка, – улыбнулась Еня, – неа, Квёлочку мы не оставим.

– Тогда будешь ухаживать за ней сама.

– Буду. Обязательно буду! – сразу согласилась Еня и, задумчиво пошмыгав носом, спросила: – А как?

– Кормить и поить.

– Ха, кормить и поить. Это чем? Ёлки же не едят кашу... или супы там какие-нибудь.

– Ты же знаешь – все растения поливают водой. А ещё мы ей дадим каких-нибудь удобрений, чтобы она поправилась.

– Обязательно дадим, – обрадовалась Еня, – а Квёлочка всё это скупает и вырастет большой. Правда, папа?

– Да, дочка...

И посадили папа с Еней ёлочку Квёлочку перед своим домом. Выкопали широкую ямку. Аккуратно поместили туда деревце и подсыпали вокруг саженца лесную почву.

И стала Еня ухаживать за ёлочкой Квёлочкой.

Однажды соседский мальчик Вова, драчун и хулиган, подъехал на велосипеде и спросил:

– Ты чё это ветку поливаешь?

– Это не ветка!

– Как не ветка? А что тогда?

– Это Квёлочка...

– Чего-о-о?

– Ёлочка по имени Квёлочка... вот.

– Ха-ха. Какая же это ёлочка? Ветка и есть. Два раза ха-ха.

– Не говори так. А то я с тобой дружить не буду.

– Па-аду-умаешь, – и Вова невозмутимо укатил на своём велосипеде.

– Ну и ладно! – крикнула ему вдогонку Еня. – Зато у меня теперь подружка есть – Квёлочка.

Так и присматривала Еня за ёлочкой Квёлочкой всё лето, поливая её в жару, подсыпая гранулы удобрений, который дал ей папа.

И к осени ёлочка ожила. У неё появились новые веточки с обильной тёмно-зелёной хвоей. Верхушка вытянулась вверх. Ствол выровнялся и стал более крупным. И теперь перед Ениным домом стояла красивая пирамидальная ёлочка.

А когда наступила зима, Квёлочка укрылась пушистым снегом. Как будто меховой шубкой. И на Новый год папа не стал ставить праздничную ёлку в доме. Даже искусственную. Он просто собрал ёлочные украшения, позвал с собой Еню, и они пошли на улицу. Наряжать Квёлочку.

Папа подавал Ене игрушки, а она развешивала их на веточках. И тут появился мальчик Вова. Сначала он стоял чуть в сторонке и наблюдал, а потом подошёл и торжественно объявил:

– Я теперь буду добрые дела делать.

– Это какие? – удивился папа.

– Я весной тоже ёлочку посажу.

– Это хорошо, – ответил папа.
– Только я не обычную ёлочку посажу, а квёлочку.
– Почему?
– Потому что слабым надо помогать. Сильные и так... сильные... вот.
Он подошёл к ёлочке Квёлочке и повесил на ветку красивый серебря-
стый шарик.

И всем стало весело.

А потом наступил Новый год.

Владимир МОЛДОВАНОВ

Домовёнок Боря

Под скалой, далеко у моря,
Где вонзаются горы в небо,
Жил да был домовёнок Боря,
Только счастлив тот Боря не был.

От заката и до рассвета
Боря звёзды считал ночами,
Знал он все наизусть планеты
И созвездий играл лучами.

Домовёнок мечтал о доме,
У дороги, с горящей свечкой,
Чтобы трое детей, а кроме –
Толстый кот да сверчок за печкой.

Но сейчас все дома похожи,
Электрическим залиты светом,
Там тепло и светло, но всё же
Домовятам в них места нету...

Белое стихотворение

Белые медведи плавают на льдинах,
Белые медведи в Арктике живут.
Там катают мамы медвежат на спинах,
В ледяных торосах им ветра поют.

В Антарктиде белой смелые пингвины
Пингвинят выводят в снежной кутерьме.
Пингвинятам солнце пригревает спины,
Согревают мамы пингвинят во сне.

Длится день полгода, ночь полгода длится.
Лета не бывает, не придет весна.
Может, пингвинёнку медвежонок снится,
Медвежонок, может, крутится без сна...

Ни за что на свете не дано им встретиться –
На Земле огромной нет таких чудес...
И глядят медведи в небо на Медведицу,
А пингвины ищут в небе Южный Крест...

Кораблик

Ручей – не бурный океан,
И мой кораблик пусть не лайнер,
Но я сегодня капитан,
Мы в путь выходим утром ранним.

Пусть корпус – досочка одна,
И парус сделан из берёсты,
Семи пусть футов нет до дна –
Им управлять совсем не просто!

– Отдать швартовы! Полный ход!
Налево руль!.. Как струны нервы –
Кораблик мой летит вперёд
В свой рейс далёкий самый первый...

Плыви, кораблик, в добрый путь,
Найди свой курс ты в океанах!
И верю я, когда-нибудь
С тобой я встречусь в дальних странах.

Перед сном

– Расскажи мне сказку, деда,
Про цветные лоскуточки.
Расскажи мне про Победу
И про фею на цветочке.

Расскажи, в чём наша сила,
Про волшебных три закона,
Про принцессу, что спустила
Косы длинные с балкона.

Про дельфинов под водою,
И как Герда ищет Кая,
Как с огромной бородою
В небесах колдун летает.

А ещё... про носорога...
Как лиса всех обманула...
Про кирпичную... дорогу...
Про...

и девочка заснула.

Трудная задача

Папа может всё на свете:
Строить дом, чинить машину,
На коньках лететь как ветер,
Сшить из кожи мокасины...

Но сегодня папе сложно –
Очень трудная задача –
Папа дышит осторожно,
Кажется, вот-вот заплачет.

Кончик языка кусает –
Пот с лица течёт рекою –
То молчит, а то вздыхает,
То глаза протрёт рукою.

Папе проще вырыть яму
Или прыгнуть с парашютом,
Иль взойти на Фудзияму
Неизведанным маршрутом...

Даже плыть под парусами –
То не ягодки – цветочки:
Он дрожащими руками
Красит дочке ноготочки.

Мне опять ничего Дед Мороз не принёс –
Может, занят он был или просто устал...
Но я ждал, что придёт, несмотря на мороз,
Ведь письмо я ему целый месяц писал.

Я писал, что хочу, чтобы стол, как у всех,
Чтобы ёлка стояла и чтобы салют!
Чтобы снова звенел мой залиvistый смех,
Чтобы трезвые все и чтоб в доме уют...

Я стою у окна, в кухне крики и мат.
Дед Мороз, сделай так, чтоб я вырос скорей,
Чтобы смог я уйти и забыть этот ад....
Дед Мороз, я прошу – будь немного добрей!

Светлана РАДАЕВА

Снежный медведь Блондин

Новогодняя сказка

С первым снегом зверята в сосновом бору ждали новогоднего чуда. Только медвежонок Вед забрался в берлогу и укрылся с головой лоскутным одеялом. Лежал и мечтал увидеть во сне телескоп – он ему приснился прошлой зимой.

В этот раз спалось плохо. За стеной то и дело раздавались радостные голоса.

– Скоро Новый год! Скоро Новый год! Скоро Новый год! – тараторили бельчата.

– Деда, Дедушка Мороз! Ты подарки нам принёс? – наперебой репетировали братцы-зайцы.

– Ма-а-аленькой ёлочке холодно зимо-о-ой. Укутали мы ёлочку тёплой мишуро-о-ой, – голосили сестрицы-лисицы.

Медвежонок крутился-вертелся, вертелся-крутился.

Встал. Выпил можжевельного чаю с душистым мёдом. И снова лёг.

Но сон не приходил.

Вместо него на поляну заявила какая-то малявка и стала звонко просить:

– Мне лошадку-качалку! Мне лошадку-качалку! Мне лошадку-качалку! Дедушка, услышь!

Вед даже заревел с досады.

Малявка примолкла.

Медвежонок закрыл глаза. Почти заснул и шурх – опять сбросил одеяло.

– Хочу телескоп. Настоящий, – понял он. – Буду совершать открытия.

На ту пору мимо берлоги пролетала сорока. У всех сорок были белые бока. А у этой – синие, как иней. Она записывала желания зверят на длинном хвосте.

Сорока записала желание Веда и на быстрых крыльях примчала в резиденцию Деда Мороза.

Дедушка выставил верной секретарше угощение – орехи и имбирное печенье, а после вынул из нагрудного кармана красный блокнот в снежинку и всё переписал, чтоб никого не забыть.

Не день, не два он готовился к празднику: штопал большущий мешок, укладывал в него подарки.

Телескоп для медвежонка упаковал в шелковистую бумагу – тёмно-серебристую, со звёздами.

Наконец, дедушка подшил валенки, расчесал густую бороду гребешком, присел на дорожку и ни свет ни заря отправился в путь.

Ёлки в бору были украшены шарами и фигурками – зверята весь месяц лепили их из снега.

– Охо-хох, молодцы какие.

– Кр-р-расотень! – согласилась с сучка ворона.

– Добрый день, – сказал ей дедушка. – А где живёт Вед?

Ворона тут же взмахнула серыми крыльями.

– Пр-р-ровожу! Пр-р-ровожу!
 Вот и берлога. Дедушка подошёл, постучал в маленькое окошко.
 А ворона каркнула:
 – Скор-р-рей! Встр-р-речай деда Мор-р-роза!
 – Чудес не бывает, – пробормотал Вед спросонок.
 В тот же миг сосна качнулась, оттуда обрушился снегопад.
 Ворона с криками «кар-р-раул» взмыла над лесом.
 Медвежонок добрёл до порога, высунул нос наружу – перед берлогой стоял высокий снеговик с посохом.
 – Разыграли, так и знал. Больше не выйду.
 Вед старательно забаррикадировался.
 Пока он нагревал остывшую постель, снеговик отряхнулся. Сдвинул снежную глыбу, откопал мешок.
 Все подарки были испорчены: сломаны, разбиты, помяты.
 – Охо-хох придётся их менять.
 До резиденции и обратно – путь не близкий.
 Под ёлками стемнело, а праздник в бору всё не начинался.
 Один Вед радовался тишине.
 Сон подошёл к медвежонку совсем близко, обхватил его мохнатыми лапищами. Стал нащёптывать: «Сейчас такое покажу...»
 – Погоди!
 Вед вздрогнул, насторожился.
 Снаружи донёсся писк.
 Это у наряженных ёлок расплакались лесные малыши.
 «Им некому дарить подарки, ведь чудес не бывает...» – подумал медвежонок.
 Он представил зарёванные мордочки, опущенные хвосты, поникшие уши... Одеяло полетело в одну сторону, а Вед – в другую.
 Медвежонок достал куль из-под сушёных ягод – самый большой. Сложил туда свои игрушки: мячики, вертушки, конструкторы. Последней приволок из угла лошадку-качалку.
 Потом ссыпал в пузатую банку сладкую заначку: малиновый мармелад, земляничные леденцы, карамельки-барбариски... Вокруг запахло праздником.
 Лишь сорока-синебока видела, как Вед вылез из берлоги. Медвежонок хорошенечко вывалился в снег и зашагал по тропе.
 Снежинки сверкали, как фонарики. Освещали дорогу.
 Зверята оторопели, когда из-за ёлки вышел незнакомец: белый, лохматый, с большим кулём.
 – Ты кто? – пикнула мышка в камышовом платице.
 – Снежный медведь Блондин, – пробасил Вед. – Я прибыл к вам по особому поручению самого Деда Мороза.
 Что тут началось!
 Гостю пели песни. Рассказывали стихи. Загадывали загадки. И даже показали акробатические номера.
 А когда Блондин развязал куль и вытряхнул игрушки, малыши ринулись обнимать медвежонка.
 Внизу что-то шелохнулось.
 Медвежонок наклонился и увидел глаза-бисеренки.
 – Седлай, – он поставил перед мышкой лошадку-качалку. – Это тебе.

Малышка перекувыркнулась через голову и как заправский ковбой вскочила в седло.

Блондин играл со зверятами в снежки, катал на спине по лесу и был главным хороводовожатым.

Малыши так смеялись, что на шум выглянули их мамы и папы.

– Мам! Пап! Смотрите, какие чудеса!

Медвежонок устался на собственные лапы. Оказывается, они ТАКОЕ умеют...

Кукушка прокуковала полночь, когда все, совершенно счастливые, разошлись по уютным норкам.

Снежный медведь Блондин один брёл сквозь спящий бор. Он глядел на далёкую-далёкую круглолицую луну и думал о телескопе: «Сегодня-то уж точно приснится».

Из-за чёрно-белых стволов слышалось:

– Охо-хох.

На пенёчке перед берлогой сидел он. С пышной бородой, в шубе, расшитой инеем. И улыбался – так же радостно, как недавно мышка-малышка.

– Дедушка? – прошептал Вед.

– Вот твой подарок. Держи.

Вед почему-то оробел.

Дед Мороз сам развернул тёмно-серебристую бумагу и вложил телескоп медвежонку в лапы. «Он похож на калейдоскоп, только длиннее», – подумал тот. И осторожно заглянул.

В объективе сияли сотни звёзд. Они складывались в разноцветные узоры. Среди них, по ночному бархату, гуляли две медведицы – большая и малая...

– Ну, как тебе твоё открытие, Вед?

– Оно такое... такое... ух, круть-какое...

Дедушка Мороз погладил медвежонка варежкой.

– Охо-хох, дружок. Самое крутое из всех открытий ты совершил накануне.

– А ведь и правда, – призадумался Вед-Блондин. – Дарить малышам подарки – суперкруто.

И они заговорщически подмигнули друг другу.

Сергей ДЮКАЛОВ

Осенняя радуга

Я по садику гуляю,
Листья желтые пинаю.

Побежал я наутек,
Весь до ниточки промок.

Я на яблоню влезаю,
В небо яблоки бросаю.

А когда вернулся в дом –
Прогремел последний гром.

Видно, небо продырявил –
Тучку плакать я заставил.

Снова стало все красиво –
Небо радуга зашила.

Алёшкина каша

Это кто у нас сегодня
Не пускает кашу в дом?

Каша хлопнула в ладони –
И сказала: «Ешь, браток!»

Каша выросла большая –
Заслонила все кругом.

«Я пришла кормить Алёшку, –
Говорит она всерьез,

Голова у нашей каши
Достает до потолка.

Чтобы мальчик хоть немножко –
Выше валенка – подрос!»

В голове у нашей каши
Сорок ведер молока.

Поворчала, побродила,
Словно по лесу медведь.

Бочка масла, шапка соли,
Сказок сахарных мешок.

«Открывай-ка ротик шире –
Кашке надо похудеть».

В зоопарке

Всем ребятам на потеху
Зоопарк большой приехал.

Оказалось, на беду
Подразнил я какаду.

Я сперва раскрыл мартышке
Про зверят цветную книжку.

Я хотел на пару с папой
Покататься на жирафе.

Угостил морковкой зайца,
А чего его бояться?

Жалко, лесенки нет длинной –
Не залезть к нему на спину.

Дал я яблоко медведю –
Он, наверно, не обедал.

Повезло потом немного –
Я слону погладил ногу.

Жмурится в углу тигренок,
Ну какой же он ребенок!

И смотрел, разинув рот,
Африканский бегемот.

Страна чудесных трав

Я возьму волшебную рубашку,
Чтоб страну чудесных трав найти.
Одуванчик здесь – большая башня,
А коровки божьи – как такси.

Я росой умоюсь разноцветной,
Потому что разные цветы.
Из пыльцы попробую конфетки
И усну в кровати из листвы.

Снится мне – игрушечные пони
По лужайке побежали вскачь.
А горошинка в моей ладони
Превратилась в звонкий желтый мяч.

Стрекоза вдруг стала вертолетом,
Мотылек вдруг тучкой запорхал.
Стал щенок забавным бегемотом,
А котенок тигром заворчал.

Стал играть в футбол я на поляне,
Вратарем поставив комара...
Очень жаль, что разбудила мама,
Потому что в садик мне пора.

Отличный ученик

Я отличный ученик –
Получаю только пять.
Не читаю детских книг –
Их мне некогда читать.

Я усердный ученик –
Не хожу играть в хоккей.
И не слышал мой дневник
Звона рыцарских мечей.

Не по мне велосипед
И рыбалка не по мне.
Не качался много лет
На качелях во дворе.

Где же вы, мои друзья?
Не умею я дружить.
Хорошо умею я
Лишь учебники зубрить.

Мчится, мчится детство вскачь,
А вокруг полно чудес.
Мир – огромный звонкий мяч,
И река, и щедрый лес.

В нем – грибы, березы сок,
Море разного всего...
Мир прекрасен и широк,
Как я мог забыть его?

Дедушка Жара

Обошел свои уголья
Хитрый дедушка Жара.
Разбросал везде уголья –
Всем попариться пора.

Веники давно готовы,
Лишь разденься – сразу жгут.
И похлещут так толково –
Будешь красным в пять минут.

Тополиною косынкой
Машет, балуясь, в лицо.
Как прохладную простынку,
Постелил нам озерцо.

За него тебе спасибо,
Милый дедушка Жара.
Очень добрый ты, как видно,
Если рада детвора.

Солнце дерзкое играет
Твоей рыжей бородой.
А когда на миг устанет –
В тучке спрячется седой.

И тогда дождю мы рады,
Хоть он будет до утра.
Ну а утром снова скажем:
«Здравствуй, дедушка Жара!»

Калейдоскоп

Мир вокруг – большой калейдоскоп.
Город есть, а в городе народ.

Есть из красных стекол Дед Мороз,
А из белых – хоровод берез.

Из зеленых стеклышек – трава,
А из синих – неба синева.

Вижу желтый солнца колобок.
Рядом с ним – румяный Новый год.

Смело я войду в калейдоскоп,
Наберу я стеклышек на год.

Я собратъ решил из них давно
Моей маме – чудное трюмо.

А сестре – Снегурочки наряд
И цветную книжку про зверят.

Соберу я папе самолет,
Полетим встречать мы Новый год.

Приземлюсь у самой елки я
И скажу всем – с праздником, друзья!

Маскарад

Нету праздника милее,
Чем веселый маскарад.
Нарядившись Бармалеем,
Можно в Африку слетать.
Нарядившись медвежонком,
Можно досыта поспать.
Кто-то хочет стать зайчонком,
Чтоб под елкой поскакать.
Наряжусь обезьянкой –
Сто бананов получу.
И царевной Несмеяной, –
Если плакать захочу.
Наряжусь я поваренком –
До чего ж компот люблю.
Если стану я слоненком, –
В зоопарк любой пройду.
Если стану попугаем, –
Всем считать я помогу.
Если стану капитаном, –
Клад пиратский я найду.
Можно вредному мальчишке
За насмешки отплатить:
Нарядившись мушкетером,
Острой шпагой погрозить.
Нужно, чтобы быть умнее,
Книжки умные читать.
Но зачем, чтоб быть смелее,
Надо маску надевать?

Если стану великаном

Если стану великаном,
Зноем солнечным горя,
Чудо-озеро, как тазик,
Опрокину на себя.

Если стану великаном –
Пожалею город мой.
Тучки, как овец отару,
Приведу я за собой.

Словно уши, опустили
Листья вялые цветы.
И сирени приуныли –
Милый дождик, помоги!

И капризничать не будет
В жаркий полдень детвора.
И смородина раздует
Щеки красные с утра.

С тыквой в прятки заиграет
Кабачок-озорничок.
А огурчик наш подставит
Поспевать другой бочок.

Будут дождику все рады –
И земля, и малыши.
В мире лучше нет отрады
Для любой живой души.

«Пилигрим в поисках потерянного рая...»

1999 год. Нижняя Саксония. Пленэр. Фото – Йорг Фурх

Персональная выставка «Места действ и я» работала в Музейно-выставочном комплексе в г. Лесном в 2023 г. Команда музея во главе с директором Юлией Стриговой, художник и загруженная картинами машина

Сцена из спектакля «Дядя Ваня» А. Чехова (2024, реж. Д. Юдин, худ.-пост. О. Трофимова, Тобольский театр драмы им. П.П. Ершова)

Ольга и мама – Надежда Михайловна.
Фото – Настя Громик

Соловецкий дом. 2013 Бум., акварель

Уральский сфинкс. 2015 Бум., акварель

*Кижи.
С Марией Зюркаловой. 2024 год*

*Дом Зои Ивановны.
Корза. 2024 Бум., масло*

*Бретань. Красный ветер.
2006 Бум., акварель*

*Когда я вернусь...
2015 Бум., акварель*

*Путешествие с домашними животными и детьми.
2018 Холст, масло*

*Пролетая рядом. 2006
Бум., акварель*

*Филимон и Башня. 2013
Бум., акварель*

Фрагменты спектакля «Мещанин-дворянин» (2012, реж. М. Поляков, худ. О. Трофимова, Молодежный театр «Ангажемент», Тюмень)

Автор со своими куклами из спектакля «Бык, осел и звезда» (2012, реж. С. Линдер, худ. О. Трофимова, Театр кукол и масок, Тюмень)

Фрагмент спектакля «Шут Балакирев» Г. Горина (2022, реж. А. Лобанов, худ.-пост. О. Трофимова, Тобольский театр драмы им. П.П. Ершова)

Декорации спектакля «Дядя Ваня» А. Чехова (2024, реж. Д. Юдин, худ.-пост. О. Трофимова, Тобольский театр драмы им. П.П. Ершова)

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Анна НАУМОВА-ЛЯМИНА

Громушко гремит

Из цикла «Детство пахнет клевером»

Сильные грозы в Западной Сибири – не редкость. Всё лето пугают они местных жителей и звуком, и видом. Приходят с началом тёплого сезона, в мае: температура воздуха повышается и происходят нестабильные колебания в атмосфере. Встречаются тёплый и холодный воздух, и встреча эта превращается в знакомую всем картину: перед собой видим яркие золотистые молнии, а сверху страшные раскаты, и содрогаясь.

В деревне Базарихе, где я росла, грозы особенно мощные. Говорят, это потому, что деревня находится в низине, вокруг которой со всех сторон – реки. В детстве я шибко боялась этих гроз, особенно в период младшего школьного возраста.

У бабушки моей Анны была одна примета, и она не упускала случая лишний раз припугнуть ею своих внучат, зная, что грозы они боятся. Начнём шуметь и веселиться весной, в Пасху, а она уж скорей страшит:

– Ну-ка, не балуйте! В Пасху нельзя баловаться да шуметь. А то гроза летом над домом будет.

А если случайно вдруг в Пасху упадёт какой столовый прибор со стола и, стукнувшись об пол, издаст громкий звук, или тарелка звякнет, так бабушка опять:

– Не стучите в Пасху – нельзя! Вот придёт лето, и будет громушко над вашими головами греметь. За то, что вы в такой великий день стучите. Боженька рассердится.

Громушко. Именно так она называла громовые раскаты: ласково, с уважением и присущим ей благоговением в голосе. Не понаслышке знала – перед природой человек беспомощен.

В детстве мне часто приходилось в летнее время оставаться с бабушкой. Все остальные взрослые из нашей семьи уезжали косить сено. Скота дедушка держал много, и оттого сенокосная пора длилась весь июль. Рано утром косари загружались в прицеп с аккуратно сложенными вилами, граблями и другими необходимыми орудиями труда для заготовки сена. Дед заводил свой красный трактор-пуколку, и процессия отправлялась далеко за горизонт – на солонцы, что находились в пяти километрах от деревни. А возвращались домой поздно, когда уже первые звёзды появлялись на небе.

Я же ещё с Пасхи ждала, что придёт лето, и гром обязательно прогремит надо мной, ведь в этот праздник у нас в доме всегда было шумно – то игры, то беготня. И вот наступало красное лето. Точнее, зелёно-голубое – солнечное, яркое, душистое. А вместе с ним с небесной канцелярии неизбежно приходили обещанные бабушкой наказания за «ненадлежащее» поведение в Пасху.

Всплывает в памяти знойный июльский день, время – к вечеру. Предливневая пора. На улице жарко-жарко, парит, всё вокруг изнемогает

от жгучего зноя. Тучи по небу ходят где-то далеко-далеко, за плотной заставой шумящего, раскидистого березняка. И ворчит громушко, только не над нами, а вдали. Но все понимают: скоро он и до нашего околотка доберётся.

– Надо дождя, – по-хозяйски разглагольствовала в такие минуты бабушка Анна, обходя свои уголья. – Ишь, как засохло всё, ажно земля потрескалась!

Жалко ей было свой огород: в зной он выглядел удручающе. Опускали «ушки» высокие кусты помидоров, привязанных обрывками тряпок к сухим палкам – веткам ракиты. Уныло распадались кусты кабачков и патиссонов. Просили пить многочисленные клумбы с цветами.

И природа проявляла жалость. Небо перечёркивала молния, она сверкала то с одной стороны, то с другой, через небольшую паузу раздавалось: «Бабах! Бабах! Бабах!» От этих раскатов звонко дребезжали стаканы в буфете. И сразу становилось жутко.

– Ой, ой, ой, – пугалась я устрашающих звуков, прячась под навесы.

На что моя бабушка немного задумчиво и в то же время поучительно приговаривала, поглядывая на тёмно-синее небо:

– Громушко гремит.

Люди её поколения не могли объяснить с научной точки зрения происхождение природных явлений – редко кто оканчивал больше четырёх классов начальной школы. Искали другие толкования. Хотя, возможно, с возрастом и узнавали, почему так происходит, но всё же с боязнью вспоминали объяснения от своих родителей, которые и вовсе были безграмотными и потому наделяли грозу особой божественной силой, приписывая ей человеческие черты.

А бабушкина мама Марина Кирилловна, рождённая в конце девятнадцатого века, была ещё более суеверна и религиозна, чем её дочь. Поэтому Анна считала своим долгом говорить мне то, что когда-то в детстве сама от своей матери слышала.

– Зачем он так громко гремит, гром-то? – спрашивала я у бабушки.

– А потому что так Боженька гневается.

– На кого?

– Да на нас, на людей, на кого же ещё, – отвечала бабушка.

– А мы с тобой что-то плохое сделали?

– А то нет?! Конечно! Грешим-то каждый день. Ругаемся между собой, материмся, ленимся – вот и пожалуйста. Да ты не бойся грозы. Я же с тобой. Мы сейчас в дом зайдём, и там нам бояться нечего.

Старшее поколение чего только на своём веку не насмотрелось. А особенно ровесники бабушки Анны, рождённые в коллективизацию, пережившие войну и последующую за ней разруху. Видели они и людские смерти от грозы. Оттого и не разрешали детям во время неё находиться на улице – зазывали в дом и сами бросали все огородные дела. Зачастую бабушка рассказывала мне одну и ту же историю, как какую-то женщину в начале шестидесятых годов прямо тут, в Базарихе, убило молнией. Вот только имя её я позабыла. И спросить не у кого. Помню только, что та женщина неместная была – приехала летом в деревню в гости вместе с мужем и двумя детьми – мальчиками лет семи и пяти.

– На улице дождь льёт, град, а она из избы – на улицу выбежала, – вспоминала моя бабуля пострадавшую. – Гуси – говорит – на речке у нас пасутся, надо же их во двор пригнать. Вот и попёрлась за ымя. Гусятки маленькие

ещё, их могло градом прибить. А гроза сильная была! Молния сверкнула – и в неё попала. Она замертво и упала.

От таких историй ещё страшней становилось. Моей маме было лет шесть, когда в деревне это случилось, но тоже запомнила этот случай. И говорит, что после того, как только начиналась гроза, она и её маленькие сёстры прятались под железные кровати, пока сверкать не перестанет. Под этими высокими кроватями была темень. Но зато, как они считали, безопасно.

Ещё одну байку рассказывали в нашей семье – на этот раз про мою бабушку. Но сама она ничего про то мне не говорила. Будто бы она, когда ещё в молодости на ферме работала, однажды спасла свою землячку. Началась гроза, а они с ней на работе были. Звали напарницу Аганькой. Это в простонародье, а так – Агафьей. Вот эта Аганька во время грозы за провод рукой взялась. В ту пору электричество уже было проведено. В неё попал разряд, ударило током. Отлетела она от провода на некоторое расстояние, упала и глаза не открывала. Анна в ту минуту не растерялась, поняла, что медлить нельзя. Там рядом с фермой поляны были. Она взяла лопату и ведра, стала землю таскать и засыпать пострадавшую, чтобы заряд в землю ушёл. Половину тела засыпала, и Аганька уже глаза открыла – ожила.

С тех пор Анна Дмитриевна, едва заслышав грозу, пыталась заранее уберечь своих близких. Для того у неё имелись особые ритуалы. Бабушка брала широкие платки или простыни и накрывали ими все зеркала в доме. Зеркала всегда считались чем-то мистическим. Когда моя мама была ребёнком, в доме забыли накрыть зеркало, и от удара молнии оно разлетелось на мелкие куски.

Накрыв зеркала, бабушка Анна доставала с полки шапки и платки, раздавала всем, и мы сидели в шапках, пока не кончится гроза. А если начинали возмущаться, бабушка сердито говорила:

– Куда снимаешь?! Не слышишь, громушко не ушёл ещё. Так сиди. Вот уйдёт – тогда и сымай.

По версии бабушки, во время грозы голова должна была быть покрыта. Возможно, этот обычай был как-то связан с православием. Когда в храм приходят женщины, они также покрывают голову. В грозу в нашей деревне все мужчины надевали на головы кепки и фуражки – так исстари было принято.

Каждый вечер мама уходила к бабушке доить корову. Жили мы через дорогу. Помню, однажды ушла она, и внезапно началась гроза. Я осталась дома одна, но не растерялась. Деревенские дети растут смышлёнными. Сразу вспомнила наставления старших, достала свои детские пелёнки и укрыла ими трельяж, подошла к иконе, помолилась, надела шапку, села на кровать. Помнила, что в такие минуты нужно сидеть тихо. И вроде самой-то не страшно: знаю, что всё сделала, как надо. Но волнительно за маму: ведь она, подоив корову, пойдёт из сарая домой, не станет переживать грозу, потому что я сижу здесь одна. Вот я и бегала от кровати к окну каждую минуту, смотреть: не идёт ли.

Долго не было её видно. И вот смотрю – вышла, наконец, из ворот. Кажется, вечность прошла. Дождь льёт как из ведра, гремит, сверкает, а она идёт ко мне и свежее молоко несёт, а на голове платок надет. И я успокоилась.

С одной стороны, в детстве нам с сестрой Таней нравилось так вот сидеть дома в грозу в шапках посреди июля месяца. Обычно это длилось ненадолго. Во время грозы можно было надеть любую шапку – хоть чью – и никто ругать за это не станет. Но чем старше мы становились, тем больше эти старые

деревенские традиции казались нам бабушкиными причудами. И, будучи уже взросленькими девочками, мы не спешили подчиняться её правилам.

Летом 2004 года разразился гром. Пережидали грозу у бабушки сразу пять внуков: я, две Тани, Люда и Оля. Мне, самой младшей, было тринадцать лет, а старшей Оле – уже восемнадцать. Бабушка, по обыкновению, закрыла двери, прикрыла форточки на окошках, занавесила зеркала. Мы сидели в её комнате – кто на стуле, кто на её кровати, а кто просто на полу. Услышав приближающиеся громовые раскаты, бабушка заботливо подала внученькам шапки – целых пять штук.

– Берите, кому что, и надевайте, – скомандовала она.

Я и Таня были привычны к такому раскладу и неохотно протянули руки к головным уборам, но другие сёстры приехали в гости из городов, а потому им такой обычай казался смешным. Да, когда они были маленькие, то безропотно надевали эти же шапочки, но теперь они выросли, и можно было уже позволить себе не слушаться.

– Баба, хватит, – отрезали старшие внуки. – Заколебала ты со своими поверьями. Жарко нам и без шапок, в доме духота.

– Это только на время грозы, – заверила бабушка.

– Да что мы – дураки, что ли, в шапках дома сидеть? Хочешь – сама надевай, нам не надо.

Бабушка смутилась. А мы с Таней тоже отложили шапки в сторону: если эти не надевают – им можно, значит, и мы не будем. Развернулась бабушка, вышла из комнаты в кухню. Но тут же вернулась обратно. В руках у неё были лёгкие белые платочки с незатейливыми рисунками. В кухне, в углу, у неё находилась вешалка для верхней одежды. Оттуда она и принесла эти уборы. Бабах! Бабах! Всё сильнее гремел гром над её домом.

– Ну, коли жарко вам в шапках – так наденьте хоть платки.

Бабушка сменила приказной тон на просящий. Стало нам с Таней – той, что деревенская – жалко нашу старушку. Это ведь она так о нас заботу проявляла. И чтобы её уважить, мы всё же накинули на головы по платочку. По-моему, кто-то из девочек тоже в ответ небрежно повесил его себе на макушку. И бабушка сразу как будто повеселела, заблестели глазки, разгладились насупившиеся морщинки.

...Много лет прошло с тех пор. Давно нет в живых моей бабушки. А в деревне по-прежнему бывают сильные грозы. Такие мощные, что у людей выходят из строя телевизоры, бытовая техника. Но мы живём теперь в другом месте.

И вот недавно сидим мы у себя дома в райцентре. Дело к вечеру. Днём было невыносимо душно, а тут жара немного спала. За окном вот-вот польёт июльский ливень. А перед ним, как и полагается, небо содрогнулось, выдав громкие, пугающие раскаты. И мои шаловливые детки, которые хоть уже и подростки, но всё же грозы побаиваются: засуетились, вжались покрепче в свои кровати, сразу как-то стали спокойнее, рассудительнее.

– Мама! Ты слышала это? – испуганно спрашивают у меня.

– Слышала, – отвечаю им я.

И также, как четверть века назад моя бабушка Анна, серьёзно и задумчиво добавляю, глядя в натяжной потолок, как будто бы в бездонное хмурое небо – произвольно, на уровне подсознания:

– Будьте тише. Громушко гремит...

Сергей КЛИШЕВ

Творчество наших читателей

Ту войну не забыть

*Посвящается ветерану
Великой Отечественной войны,
кавалеру семи боевых орденов
Прокопию Александровичу Щиткову.*

Сибирский характер

Село Конево – избы над рекой,
В душе давно утраченный покой,
Река Абак и церковь, и гора –
Прошла там детства дивная пора.
Свою семью и пашни, и луга
Он защищать учился от врага,
Как и отец, и дедушка когда-то,
Почетно имя русского солдата.
Кто от землицы силу поимел,
Тот будет мужествен и смел,
Пусть ураган срывает паруса,
А в бой – так до победного конца.
Он из Сибири, видно, закален,
Не свалишь, не сломаешь лён,
Балладой жизнь окажется порой –
Стал парень на войне герой,
Артиллерист – и ум, и глазомер –
Как командир – товарищам пример,
Дивизион его шагал не уставая,
Что ни позиция – всегда передовая.
Блиндаж, землянку и окопы
Делил с бойцами Щитков Прокопий,
Не раз фашисты убегали прочь,
Познав орудий огневую мощь,
Стирал ударом полчища врагов
С крутых днепровских берегов,
Течение и Днестра, и Днепра
Он покори́л так дерзко, на ура.
В почёте среди фронтовиков
Земляк наш, капитан Щитков,
Прошел немало огненных дорог –
Семь орденов – вот доблести итог.

Поколение шестидесятых

Страна уверенно шагала вдаль,
С ней воздухом одним дышали.
Все знали, как закалялась сталь,
И быть хотели крепче этой стали.
Романтики, презреющие страх,
Отчаянно стремились мы туда,
Где не хватает воздуха в горах,
И облака скрывают кромку льда.
Тогда, наверно, каждый был герой
На улице, в деревне, за станком.
Мечтали за мальчишеской игрой
О звании мы тоже о таком.
И вот в дорогу позвала труба
Набатом из рассветного тумана.
Досталась поколению судьба,
Как главы из военного романа.

Асадабадский дневник

Читаю строки дневника
И проживаю будто вновь –
С утёса хлещет ДШК,
А по руке стекает кровь.

Читаю строки дневника:
«В засаде рота – как спасти?
Мы ждём подмогу из полка,
Прибудет завтра к девяти».

Читаю строки дневника:
«Дорога шла у черных гор,
Негромкий звук у кишлака –
Не видел выстрела в упор»

Читаю строки дневника:
«Володя, отхожу, меня прикрой!
Держись, мой друг, увы, пока
Я под обстрелом за горой!»

Читаю строки дневника:
«Будь проклят ты, пустыни зной,
Воды во фляжках ни глотка,
И груз, который за спиной».

Читаю строки дневника:
«Опасный путь – завал в горах,
Машины лезут в облака,
Забыв на время слово страх».

Читаю строки дневника:
«Пыль, БМП пошла не вслед,
И черный дым, и взрыв БК
Был экипаж – и больше нет».

Читаю строки дневника,
Солдатский отдых – костерок,
И вдруг потянется рука,
Чтоб нацарапать пару строк.

Читаю строки дневника,
И рифмы до сих пор во мне:
«Давно в живых нет паренька,
Писал стихи что на броне».

Читаю строки дневника
И фотографию держу в руке.
Пусть каждая его строка
Откликнется в моей строке.

Врачи Афгана

В одной больнице городской
Однажды случай был такой:
В палате, на четвёртом этаже
Больные двое, в возрасте уже,
Здесь оказались в первый раз,
И вдруг один начал рассказ.
Второй лишь слушал у окна,
И в память ворвалась война.
Тогда юнцы, безусые почти,
И непохожие у них пути –
Один водитель с огоньком
Был с перевалами знаком.
Другой – пехота – не спецназ,
Но в переделках был не раз.
Они с лихвой суровой доли
Хлебнули трудностей и боли.
Второй продолжил разговор
О красоте Афганских гор,
С тревожным запахом рассвета
И голосом, зовущим с минарета,
А сколько было там потерь!
Война, как ненасытный зверь,
Болезни, помнишь, бушевали?
Нас в медсанбатах зашивали,
Лечили, возвращали в строй,
Спасителей не знали мы порой.
Врачам поклонимся, мой друг,
Как не легко без добрых рук,
Без их любви, душевного тепла
Беседа эта состояться б не могла.
И на плацу скомандовать пора
Врачам Афгана троекратное ура!

ИРОНИЧЕСКИМ ПЕРОМ

Николай БАШМАКОВ

Лекарство от жадности

*Предпринимателям,
у которых бесплатно
не выпросишь и снега,
посвящается...*

Утро, офис фирмы. В воздухе витает аромат кофе... За компьютером высокогрудая, светловолосая и безотказная секретарша Людочка. Шеф диктует ей претензию на купленный в интернете товар.

«Уважаемые руководители фирмы, вчера я приобрёл ваше средство под многообещающим названием «Лекарство от жадности». На этот безумный шаг меня подтолкнули обманутые дольщики, которые поняли, наконец, что долги им я не верну, и теперь втайне всем миром собирают деньги на киллера. Да ещё и моя тёща Марфа Петровна – трижды вдова и по природе своей сильное кровососущее существо, в настоящий момент – единоличный лидер и диктатор в нашей семье.

Тёща потребовала объяснений после того, как я своей жене, получившей новенькие права, вместо иномарки последней модели купил подержанные «жигули». Сделал я это исключительно в целях экономии. Зачем платить дорого, если через месяц, а может быть, и гораздо раньше, машину всё равно придётся сдавать в металлолом? Марфа Петровна моих доводов не приняла, грубо обозвала меня жадёбой и напомнила, что два её первых мужа умерли, не дожив до пенсионного возраста именно от того, что их задушила жаба! Хотя мне доподлинно известно: один скончался классически – сразу после того, как попробовал её маринованные грибочки, а другому она с маниакальным упорством покупала сигареты с надписью «Курение убивает!» и насильно заставляла их курить...

Далее Марфа Петровна ненароком намекнула, что мой любимый напиток виски очень хорошо смешивается с красоярским «Боярышником», благодаря которому ушёл в мир иной третий муж Марфы Петровны. А потом пошла в лобовую атаку и заявила, что если я буду обижать её бедную девочку и дальше, то дочурка уже в самое ближайшее время может стать богатой вдовой. В конце нашей беседы она поставила ультиматум: «Фима, или лечись от жадности, или нам придётся жить порознь! Причём в параллельных мирах!»

Я вынужден был решиться на принудительное лечение, однако ваше средство, на которое возлагал большие надежды, оказалось некачественным.

Во-первых, оно сильно смахивает на обычный самогон, и пить его без хорошей закуски невозможно.

Во-вторых, лекарство повлияло на секретаршу Людочку и совершенно не подействовало на меня. Людочка махнула две рюмки и немедленно отправила всю свою зарплату на лечение трёхлетнего Васи, которому

уже шестой год вся Россия не может насобирать денег на лекарство... Я же выпил два гранёных стакана и лишь ещё сильнее возненавидел дольщиков и жену с тещей за их попытки отнять у меня непосильным трудом нажитое богатство.

В-третьих, лишь с помощью сильного микроскопа удалось прочесть приписку внизу этикетки: «Средство от жадности помогает только при наличии у пациента совести». Вообще-то писать мелким шрифтом – это мошенничество! Явный расчёт на то, что люди не таскают в карманах микроскопы...

Учитывая всё вышеизложенное, прошу вас прислать новую, качественную порцию вашего средства и объяснить, где и как можно купить эту самую совесть... Желательно две по цене одной...

Очень прошу вас максимально ускорить поставку. Иначе дольщики успеют собрать требуемую сумму для наёмного убийцы. Да и Марфа Петровна подозрительно притихла... Похоже, что варит на кухне какое-то зелье!..

Надеюсь, вы поймёте меня и поторопитесь: уходить в параллельный мир в столь молодом возрасте у меня нет никакого желания!

С глубокой верой в вашу порядочность и оперативность, Ефим Хапугин».

Вальдшнеп необыкновенный

(Юмористический рассказ)

*Лучше бы охотники,
истребившие в России уже
почти всю водоплавающую
дичь, охотились так, а не
с ружьями...*

Охота – это не просто увлечение, а один из излюбленных способов мужика отдохнуть от жены, детей и тещи.

Илюша и Паша в субботу «поохотились» славно. Семья у Ильи уехала в деревню, потому охота происходила у него в квартире. Чтобы меньше пьянеть, пили, как советуют медики, по нарастающему градусу. Сначала пиво и вино, потом водку и виски... В конце охоты семидесятиградусный самогон. Когда пришла пора возвращаться в родные пенаты, Паша лыка уже не вязал, но всё же всполошился:

– Как же я приду к жене без дичи? Ни за что не поверит, что был на охоте! Опять подозревать станет и искать на одежде следы от губной помады...

Илья, которому до чёртиков надоел живущий у него попугай, моментально нашёл выход:

– Бери в качестве трофея моего попугая. Всё время за мной шпионит и рассказывает жене, где у меня заначка!..

И, обращаясь к попугаю, злорадно добавил:

– Пришла пора, злодей, расплатиться за предательство!..

Паша хоть и сильно пьяный был, но возразил:

– Как же я выдам его за дичь?! У него же расцветка тропическая!..

Илья его успокоил:

– Ничего, шею ему свернёшь, перья повыдергаешь, и вполне за нашу птицу сойдёт... Жене скажешь, что это «вальдшнеп необыкновенный»! Не отличит! Она у тебя бухгалтер, а не орнитолог...

В воскресенье утром Паша проснулся с великим трудом и с жестокими мучениями. Жена стояла рядом, уперев руки в бока. Верный признак надвигающейся грозы:

– Ну и где ты, Пашенька, вчера был?

Паша помнил, что должен был отвечать, но абсолютно забыл момент возвращения в родную семью:

– Как где?.. Я же говорил тебе, ездил с друзьями на охоту!

– И как успехи?

– Да не очень. Дичи совсем мало стало. Подстрелил одного только...

На этом месте Паша вдруг замолчал. Он напрочь забыл, как Илья велел назвать попугая...

Жена грозно сдвинула брови:

– Паша, не ври мне! Это не трофей!.. Ты вчера пытался ощипать живого попугая!

В этот самый момент Пашу вдруг озарило... Он вспомнил напутствие друга:

– Какой попугай, милая? Это «вальдшнеп необыкновенный»! А живой он был, потому что я его только ранил... Пока я ему голову не свернул!

Супруга покачала головой, а потом безнадежно махнула рукой:

– Эх, муженёк! Совсем ты заврался... Вон твой «вальдшнеп» в клетке сидит живой и невредимый.

Паша с трудом встал и, шаркая ногами, подошёл к клетке. Увидев Пашу, изрядно пощипанный попугай заволновался, захлопал крыльями и голосом жены вдруг громко закричал:

– Паша, не смей!.. Ты делаешь ошибку! Это попугай, а не утка... не утка!..

«Охотник» остолбенел. «Дичь» не просто ожила, она ещё и заговорила! В отравленном алкоголем мозгу Паши возникла устойчивая мысль: «Илья был прав. Действительно – тварь продажная! Надо будет подарить этого попугая начальнику, у того послезавтра день рождения!»

Сергей ЦЕЛЫХ

Басни

Бараны

На сладких пойменных лугах
Паслись бараны, на рогах
У них и тучи повисали,
Когда они, резвясь, скакали.

Столь были сказочно огромны
И по лугам текли, как волны.
А пастушок их вел туда,
Где корм и чистая вода.

Так и паслись, тревог не зная.
И вдруг... напала волчья стая,
И кровь овечки молодой
На землю хлынула струей.

Увидев кровь, бараны махом
Забежали по лугу в страхе.
Лишь пастушок не растерялся
И стойким в схватке оказался.

Он им кричал: «Вставайте рядом,
Начнём крушить поганных гадов,
Пускай узнает волчья сыть,
Как неприятно жертвой быть.

Не забывайте одного,
Их горстка малая всего.
И если встать плечом к соседу,
В бою одержим мы победу».

Взывал напрасно пастушок,
Был у баранов страшный шок.
Разумных слов не понимали
И в страхе трепетном бежали.

И лишь уйдя от волчьей стаи,
Потери с болью посчитали
И увидали – плохо дело.
Отара резко похудела.

* * *

Мораль? Какая тут мораль?
На сердце лишь одна печаль.
Морали в прошлом все остались.
Хочу лишь, чтоб вы догадались,
Собрав мозгов своих осколки,
Вы кто – бараны или волки?
И знайте, в роли пастушка,
Увы, не вижу вас пока.

Лев и шакалы

Раз лев удачно потрудился.
Мясцом по случаю разжился.
Но лишь собрался пообедать,
Как навалились сразу беды.

Шакалов стая налетела.
Так агрессивно, быстро, смело,
Что лев (хоть чёрт ему не брат)
Слегка попятился назад.

Ну а потом... достали гады,
Решил уйти, на них не глядя,
И хоть манила требуха,
Ушёл подальше от греха.

А меж шакалов бой начался –
Из них ведь каждый собирался
Кусок побольше получить,
Чтобы утробищу набить.

Но мал кусок. И вот в азарте,
Поставив жизнь свою на карту,
Шакалы за кусок мяса
Кусают брата и отца.

Мораль, конечно, всем понятна.
Но повторю ещё раз внятно.
Всё то, что в дикой есть природе,
У нас сегодня происходит.

Когда мы с вами поглупели –
Иуды стаяй налетели,
А вот теперь пора настала –
Грызутся хуже тех шакалов.

Гиганты

В порыве бурной, яркой страсти
Два буйвола прекрасной масти
Делить подругу собрались
И в схватке яростной сошлись.

Но жив ещё гигант недвижимый,
И сердце бьётся еле слышно,
Но он лишь ухом шевельнул,
Ворон как будто ветер сдул.

Вот так, друзья, три дня, три ночи
Среди цветов на травке сочной
Тот бой упорно протекал,
Пока один вдруг не упал.

Вот и сейчас Союз Советский
Недвижен и растерзан зверски.
Ну а вокруг расселись вору
Предателей поганых свора.

И вот печальная картина:
Лежит гигант, ему на спину
Вороны чёрной тучей сели,
На мертвечинку налетели.

И пусть хоронит нас молва,
Но Родина моя жива.
Ей стоит только шевельнуться –
Иуды сразу разбегутся.

Лошак

Кобылка глупая одна
 кровей прекрасных, благородных
Связалась где-то с ишаком
 безнравственным и беспородным.
И родился у них лошак,
 отцом и матерью любимый
Средь ишаков – герой, вожак,
 среди остальных – не очень чтимый.

И чтоб поднять авторитет,
 твердил он всюду всем на свете,
Что благородней его нет,
 что всем видны приметы эти.
Но чем сильнее он кричал,
 отстаивая благородство,
Тем больше лезло из него
 его ослиное уродство.

Мораль? Оставлю без морали,
Но не завидую той паре.
Имея вот таких сынов —
Не надо никаких врагов.

Роберт ЯГАФАРОВ

Клещ

Колю Фортунатова укусил клещ. Укусил себе и укусил. Коля сперва и не заметил. Просто шея как-то странно чесалась, будто воротник натёр. А потом глянул у зеркала – клещ!

В больнице клеща выкрутили специальным пинцетом, положили в колбу и велели ждать.

– Чего ждать-то? – поинтересовался Фортунатов у пожилой докторши.
– Вытащили же...

– Счастья, мой хороший, – устало вздохнула та, – если повезёт...

– Это как? – забеспокоился Коля.

– А вот так, мой хороший, – пояснила докторша. – Может, пронесёт, а может, и борреллиоз развиться либо, не дай бог, энцефалит. Уже два смертных случая в этом году было...

Коля только и моргнул в ответ. Слова все были незнакомые и, как всё незнакомое, пугали.

«Навыдумывают же болячек, – недовольно подумал он, – тоже мне, лекари-пекари».

Врачей Коля не любил. Натерпелся от них, когда лечили. Да он вообще не любил всех людей в белых халатах – ни врачей, ни поваров, ни учёных. Ему почему-то казалось, что за белыми одеяниями скрыты некие чёрные намерения.

Между тем докторша безжалостно вкатила ему в плечо укол и выписала на бланке что-то неразборчивое:

– Если температура резко прыгнет или сильная головная боль появится, то скорую с этой бумажкой вызовешь...

Домой Коля пришёл уже основательно встревоженный. Сходу залез в изрядно потрёпанный медицинский справочник, доставшийся ему от тётки, чей первый муж когда-то работал сторожем в городской библиотеке. Справочник чудом уцелел от посягательств её второго мужа, человека уже литературно малообразованного и не понимающего ценности печатного текста и, как следствие, часто пользовавшегося книги нецелевым образом.

К счастью, раздел про клещей был на месте. Внимательно его изучив, Коля приуныл ещё больше. Врачиха не врала, других вариантов и вправду не было.

Фортунатову стало себя жалко. Только жить снова начал, с обидой подумал он, и нате вам...

Он прилёг на диван, закрыл глаза и, прислушиваясь к себе, стал ждать проявления всех тех симптомов, о которых только что прочёл.

Прошло минут десять, ничего не происходило. Лишь левая нога зачесалась, но про это в справочнике ничего сказано не было. Он закрыл глаза, решив подождать ещё немного.

В квартире стояла тишина, томительная и очень неприятная, словно с привкусом какой-то ржавчины.

Фортунатов не выдержал и встал. Потом подошёл к окну, открыл одну из створок и посмотрел вниз. Двор был пуст и тих, лишь откуда-то изда- лека доносился зовущий тонкий голосок: ма-ма, ма-ма!

Он оглядел свою комнату, где застоялся запах табака, пыльное зер- кало на стене, стол с грязной посудой, старый пожелтевший телефон на табуретке.

А ведь так и вправду помру, подумалось вдруг ему, а никто добрым словом и не вспомнит.

Отчего-то эта мысль его испугала, и он, подойдя к телефону, снял трубку.

– Алло, Серёга, – набрал он товарища, с кем иногда вместе ездили на рыбалку, – тебе катушку мою «шимановскую» надо?

– Да не собираюсь пока, – зевнул в ответ Серёга, – жара же, щука всё равно спит...

– Не, вообще... надо? Забирай, – Фортунатов слегка помедлил и не- брежно добавил, – бесплатно...

Телефон затих. Очевидно, Серёга осмысливал услышанное.

– Бухаешь опять, что ли? – осторожно предположил он. – Ты ж вроде подвязывал...

Коля обиделся и положил трубку, передумав звонить кому-то ещё из друзей.

Потом постоял пару минут и снова снял, набрав номер бывшей жены.

– Фортунатов? – сразу спросила та. Каким-то образом она всегда уга- дывала, что звонит именно он. – Ну, чего хотел-то?

Она вздохнула и замолчала, приготовившись к ритуальной перебранке.

Коля хотел рассказать про клеща, но в горле от жалости к себе запер- шило.

– Там на даче яблоки уже... – прокашлялся он, – скажи своему, пусть заедет, соберёт.

Дача была материна, при разводе досталась ему, но Коля бывал там редко, ездил только траву постричь, да и то, когда звонили соседи по участку, ругались. Бывшая же дачу любила, а теперь, когда они с новым мужем взяли машину, съездить туда никогда не отказывалась.

– Спасибо... – смягчилась она, – ты как... устроился куда?

– Устроился...

– Вот и молодец, – похвалила она, – вот и работай себе... и пей в меру... и живи как все люди...

Почему-то Колю это задело.

– Сами-то жить умеете? – не выдержал он. – Кредитов понабрали, как собаки блох, и строите из себя!

Он не стал продолжать разговор и бросил трубку. Звонить кому-то ещё окончательно расхотелось. Фортунатов на секунду представил лицо супру- ги, когда ей сообщат обстоятельства его смерти, и мстительно усмехнулся.

Потом присел на диван и машинально включил телевизор. Показыва- ли биатлон где-то в горах. Спортсмены в ярких костюмах бежали напере- гонки, падали, стреляли, поднимались и снова устремлялись вперёд...

«Всё, как в жизни, – подумал Коля, – кто-то сразу попадает в цель и бежит себе дальше. А кому-то приходится штрафные круги отмотать, чтоб потом догонять остальных. Только вот жизнь у всех одна, беготнёй не добрать».

Он вздохнул, щёлкнул пультом и прошёл на кухню, где без аппетита поужинал хлебом с рыбными консервами. Закончив с едой, посидел ещё немного просто так, потом снова вздохнул и решил выйти проветриться.

Внизу было прохладно и пахло липами. На скамейке у подъезда сидел дворовый бездельник Генка Ходырев и в состоянии пьяной креативности сосредоточенно плющил ногой пустую пивную банку.

– Колян! – обрадовался он Фортунатову. – А чего смурной такой? Это потому что не употребляешь больше... Займи полтаху-а?

– Клещ укусил, – кратко пояснил Коля и, чуть поколебавшись, выдал Генке полтинник, – на, можешь не отдавать...

Генка, не ожидавший такой щедрости, резво спрыгнул со скамейки, схватил деньги и так бойко зашагал за угол, что Фортунатов только вздохнул – этот точно всех переживёт...

Теперь двор был совсем пуст, только у клумбы с яркими лохматыми цветами в халате и с лейкой в руке лениво прохаживалась Надька Белякова, его бывшая одноклассница и всегдашняя соседка сверху.

«Вот же, – подумалось ему, – ходит себе, коза ногастая, а тоже жить останется».

Ему вдруг захотелось сказать ей что-нибудь очень неприятное. Что больно худая да длинная или что нос как выключатель, или...

– Слышь, Надежда, – окликнул он, – подойди на минутку...

– Чего тебе? – насторожилась та, но, поколебавшись, подошла поближе.

Фортунатов собрался с мыслями, выискивая слова пообиднее, и вдруг вспомнил, что в школе, в начальных классах, они с Надькой хорошо дружили и однажды даже поцеловались за гаражами. Память услужливо высветила и то лето, и что тогда так же вкусно пахло липами, и что на гараже розовым мелом было написано «Белякова – ведьма».

Он посмотрел в угол двора, где на месте гаражей давно уже была парковка для машин, потом снова на Надьку и неожиданно для себя сказал:

– Я, Надь, умру скоро, может, завтра уже...

– Тьфу, дурак или родом так? – нахмурилась Надька. – Кто ж так шутит-то?

– Да, серьёзно я, – продолжил Коля, чувствуя, как на глаза помимо воли наворачиваются слёзы, – клещ меня в лесу цапнул. В шею.

Надька ойкнула и поставила лейку на землю.

– Это как же, Коль? Так ты давай, в больницу беги скорее!

– Был уже, – махнул он рукой, – жду, вот, теперь, когда температура поднимется. Тогда точно хана.

Надька придвинулась ещё ближе и дотронулась ладонью до его лба.

Рука у неё была влажной, мягкой и приятно пахла свежей травой. Фортунатов невольно зажмурился и даже замер, пытаясь продлить это уютное ощущение.

– Вроде нету... – Надька убрала руку, немного подумала и убеждённо заговорила:

– В церковь тебе надо, Коля, во всех своих грехах покаяться, прощение попросить. И стараться больше не грешить. И...

– Пойду я, Надь, – вздохнул он, – поздно мне отмаливаться-то.

Он почти уже дошёл до своей двери, когда снизу, из тиши подъезда, донеслось чуть слышное «подожди»...

Надька потянулась из-под одеяла, включила торшер, снова положила ему на лоб руку и слегка улыбнулась:

– Что-то не похож ты на больного... наврал, поди, про клеща-то?

Коля молчал и, словно впервые, с интересом смотрел на Надьку, отмечая мягкий овал её лица, розовые полные губы, гладкие русые волосы и, не найдя что сказать, лишь мотнул головой.

– Чего молчишь-то?

– Ты на даму червей смахиваешь, – сказал Коля, – красивая...

– Да ну тебя, – Надька быстро соскочила с кровати и, завернувшись в халат, пошла на кухню.

– Чай-то хоть есть у тебя, кавалер?

– На кухне, в буфете...

Фортунов встал и, замотавшись в одеяло, подошёл к окну. Прикурив сигарету, затянулся, медленно выдохнул дым наружу в прохладную пустоту двора, потом недоверчиво покачал головой и вдруг улыбнулся.

Кубышки

– Наконец-то я поняла, кем хочу стать, – неожиданно сказала за ужином Катя.

Зябликовы дружно перестали есть и посмотрели в её сторону.

Последней дочкиной идеей была покупка укулеле и запись собственных песен, с помощью которых она обещала завоевать мир и сделать его ярче.

Потом родители переглянулись, и Зябликова осторожно поинтересовалась:

– Ты ж вроде хотела музыкантом, Катюш?

Катя покачала головой со свежими ярко-синими прядками:

– Я месяц пыталась написать суперхит, пока не поняла, что всё уже написано. Этот подлый Бах давно всё за всех сочинил. К тому же мне жалко Ньюру.

Их такса Ньюра и в самом деле покупку укулеле не приветствовала. При первых же дочкиных аккордах она заползала под диван, зловеще и жутко оттуда взлаивая.

– Я уже записалась на курсы, – Катя посмотрела на родителей и прищурилась, – и хочу стать тату-мастером.

Зябликовы снова переглянулись.

Дочка на секунду задумалась и добавила:

– Думаю, я смогу сделать этот ваш серый мир ярче.

– А сколько это стоит? – вздохнув, поинтересовался Зябликов.

– Деньги не нужны, я смогу оплатить курсы, продав свою укулеле. Мне вообще сейчас от вас нужна только одна вещь.

– Какая, дочуля? – робко спросила Зябликова.

– Кожа, – кротко ответила дочка.

Несмотря на лапидарный характер высказывания, Зябликовы отчётливо почувствовали некую исходившую от него угрозу.

– В наборе на курсах есть свиная кожа для тренировок, – пояснила Катя, – но это всё не то. Нужны живые люди – добровольцы.

Глава семьи отказался сразу. И никакие уговоры жены про помощь кровиночке на него не действовали.

– Я вам не папуас! – заявил Зябликов категорически. – И не вор-рецидивист! А человек с двумя высшими! Совсем уже укулеле!

Зябликова держалась несколько дольше.

Полчаса.

Спустя полчаса она сдалась, пообещав дочке что-нибудь придумать.

Впрочем, придумала она быстро.

– А ты позвони Витьке, – попросила она мужа, – может, ему надо, он же какой-то у вас уголовник.

Его одноклассник Витька Лапин ещё по молодости умудрился отсидеть полгода за какую-то мелочёвку, но слыл с той поры бывалым авторитетом.

– Это ты, Зяблик, – поднял он трубку, – чё хотел?

– Да просто звоню, – Зябликов притворно зевнул, – а вот ты скажи, Витёк, ты ж вроде срок мотал, а ни одного партака. Если хочешь, я с дочкой поговорю, она как раз на курсы ходит, может, тебе бесплатно чего набьёт.

Витька ответил не сразу, как-то замявшись.

– Понимаешь, я щас в одной нефтянке в охрану устраиваюсь, а у них там с тутурками строго. Кабы не это, я б весь в масть закатался, ты же меня знаешь...

Перед сном, когда Зябликовы уже лежали в кровати, супруга неуверенно сказала:

– Может, тогда мне лилию, на плечо, вот сюда...

– Как у Миледи? – хохотнул Зябликов. – А оригинальней ничего не придумала?

– Просто я люблю лилии...

– А почему именно лилии, графиня?

– Потому что потому. Ничего ты не помнишь, – она отвернулась к стене и обиженно повторила, – ничего ты не помнишь...

Зябликов вспомнил на следующий день.

Так как это иногда бывает, вспомнил неожиданно и очень ярко. Сколько лет прошло, двадцать, двадцать пять с их летней геодезической практики на Урале? Память мгновенно вернула те жаркие солнечные дни и звёздные вечера у костра с Цоем и Летовым под гитару. И купленное в местном ларьке пойло «Три бочки», от которого наутро все умирали на маршрутах вдоль здешних рек – мелкой извилистой Шатки и мутной Пышмы с илистыми берегами и белыми водяными цветами в заводях, которые он нарвал подбившей его на ночное купание девчужке из соседней группы. И их первые несмелые и торопливые поцелуи в палатке, пахнущие горной клубникой, которую они собирали в темноте, смеясь и подсвечивая себе фонариком.

Вечером, уже возвращаясь с работы, он сделал крюк и заехал во «Флору».

– Вот тебе лилии, – зайдя домой, протянул он супруге букет белоснежных цветов, завернутых в голубую бумагу с атласной лентой, – а те, что

я тебе тогда рвал, были кувшинки, даже кубышки по-научному, мне в магазине объяснили.

В этот момент из своей комнаты вышла Катя:

– Ого, какие красивые, а что за праздник?

– Наш семейный праздник, день... кувшинок, – озорно рассмеялась Зябликова и как-то по-молодому взглянула на улыбающегося супруга.

– Что это с вами сегодня? – подняла брови Катя. – Хотя ладно, я про другое... В общем, расслабьтесь, для тату вы мне больше не нужны.

– Почему, доча? – в голос выдохнули родители.

– Я поняла, что все вокруг уже исколоты дурацкими надписями и рисунками, ничего нового не придумать. И вообще, татуировка окончательно превратилась в маркер социальной второсортности.

– Иными словами... – недоверчиво начал Зябликов.

– Иными словами, я передумала быть тату-мастером.

– А кем-нибудь другим уже надумала? – нерешительно осведомилась Зябликова.

– Кажется, да... – Катя чуть помедлила. – Я хочу стать блогером-зоопсихологом, таких вроде ещё нет.

Зябликовы разом повернулись и посмотрели на лежавшую у дверей Нюру.

Нюра вскочила с коврика и на всякий случай приветливо помахала хвостом.

ПУБЛИЦИСТИКА

Юрий ПОЛЯКОВ

Либерализм поддерживается государством

Леонид Иванов: Юрий Михайлович, у Вас порядка четырех десятков известных произведений, полтора десятка фильмов и столько же спектаклей. Разделяете ли вы мнение некоторых литературоведов, что в последние десятилетия наша русская литература находится в упадке.

Юрий Поляков: Я это мнение разделяю. И вот почему. Дело в том, что к этому упадку нашу сегодняшнюю литературу все эти десятилетия упорно вели. То есть работа с молодыми авторами, порядок присуждения литературных премий, он был выстроен по принципу отрицательного отбора. Когда всё меньшее значение имел художественный уровень текста, ну, как раньше говорили, его идейно-эстетический уровень, работа со словом, позиция автора и так далее. Я эту тенденцию описал ещё в 1995 году в романе «Козлёнок в молоке», когда герой получает всемирную литературную премию за папку с чистыми листами. В принципе, в этом направлении мы, к сожалению, двинулись.

Из жизни уходят действительно мастера, которые умели работать со словом, которые действительно создавали такие тексты, которые были интересны всей стране, а те, кто им приходит на смену, они, к сожалению, даже не освоили профессию. То есть я хочу сказать, что нынешний лауреатский текст, получивший большую книгу «Ясную поляну», по своему чисто профессиональному уровню ниже, чем средний текст советской литературы. И если будет так идти в этом же направлении дальше, то мы просто придем к серьезному кризису в отечественной литературе.

Победители конкурсов всё чаще и чаще просто назначаются как среди либеральной литературы, так и почвеннической. Просто, грубо говоря, идёт раскрутка имен авторов, которые потом из года в год назначаются победителями конкурсов. Когда сейчас начинают рассказывать о том, как страдал от советской власти художник Малевич, забывают сказать, что практически до конца 20-х годов он был, так сказать, государственным художником. И только потом, уже где-то к началу 30-х, мы спохватились и поняли, что с помощью черного квадрата народ к грядущей войне не подготовишь. Надо вспоминать про трех богатырей.

У нас до сих пор либеральное экспериментальное направление монопольное, поддерживается государством, основные средства вкладываются в него, основные премиальные фонды контролируются им, да и журналы тоже преимущественно им. И выход на телевидение имеют в основном либералы.

«Литературная газета», когда я еще там работал, очень жестко критиковала «Роспечать» именно за эту её деятельность.

Леонид Иванов: Руководитель «Роспечати» Михаил Сеславинский после вашей критики, помнится, ничуть не пострадал.

Юрий Поляков: Трудно пострадать, когда ты выполняешь распоряжение вышестоящих товарищей. Если бы он эту политику вел на свой

страх и риск, тогда другое дело. Он начинал свою политическую карьеру в команде Немцова, он же нижегородец. Из Нижнего Новгорода и один из ведущих сегодня патриотов Захар Прилепин. Скажем так, ставший сравнительно недавно патриотом, потому что я его еще хорошо помню баловнем и любимцем либеральной литературной группировки, собирателем всех даров и премий именно этого направления.

Леонид Иванов: Юрий Михайлович, Вы в свое время были в кадровом резерве на должность министра культуры. Если бы назначили, смогли бы что-то изменить? Или министр – это человек, который сам ничего не решает?

Юрий Поляков: Министр, конечно, решает, но при существующей общегосударственной установке изменить что-то очень трудно. У нас же были министрами люди абсолютно патриотического государственного направления, и Егоров Владимир Константинович, и Соколов Александр Сергеевич, но что они смогли сделать? Должно измениться отношение государства к культуре. Оно должно признать культуру своим союзником именно в укреплении и развитии государства, а не балаганщикам, которые иллюстрируют свободу слова и творчества в стране. Пока это так, до сих пор.

Министрами у нас были деятели культуры, искусства, не просто чиновники откуда-то из аппарата, в своё время ЦК, или администрации президента? Но положение-то не менялось в лучшую сторону, потому что государственная политика есть государственная политика.

Леонид Иванов: Юрий Михайлович, Вы же не рядовой писатель, как мы в провинции, к Вам, наверное, не могут не прислушиваться. Вы в 2012 году вошли в список доверенных лиц президента Владимира Путина на выборах. Потом на следующих Вы снова были доверенным лицом Владимира Владимировича. То есть Вы – персона, приближенная к главному лицу государства. Удавалось где-то высказать свои мнения или нет?

Юрий Поляков: Удавалось. И даже по моим каким-то идеям какие-то принимались решения. Ну, например, я выступил один раз на президентском совете по культуре и сказал о том, что нет нормативного государственного издательства. Президент дал распоряжение. Таким стало издательство художественной литературы, в то время пребывавшее в совершенно жалком состоянии. И вроде как какие-то средства выделили, но тут же всё решает кадровый вопрос. Назначили такого директора, который превратил это государственное нормативное издательство в лавочку по добыче жалких средств. И в итоге нет ни издательства, ни издания. Ничего. Поэтому мало предложить – надо, чтобы на это работало среднее звено, чтобы это совпадало с политикой, общей политикой.

Я хочу сказать, что понятие писателя, приближенного к власти, оно очень лукавое. Я три раза был доверенным лицом Путина на президентских выборах. Я был членом президентского совета, представителем общественного совета Министерства культуры. Но когда решили удалять из МХАТа имени Горького Доронино, я пытался этому противодействовать. Мне прямо сказали, что если ты хочешь, чтобы твои пьесы остались в репертуаре после ухода Дорониной, то не надо ее защищать в информационном пространстве. Я не послушался. И что? Все четыре мои пьесы, одну из которых поставил еще Говорухин, что шли десятилетиями на аншла-

гах, безжалостно сняли из репертуара и даже сожгли декорации, чтобы их нельзя было восстановить. И это, кстати говоря, происходит, когда президент подписывает Указ об укреплении традиционных ценностей.

Леонид Иванов: Я не раз задавал своим собеседникам вопрос, нужен ли государственный заказ на ту литературу, которая должна быть востребована обществом, которая государством должна распространяться и нести государственную идеологию?

Юрий Поляков: Такой заказ, конечно, нужен. И особенно в отношении детской, юношеской, просветительской литературы. Это безусловно! Другое дело, что это же надо всё проводить, как это в общем-то и делалось при советской власти, через творческие союзы. Для этого надо творческим союзам вернуть их роль, особенно Союзу писателей, который пострадал сильнее всего, потому что он был самый идеологический, а с государственной идеологией 30 лет боролись.

Если бы государство с патриотизмом почти 30 лет не воевало, сейчас бы не было проблемы воспитания патриотизма. Достаточно посмотреть, кто руководит нашими театрами, кто руководит премиальными фондами. Это люди, в основном, с двойным гражданством.

Леонид Иванов: А лично Вы видите изменения в работе Союза писателей России?

Юрий Поляков: Николай Иванов – человек энергичный, деятельный, много ездит по стране с целью консолидации усилий писателей страны на решение стоящих перед нами задач. Но опять же всё упирается в деньги. Их приходится добывать даже для выпуска книжек для бойцов СВО, и я знаю, с каким трудом это даётся. Для того, чтобы Союз начал активно решать все вопросы, надо, чтобы государство к нему стало всерьёз относиться. А оно до сих пор к нему относится с опаской. Что касается созданной под руководством Сергея Шаргунова ассоциации писателей и издателей, то это, на мой взгляд, вообще мертворожденная структура. Получилось так, что большинство учредителей АСПИР, кроме Книжного союза и Союза писателей России, это организации либеральные, поэтому не удивительно, что за два года СВО АСПИР еще ни разу не высказалась по поводу этого события. Никак. Ни хорошо, ни плохо. О чем после этого говорить? Так что если государство создавало и насыщало деньгами ассоциацию эту себе в помощь, то помощник оказался весьма странный.

Леонид Иванов: Юрий Михайлович, начались разговоры о том, чтобы вернуться к единому союзу писательскому? Насколько реальна эта идея?

Юрий Поляков: С этой идеей я выступал в середине 90-х. Думаю, что ассоциация писателей и издателей задумывалась как шаг к такому единому союзу. Когда в Советском Союзе создавался Союз писателей, в него вошли люди, представляющие цвет литературы. Там случайные люди если и были, то единицы. А теперь как создавать этот союз писателей-профессионалов? Нужно провести, так сказать, полный переучёт и полную переаттестацию писателей. Потому что за эти 30 лет мы напринимали такое количество людей, которые просто не владеют азами литературной профессии, которые издавали книжку на свои деньги и потом вступали в Союз. А зачем принимали? Увеличить количество своих адептов, своих членов на местах. В результате формально членами Союза писателей является огромное количество людей, которые к литературе, к серьезным профессионалам не имеют никакого отношения. Кстати, из-за этого же

тормозится проблема признания за творческими союзами каких-то социальных прав и льгот, как это было при советской власти. Я представляю, сколько проклятий повалится на человека, который скажет: «Дорогие друзья, давайте проведем переаттестацию членов Союза писателей, выясним, кто писатель, кто нет». Мне трудно себе представить, как это может быть. Я считаю, что должен быть просто создан, так сказать, абсолютно новый союз, который так можно назвать, новый союз писателей НСП с небольшим числом учредителей из числа писателей с безусловным именем, с безусловным авторитетом. И уже они будут принимать с такой же требовательностью, как принимали в Союз писателей СССР. И вот из этого НСП может со временем вырасти действительно профессиональный, серьезный Союз писателей, который будет заслуживать того, чтобы иметь серьезную финансовую поддержку, какие-то льготы и так далее.

Леонид Иванов: Юрий Михайлович, Вы не раз, и сегодня тоже, говорили, что Союз писателей СССР был очень мощной и авторитетной организацией. Какие, на Ваш взгляд, основные причины утраты этого авторитета?

Юрий Поляков: Главная и первая причина – это то, что литература перестала быть частью государственного дела. Влиятельность была прежде всего связана с тем, что Союз писателей выполнял очень важные функции, и как творческая общественная организация, и как своего рода Министерство литературы. Отчасти это было, и ничего плохого я в этом не вижу.

Вторая причина связана с тем, что именно Союз писателей занял четко патриотическую позицию, поэтому оказался в изгоях, ибо патриотическая позиция была, так сказать, нетерпима. Тогда процветали космополитизм, прозападничество, антипатриотизм. И писатели оказались маргиналами и по отношению государства к ним, и по финансовой поддержке. Эту ситуацию можно было поломать с приходом Путина, но, к сожалению, тогда Союз писателей возглавлял Валерий Ганичев, у которого не было ни писательского авторитета, ни, грубо говоря, желания этот союз возродить. Хотя, казалось бы, при советской власти, надо отдать должное, он был очень патриотический, занимал высокие посты. И когда его, слабого писателя, выбирали, как раз и рассчитывали, что придет человек, который возродит Союз писателей. Но пришел автор одной книги про Адмирала Ушакова, изданием которой он благополучно занимался все годы пребывания. Я, может быть, утрирую, но, по сути, это так и было. Я это говорю после его ухода из жизни абсолютно спокойно, потому что я все то же самое говорил и при его жизни. И в глаза ему говорил, и писал, из-за чего у нас были очень прохладные отношения. Очень многое зависит еще от окружения, потому что там был круг людей, которые были приближены, они решали какие-то свои мелкие вопросы, поэтому для них любое изменение лидера – это катастрофа. Главное заключалось в том, что государству не нужен был Союз писателей с государственно-патриотической позицией.

КРАЕВЕДЕНИЕ

Андрей ДРОБИНИН

Пелагия и Иринарх, или Монашкин остров

*В фиалковом взгляде монашки – печаль.
Монашка, монашка, чего тебе жаль?
Жалеешь, что жизнь изменила свою,
Оставила родину, дом и семью?..
Кари Вестова. «Монашка»*

*Эти встречи несерьёзны
Были среди дня.
Были Вы религиозны,
Мучили меня...
Георгий Руцинский «Монахиня»*

• Иринарх: миссия невыполнима?

– Что вам известно об обдорских монахинях?

С этим вопросом я обращался ко многим салехардцам. Но большинство, в том числе родившиеся в Салехарде, лишь удивленно качали головой: «Монашки? На Ямале? Разве здесь был монастырь?»

Нет, никакого монастыря в Обдорске, а тем более в Салехарде, никогда не было.

А вот монахини имелись. И была громкая (ныне – почти забытая), где-то даже драматическая история, связанная с одной из них. Впрочем, историки и краеведы знают о тех событиях, вскользь упоминая о них в своих книгах.

Причиной такого, не то чтобы умолчания, но нежелания предавать историю широкой огласке является личность непосредственного участника и некоторым образом виновника тех событий – отца Иринарха, Ивана Семеновича Шемановского, архимандрита Русской православной церкви, миссионера, русского историка, этнографа, основателя первого музея на Ямале, ныне носящего его имя. Именно эти события, к сожалению, стали поводом к тому, что изнемогший морально отец Иринарх навсегда покинул Обдорск, проклиная его и одновременно душой болея о нём и скорбя о незаконченных делах.

События оказались настолько яркими, что легли в основу одной из последних книг известного тюменского писателя Константина Лагунова¹. К ней мы еще вернёмся. Отмечу лишь, что версия событий, предложенная писателем, вполне правдоподобна, но слабо подкреплена документально. Хотя слухи о такой романтической подоплёке событий в начале двадцатого века действительно активно разносились по Обдорску.

Это произошло более столетия назад. Свидетелей тому почти не осталось, а те, что и сегодня в XXI веке присутствуют в Салехарде, увы, молчаливы и безгласны. О первом из них знают все местные жители – это храм в честь Первоверховных апостолов Петра и Павла, освященный в Обдорске

¹ К. Лагунов. «Иринарх», Северо-Сибирское региональное книжное изд-во «Северный дом», 1993

4 сентября 1894 года. А вот о втором мало кто слышал и ещё меньше видели. А между тем он рядом.

Если смотреть на Полу́й прямо от лодочной станции, то взгляд упрётся в большой зеленый платок с разлохмаченными краями. Это остров, который носит странное имя – Монашкин. Впрочем, странное оно лишь для нынешних поколений, не знающих его происхождения, а между тем все просто: там когда-то косили сено обдорские монахи́ни, на острове им выделялся покос.

Но вернёмся назад, в Обдорск начала двадцатого века.

Наша история непосредственно связана с деятельностью Обдорской православной миссии. Следует отметить, что Обдорская миссия – едва ли не самое хорошо изученное учреждение Русской православной церкви на севере Западной Сибири, поэтому пересказывать историю миссии не стану. Отмечу лишь, что хозяйство отцу Иринарху досталось беспокойное, непутёвое и запущенное, но молодость не боится трудностей, а о последствиях не задумывается.

Всего двадцать семь лет исполнилось Ивану Шемановскому в тот год, когда он прибыл в Обдорск в марте 1898 года. Высокий, красивый, неженатый батюшка сразу же привлек внимание местных молодых и надолго стал объектом сплетен языкастых обдорских тёток, кои, сойдясь в пары и тройки, немолчно стрекотали, одаривая друг друга новостями, обгладывая, перебирая и перемывая косточки друзьям, родичам и знакомым, при этом они поспевали следить за каждым выходящим из церкви: не терпелось еще разок повидать вскружившего им головы Иринарха, поклониться ему, улыбнуться, а выпадет удача – перемолвиться.

Но Ивана Семеновича одолевали совсем другие заботы. Шемановский знал, что еще пять лет назад во время инспекционной поездки по Березовскому краю губернатор Н.М. Богданович¹ обратил внимание на Обдорскую миссию, которая находилась, по его мнению, «в печальном состоянии»². Губернатор посетовал на то, что в миссионерской школе, созданной более тридцати лет назад, не обучалось ни единого коренного жителя. В качестве мер, которые должны были изменить ситуацию, губернатор предложил открыть интернат для инородческих детей, сформировать женскую обитель «из сестер Кондинской общины в количестве двух-трех групп для разъездов по юртам и кочевьям инородцев с проповедью Евангелия и передачи в их руки миссионерской Обдорской школы».

В феврале-марте 1894 г. по этому поводу велась интенсивная переписка между новым березовским благочинным М. Путинцевым и настоятельницей монастыря игуменьей Мировпией. Прямо не отказав, игуменья тем не менее деликатно отклонила просьбу благочинного, написав ему: «Желающие посвятить себя на это апостольское дело имеются... тружениц на это поприще монастырь может дать пятнадцать. Начальницей и руководительницей сестер, имеющих быть посланными в Обдорск, может быть назначена временно монахиня Анна,

¹ Николай Модестович Богданович – русский государственный деятель, действительный статский советник. В 1865 году окончил Санкт-Петербургский университет и поступил на службу в Министерство юстиции. В 1876 году назначен товарищем киевского губернского прокурора; в 1879 году занял должность товарища прокурора Петербургского окружного суда. Будучи тобольским губернатором, лично, практически ежегодно, ездил по уездам губернии для ревизии, выявляя местные проблемы населения, став таким образом одним из самых плодотворных деятелей губернии. Убит в результате террористического акта: 6 мая 1903 года в Ушаковском парке Уфы член Боевой организации эсеров Егор Дулебов застрелил Богдановича за его участие в событиях, именуемых «Златоустовской бойней».

² Из истории Обдорской миссии: Источники / Сост., вступит ст., коммент. В.Я. Темплинга. – Тюмень: Мандр и Ка, 2004.

наместница Кондинской общины как опытная и знакомая с бытом инородцев... Материальных же средств для реализации идеи губернатора монастырь совершенно не имеет».

На этом всё заглохло, всё уперлось в финансы, в тот вопрос, который всегда вызывал бурные дебаты и конфликты в Обдорске: кто будет содержать миссию, школы и приют? Где взять деньги? Так что до появления в Обдорске Шемановского этот воз с места не сдвинулся, а благие намерения остались лишь на бумаге.

Основная проблема состояла в том, что ни школа, ни приют толком не финансировались. Иван Семенович, безрезультатно потыкавшись с прошениями в епархию, намучившись с бесполезными уговорами зажиточных купцов – обдорян, стал вкладывать свои деньги, из своего жалованья. Позже, уже покинув Обдорск, в своих письмах он сетовал: «Я принял миссию, все имущество которой заключалось в развалившейся церкви и неустроенном для жизни миссионерском доме. Я выстроил для Обдорской миссии, не прося у начальства денег, новую церковь стоимостью в 16 000 руб., выкупил в пользу Обдорской Миссионерской общины усадьбу, стоящую 6 400 руб., скупив чуть не пятую часть земли, занимаемой Обдорском, выстроил громадное библиотечное здание около 6 000 руб., организовал библиотеку стоимостью не менее 20 000 руб., музей – в несколько тысяч рублей, семь лет содержал миссионерский инородческий приют для инородческих девочек и мальчиков, потратив на это учреждение около 7 000 руб. из своего жалованья и многое другое. И за все это мне даже спасибо не было сказано. Ну, да бог со всем этим, была бы совесть спокойна...»¹

Детский приют при православной миссии был открыт в Обдорске в феврале 1899 года. С 1900 года он размещался в отдельном специально построенном здании.

Иван Семенович любил детей и относился к своим подопечным с великой нежностью и заботой, очень резко и беспощадно реагировал на случаи плохого обращения с маленькими сиротами. Известен случай, когда, узнав о том, что один из учителей жестко и болезненно наказал мальчика из приюта за какую-то незначительную провинность, разъяренный отец Иринарх пришел к тому в класс и со словами: «Как же ты посмел?!» – размахнувшись, ударил провинившегося учителя в лицо. Уходя, Шемановский предупредил: «Еще раз кого-нибудь пальцем тронешь – убью!»

Мы не всегда просчитываем и предвидим последствия своих решений, даже самых благородных, и не всегда осознаем, что даже добрые дела могут обернуться кошмаром крошечным. Открывая приют, отец Иринарх и помыслить не мог, куда это все вырлится.

К изумлению, а то и к ужасу Шемановского в приют понесли и стали подкидывать совсем уж малых деток – порой грудных, оставляя колыбельки или просто кричащие свертки из оленьих шкур под дверями приюта, а то и прямо под окнами дома самого Ивана Семеновича. Опалевший от детских воплей Иринарх, разом и неожиданно для самого себя превратившийся в многодетного отца, поначалу метался по селу, пытался пристраивать грудничков в семьи обдорян, ибо в приюте за ними было некому ухаживать. Но местным обывателям не нужны были неизвестно чьи, да и порой не совсем здоровые младенцы. Хуже всего было то, что маленькие дети, оказавшись в непривычных приютских условиях, часто болели, стали умирать.

Отчаявшийся отец Иринарх приостановил прием воспитанников в приют и вновь буквально возопил о настоятельной необходимости привлечения женщин

¹ «Е. Боровой «Письма в будущее». <https://proza.ru/2014/10/22/633e1>

для присмотра и ухода за малолетними воспитанниками.¹ К тому времени в миссионерском инородческом пансионе (приюте) проживало двадцать мальчиков – школьников и двенадцать девочек – школьниц, да еще совсем маленькие дошкольники: девочка и шесть мальчиков.

Решение проблемы формирования миссионерской женской общины в Обдорске стало реальным и было принято после поездки Антония (Коржавина)² зимой 1906 года. Епископ, которого Шемановский целенаправленно и детально ознакомил с детским приютом и протащил по погосту среди детских могил, «окончательно убедился в том, что мужчина не может свободно «миссионерствовать» между новокрещенными девицами, вдовами и замужними женщинами успешнее, чем женщина». Инокيني, заявил епископ, «могли бы стать во главе призрения и духовного воспитания инородческих детей Севера», заменяя новокрещенным девочкам матерей, создать все условия для формирования в Обдорске женской монашеской общины, ухаживать за больными, роженицами, учительствовать и многое другое.

Народная истина говорит, что железо надо ковать, пока оно горячо. Отец Иринарх, очевидно, придерживался такого же мнения, тем более ситуация в приюте, видимо, совсем допекла священника. В июне 1906 года, едва дождавшись ледохода, Шемановский отправился за монахинями с целью приглашения инокинь основать в Обдорске женскую монашескую общину. Поехал самолично, не доверив эту важную миссию никому, при этом из средств миссионерского общества «на расходы по вызову и переезду из пределов Европейской России в Обдорск пяти монашествующих сестер и на содержание их в Обдорске» отцу Иринарху было выделено 1 150 рублей.

• Великолепная пятёрка

Иван Семёнович родился в уездном городе Бела³ Седлецкой губернии царства Польского, входившего тогда в состав Российской империи. Родина всегда притягивает, это место силы, причастность к которому всегда хочется сберечь в себе. Наверное, поэтому Шемановский решил пригласить монахинь именно отсюда, со своей малой родины, где находился знаменитый Вировский Спасский первоклассный православный женский монастырь Холмской епархии.

Сегодня это территория Польши, а в то время Холмщина входила в состав России. Вирово, где располагался женский монастырь, было когда-то глухим заброшенным местом на высоком берегу Западного Буга. Здесь на протяжении нескольких столетий господствовал католицизм. Православный монастырь всё изменил: жизнь его обитательниц проходила в неустанном труде, труде не замкнутом, келейном, а в открытой кипучей жизни на людях. Всех объединяло одно чувство, один дух: любовь к Христу и к людям, особенно к «малым сим» – сиротам, бедным, больным и убогим.

Как уж отец Иринарх уговорил монахинь покинуть цветущий край и поехать в неизвестные дебри северо-западной Сибири, какие слова припас, не-

¹ Шемановский И. К вопросу о необходимости скорейшего открытия в Обдорске женской монастырской общины для усиления деятельности Обдорской миссии // Православный благовестник. 1907.

² Архиепископ Антоний (в миру Александр Николаевич Каржавин) – епископ Русской православной церкви. Будучи епископом Тобольским, он первый из архиереев разоблачил перед высшей церковной властью Григория Распутина, за что вскоре был «с повышением» перемещен в Тверь.

³ Ныне – Бяла-Подляска, город в Польше, входит в Люблинское воеводство.

известно. Вероятно, расписывал, какая здесь жизнь: «Бедная, но величественная природа севера возвышает мысли и помыслы к Богу Великому в делах Своих...» Горячий призыв Иринарха не остался гласом вопиющего в пустыне. На его зов откликнулись пять монахинь, кои и составили ядро Обдорской женской миссионерской общины во главе с монахиней Пелагией. Знали бы они, что их там ждет... Даже трудно представить, как они пережили свою первую зиму.

Целый месяц женщины добирались до нового места, едва успели на последний торговый пароход из Тобольска и в начале сентября 1906 года прибыли в Обдорск.

Это была воистину великолепная пятерка! Рясофорная¹ монахиня Пелагея² Александровна (Иванова), монахиня Ефросинья Герасимовна (Головачек), монахиня Антония, монахиня Агафия (Боцук), послушница³ Екатерина Венедиктовна Никитюк (Протопопова).

Молодые. Самой старшей, Пелагее, всего тридцать четыре года, женщина в самом расцвете, почти ровесница отца Иринарха. Младшей, Екатерине – едва исполнилось семнадцать лет. В этом возрасте легче переносятся бытовые трудности. А сколько их было, особенно поначалу... А слухи? По Обдорску сразу ползла сплетня, мол, Иринарх не иначе гарем себе привез.

Отважные женщины самоотверженно окунулись в деятельную жизнь миссии. Каждая была представлена к своему делу, которому была обучена в монастыре.

Монахиня Ефросинья, несшая до приезда в Обдорск послушание в больницах Вировской обители и привыкшая к уходу за больными, «хорошо напраткованная в составлении лекарств и лечении», стала заведовать больницей, для которой, Иринарх уступил две комнаты в своем доме, оставив себе лишь гостиную и кабинет.

Сестра Агафья Боцук взяла на себя все хозяйство миссии. Кроме того, монахиня Агафья – регентша, живописец и переплетчик книг, организовала церковный хор из школьников-инородцев, стала преподавать пение в миссионерском училище, обучать детей переплетному делу, исподволь подготавливая открытие переплетной мастерской.

Послушнице Екатерине поручили уход и присмотр за инородческими детьми.

К тому же Агафья, Ефросинья и Екатерина оказались опытными певчими с хорошими голосами и музыкальным слухом. Иринарх разрешил им два-три раза в неделю петь в хоре Петропавловского собора.

Кроме того, монахини стали обучать девочек рукоделию: вязать, штопать, вышивать. Теперь своими силами они содержали в порядке одежду всех учащихся и маленьких обитателей приюта.

Позже в своем дневнике Шемановский записал: «С чувством глубокой признательности миссия заносит в свой отчет имена тружениц – рясофорных монахинь Агафьи и Ефросинии, из коих первая, как знающая пение, обучила

¹ Иночество (рясофор) является первой степенью монашества, хотя в некоторых обителях традиция постригов в рясофор отсутствует. Постриг в рясофор совершается над послушниками, прожившими в обители не менее 3 лет. Рясофорные монахини носят клобук – головной убор, так называемый покров послушания.

² В разных источниках написание имени монахини различается: то Пелагея, то Пелагия.

³ Послушница – лицо, готовящееся к принятию монашества. Послушники ещё не дают монашеских обетов, но принадлежат к монашескому братству, не носят монашеской одежды – рясы, послушникам разрешается носить подрясник. Послушники исполняют разные послушания при монастыре, привыкают к монастырской жизни, порядку дня и правилам.

инородческих детей миссии пению настолько хорошо, что этим расположила к церкви и богослужению не только русско-зырянское население, но и инородческое, а вторая как сестра милосердия и фельдшерица в течение трех лет исполняла свои обязанности с самоотвержением, чем приобрела всеобщее в Обдорском крае уважение».

Приехав, женщины сразу же оказались едва ли не на улице, без средств к существованию. Это сейчас в Салехарде есть и гостиницы, и съемное жильё – без крыши над головой не останешься. А тогда Обдорск был суров к приезжим: деревянные домишки, рассыпанные вдоль обрывистого берега реки, короткие улочки выходят прямо в тундру. Песчаные склоны реки испещрены землянками, прикрытыми обломками плавника и рваными оленьими шкурами, две церкви на горе. Ни кустика, ни деревца – мхи да болота, жесткие прутья карликовой березки, дурманный багульник да гудящие тучи мошкары. Жить монахиням было негде (не в землю же закапываться, наподобие местных националов), и Шемановский поселил их за свой счет в приюте, потеснив детей. Конечно, их поддерживали прихожане Обдорской Петропавловской церкви, но денег все равно не хватало.

Через год, в августе 1907 года Святейший Синод разрешил учредить в селе Обдорском женскую общину во имя Царицы Небесной «Всех скорбящих радость» с таким числом сестер, какое община может содержать». Первоначально монахини были причислены к Иоанно-Введенскому женскому монастырю¹, через который и осуществлялось финансирование женской общины в Обдорске. Главой Обдорской женской общины стала рясофорная монахиня Пелагея Александровна. В ведении Пелагеи находился приют для инородческих девочек и малолетних детей, инородческая богадельня, больничная палата и аптека.

Казалось бы, ну что еще надо? Чистое благолепие. Добился отец Иринарх невозможного, умудрился привезти в Обдорск монахинь, и ожила миссия. Более того, было получено согласие епархии на постройку отдельной церкви при Обдорской миссионерской женской общине (третьей в Обдорске). Поддержка была получена с самого верха – сам государь Император пожаловал из собственных средств на постройку церкви две тысячи рублей.

Только вот и в бочке мёда можно сыскать ложку дёгтя. Как гласит известная пословица, знал бы, где упадешь, соломки бы подстелил. Вроде все предусмотрел Шемановский, сам лично отбирал монахинь, с каждой подолгу беседовал. Пелагея, к примеру. Исполнительная, требовательная, искусница-рукодельница, всё в руках кипит, энергии через край. Такой бы не в монахини, а на баррикады. Как у Некрасова: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт...»²

С Пелагеей-то Иван Семенович и промахнулся. Этот выбор, оказавшийся роковым, изменил всю его жизнь. И не только его, но и всей Обдорской воности, население которой оказалось вовлечено в противостояние монахини и священника. Характер у Пелагеи оказался скверным: если верить дневникам Шемановского, она занималась рукоприкладством, могла и крепким словом обложить так, что обдорские мужики только диву давались.

¹ Иоанно-Введенский женский монастырь (Ивановский монастырь) – православный женский монастырь, расположенный в 5 километрах от города Тобольска.

² Поэма «Мороз Красный нос». Полное собрание стихотворений и поэм в одном томе: [к 190-летию со дня рождения Н.А. Некрасова] / Николай Некрасов. – Москва: Альфа-Книга, 2011.

• «Кондуит и Швамбрания»¹

Что произошло между Пелагеей и Иринархом, не совсем ясно. Документы либо не сохранились, либо недоступны. В своих дневниках и письмах отец Иринарх о тех событиях пишет очень мало и скупно.

Есть литературная версия тех событий, красочно и эмоционально рассказанная тюменским писателем Константином Лагуновым.² По этой версии Пелагея страстно влюбилась в молодого священника, пыталась женить на себе, но он не ответил на её чувства, отказал во взаимности, чем смертельно обидел её. Бытует в народе формула: «От любви до ненависти – один шаг». У Пелагии меж этими берегами не оказалось и воробыиного шажочка. Эти любовь и ненависть поселились в её душе рядышком, жили бок о бок, тесня и наседавая друг на друга, но ни светлое, ни черное не смогло одолеть своего антипода. Пелагия любила, ненавидя, и ненавидела, любя. Оттого и мучилась страшно, и все неотвязнее, все сильнее прорастало в ней желание отомстить любимому обидчику. Ну и отомстила, как могла.

Но это лишь версия. Вполне правдоподобная, вероятная, но версия, предположение. Впрочем, писатель имеет право на авторский вымысел. Однако мы с вами, уважаемый читатель, постараемся быть объективными. Да, вероятно, были чувства, возможно, обоюдные, но здесь они оказались сожжены на костре острой неприязни, вызванной вспыхнувшим противостоянием двух ярких личностей с сильным характером.

Дело в том, что не была Пелагея простой тёткой, озабоченной как бы охмурить подходящего молодца и выйти замуж. И пытаться объяснить произошедшее только лишь одними чувствами, значит, игнорировать другие, не менее, а может быть, более важные обстоятельства.

Пелагея Александровна родилась в Кронштадте, в бедной семье, и религия, православие были тем, что с раннего детства вело её, спасало, дало стержень и цель на всю жизнь.

Родителей венчал, а её во младенчестве крестил знаменитый Иоанн Кронштадтский³ – настоятель Андреевского собора в Кронштадте⁴. Пастырь, окормлявший самые бедные районы Кронштадта, бессребреник и великий молитвенник за всех бедных и страдающих, он пользовался громадным авторитетом не только в Кронштадте: богомольцы шли к нему со всей России.

Пелагея с самого детства находилась под сильнейшим влиянием Иоанна Кронштадтского. Крепкая в вере, она очень почитала его, следовала ему. Хранила много святынь, икон, портреты Иоанна Кронштадтского, его книги, даже переписывалась с ним.

¹ «Кондуит и Швамбрания» – автобиографическая повесть советского писателя Льва Кассиля. Написана в 1928–1931 годах.

² К. Лагунов. «Иринарх», Северо-Сибирское региональное книжное изд-во «Северный дом», 1993.

³ Иоанн Кронштадтский (настоящее имя – Иоанн Ильич Сергиев) – священник Русской православной церкви, митрофорный протоиерей, настоятель Андреевского собора в Кронштадте. Один из самых ярких подвижников и священнослужителей царской России. Проповедник, духовный писатель, церковно-общественный деятель правых консервативных и монархических взглядов. Почётный член Императорского православного палестинского общества. Канонизирован в лике праведных Русской православной церковью за границей в 1964 году, а впоследствии – Русской православной церковью в 1990 году.

⁴ Снесён в 1932 году

В Польше Пелагея оказалась по предложению Иоанна Кронштадтского, когда ей только минуло двадцать лет. С 1893 года она подвизалась послушницей в Леснинском православном монастыре Седлецкой губернии Варшавской епархии. В 1896 году была переведена в Вировское отделение монастыря и покрыта рясофором. И, наконец, через год перешла в Вировский монастырь Холмской епархии, где её и нашел Шемановский.

Видимо, поначалу, Пелагея Александровна как-то сдерживалась, потому что окончательная размолвка произошла позднее, когда отец Иринарх предпринял решительные шаги. Вот тогда Шемановский осознал, что оскорбленная в своих чувствах женщина – это исчадие ада, и не только понял, но и в полной мере испытал это на себе.

Во время очередного обычного ежедневного визита в приют Иван Семенович застал Пелагею, что называется, «на месте преступления». До него и раньше доходили слухи, что она плохо относится к маленьким тундровичкам. И не только слухи – губернская газета как-то опубликовала критическую заметку в рубрике «Вести из Обдорска» о том, что при Обдорской миссии монахини учат детей по старинке: щипками, кулаками и пинками. Никто из воспитанниц не жаловался, и монахини ничего дурного о Пелагее не говорили, отрицали это, и Шемановскому хотелось им верить, но здесь он своими глазами увидел, как Пелагея хлещет по щекам рыдающую девчущку: черноволосая головка на тонкой шейке дергалась под ударами из стороны в сторону, веером летели слезы...

Такую «педагогику» Иван Семенович не принимал категорически. С педагогическими «вывертами» мужчин-преподавателей он научился справляться, может, излишне радикально, но зато эффективно. А как быть с женщиной?

Пелагия была отстранена от должности за истязание инородческих детей и предана суду. Так записано в дневнике Шемановского. Текст дневника эмоционален. Чувствуется, что отца Иринарха поступок Пелагеи сильно задел. «Как, – поражённо пишет Иринарх, – уживаются в ней с её добрыми качествами грубость и жестокость?..»

Немного отступим от основной канвы истории. Так нередко случается, что начинаешь писать об одном, а в ходе исследования то и дело затрагиваются, всплывают и начинают звучать совсем другие темы, не менее интересные и важные, пытающиеся увести любопытного автора от основной линии.

Обсуждая с коллегами-журналистами материал, над которым я работал, мы вдруг обнаружили, что бурно спорим на тему воспитательных систем дореволюционной России. Мы-то смотрим на пощечины детям (еще и несчастным инородцам, которые, по воспоминаниям предшественника Шемановского, «загадили на Рождественской ёлке всё помещение») с точки зрения современной морали и права, а тогда был кондуит и стояние на горохе – как абсолютная норма. И как здесь не вспомнить рассказ писателя Льва Кассиля, автора знаменитой повести «Кондуит и Швамбрания», которого в детстве привели в гимназию и гувернер решил напоследок проверить его знания. Он сказал: давай разберем как часть речи слово «гимназист». И Лёвушка начал: «Гимназист – это существительное, одушевленное...» И тут на крыльцо вышел потрепанный старшеклассник, сплюнул через плечо и сказал: «Брешешь, юноша, гимназист – это существо неодушевленное». Вот он, результат той системы воспитания. Так вот, в кондуит – журнал в воспитательной системе – записывались все проступки ученика с жесткими наказаниями за это. Вот такие строгости.

Было, конечно, в педагогике и новое, выражавшееся в учении того же Константина Вентцеля¹, о создании «свободной» школы и освобождении ребенка. Но кто тогда читал труды Вентцеля? Обдорские монахини? Маловероятно. Но вот Шемановский наверняка был знаком с основными положениями теории Вентцеля – в его библиотеке, сохранившейся до настоящего времени, кроме учебников и методических рекомендаций, есть подшивки разных педагогических журналов, в том числе «Русская школа», «Свободное воспитание» и «Педагогический сборник». Иван Семенович интересовался современной ему педагогикой, выписывал и тщательно изучал специальные журналы. Интересовался не только теорией, но и историей педагогики. А Вентцель там активно публиковался. Вот и подумалось, не из-за борьбы ли старого с новым всё началось?

Но вернёмся в Обдорск начала XX века.

• Пелагея: миссия выполняема?

«Предана суду», – записал Иринарх в своем дневнике. Для несведущего человека эти слова не требуют расшифровки. Но юрист и историк на этих словах обязательно споткнутся. Ибо какому суду?

В царской России того периода существовали параллельно две основные судебные системы: светский суд и церковный (благочиннический или епархиальный). И последствия предания человека тому или иному суду сильно отличались. Как лицо духовное, имеющее сан, Пелагея, по логике, подлежала церковной юрисдикции. Но, в ряде случаев, прямо указанных в законе, лицо духовного статуса могло быть предано светскому суду. Лица духовного сословия подвергались наказаниям за все аналогичные преступления мирян: «Если духовное лицо совершит преступление против веры, нравственности и церковных уставов, подвергающее мирянина церковному суду и наказанию, то, естественно, и оно должно подлежать суду и наказанию. Ибо по общему правилу, что укоризненно в мирянах, то достойно осуждения в принадлежащих к клиру».

К сожалению, сам Иван Семенович не указывает, какому суду была предана Пелагея, и состоялся ли суд – документальных подтверждений тому пока не обнаружено. В дневниках Шемановский сообщает, что Пелагея находилась под следствием и именно в связи с этим отстранена от должности. С другой стороны, зная компетенцию тех и других судов и последствия разбирательств, можно с высокой степенью достоверности предположить, что занималась Пелагеей церковная юстиция.

Решение о передаче материалов в отношении Пелагеи в церковный суд, принятое отцом Иринархом, наверное, больше продиктованное эмоциями, окончательно раскололо отношения священника и монахини. Обстановка в миссии быстро накалилась. В большом городе, наверное, это было бы не столь приметно и чувствительно, но в маленьком Обдорске, где все знают друг друга, не из корысти или злости, а от великой неизбывной тоски следят друг за другом, здесь некуда было укрыться от слухов, сплетен, косых взглядов, злобных шепотков, скрытых и откровенных насмешек. Поленьев в костер подкидывала сама Пелагея, разнося свои злые обиды на Шемановского по Обдорску.

¹ Вентцель Константин Николаевич – русский педагог, теоретик и пропагандист свободного воспитания. Общечеловеческие ценности К.Н. Вентцель ставил выше классовых, считал, что школа не должна служить орудием осуществления политических задач. Написал «Декларацию прав ребёнка» (1917) – одна из первых в мире. В декларации провозгласил для детей равные с взрослыми свободы и права. Отстаивал право самоопределения ребёнка во всех областях жизни, в том числе и в религиозной.

Воспользовавшись тем, что отец Иринарх с утра до поздней ночи занят, Пелагея начала писать кляузные письма в Тобольскую епархию. Анонимные. Сама писала или ей помогали – неведомо. Впрочем, грамотная, неглупая Пелагия вполне способна была самостоятельно сочинить кляузу, но с другой стороны недоброжелателей и завистников в Обдорске у отца Иринарха хватало. Писатель Лагунов полагает, что Пелагия прибегла к помощи давнего Иринархова недоброжелателя, настоятеля Петропавловского собора, отца Федора. По его мнению, именно он помогал ей сочинять доносы, взяв за основу доводы Пелагеи, искусно и ловко перемешав правду с ложью.¹

Ну а потом кляузы потекли рекой.

В эпистолярных Пелагия обвиняла отца Иринарха в аморальном поведении. Якобы у него был роман с некоей замужней обдорянкой. В анонимке указывалось, что нередко до наступления ночи эта дама проводит время в кабинете Шемановского, а прислуживавшая отцу-настоятелю монахиня не единожды случайно видела эту деву, будто бы сидящую у отца-настоятеля на коленях, о чем сообщила не только самой Пелагее, но и пастве.

Каждый раз при появлении очередной жалобы Ивана Семеновича вызывали в Тобольск к епископу. Дела в миссии, заброшенные из-за постоянных отлучек Шемановского в епархию, захирели, разбирательства тянулись, Иринарх нервничал и худел, перестал выходить с миссионерского двора. Не показывался в миссионерской церкви. Бессонными ночами шагал по своему кабинету, обдумывая случившееся, ища выход из беды. В одну из таких ночей написал письмо епископу Антонию в Тверь, излил душу, просил помочь. «Боюсь за судьбу Обдорской женской общины, – писал Иринарх, – пока будет в Обдорске проживать эта язва Пелагия, можно ожидать всяких гадостей, ибо она испорчена до мозга костей».

Недовольный своеволием Иринарха, новоявленный архиепископ Тобольский и Сибирский Евсевий не усомнился в Пелагиинном доносе, спешно послал в Обдорск не то своего секретаря, не то помощника с поручением немедленно проверить и доложить. Проверяльщик с Иринархом почти не разговаривал, усердно собирая и записывая сплетни обдорских обывателей. Его присутствие в Обдорске так сгустило, утяжелило недобрую атмосферу вокруг Иринарха, что тот стал подумывать о бегстве из Обдорска, которому отдал тринадцать лучших лет своей жизни.

В очередной анонимке Пелагея обвинила Шемановского в политической неблагонадежности. И это было уже очень серьезно – земля под ногами отца Иринарха зашаталась.

В Обдорске, как известно, существовала колония политических ссыльных. Кого только не было в этой колонии: народовольцы, эсеры, меньшевики, большевики. Они появились здесь вслед за первой русской революцией, принеся с собой ветер Балтики и свирепость баварских пивных, и обрушили на головы обдорян поток информации, взбаламутившей их сознание. Споры о политике, возникнув на кухнях, перешли в магазины и лабазы. Поскольку ссыльные принадлежали к разным политическим партиям, а каждый ратовал за свою, обдоряне, на время отвлекшись от монахинь, начали устраивать собрания для обсуждения вопроса о том, к какой политической партии им примкнуть. Так, невеликое заполярное село приобщилось к большой политике.

Ссыльные нередко заходили в миссионерскую библиотеку. Чаше других в библиотеку заглядывал большевик Кнунянц. Если случался Иринарх в би-

¹ К. Лагунов. «Иринарх», Северо-Сибирское региональное книжное изд-во «Северный дом», 1993.

блиотеке, Кнунянц¹ непременно с ним заговаривал, ловко вовлекал в спор, и они жарко дискутировали, порой очень долго. И вдруг Кнунянц исчез из Обдорска: бежал вместе с женой, тоже политссыльной. А какое-то время спустя в журнале «Образование» Кнунянц напечатал свою статью «Три месяца ссылки и побег». В ней бывший политссылный тепло отзывался об Иринархе, поблагодарил его за книги, которые помогли ему составить маршрут побега. И получалось, со слов Кнунянца, что Иринарх являлся если уж не организатором, то соучастником побега.

Как Пелагия докопалась до этой статьи? Откуда взялся в Обдорске столь малопопулярный журнал? Неведомо. Известно лишь, что, заполучив журнал со статьей Кнунянца, Пелагия принялась сочинять донос архиепископу Евсевию на «вероотступника, пособника христопродавцев-большевиков, сокрытого врага церкви» игумена Иринарха.

Обгоняя друг друга, сталкиваясь и обрастая все новыми и новыми придумками, сперва поползли, потом полетели, за клубились слухи о перевертыше, сокрытом враге православной церкви, да что церкви – царя и отечества, настоятеле миссии игумене Иринархе. Разом отшатнулись от него недавние друзья-приятели, обходили стороной, опускали глаза при встрече, бежали как от чумного.

23 октября 1910 года Иринарх получил телеграфное уведомление Синода о переводе в Тверь на должность епархиального миссионера (это как раз могло быть сделано в порядке исполнения решения церковного суда). Все с тем же сундучком, в котором, кроме смены белья да нескольких книг ничего не было, уехал Иринарх из Обдорска. «После тринадцати лет службы уехал в рваной рясе, в сапогах, многими поруганный...» – так написал об этом событии Иринархов друг – мировой судья.

В письмах к своему другу Иринарх писал: «Сложившиеся настроения в Обдорской миссии сделали мое положение в ней нестерпимым, я не мог видеть, как рушилось на моих глазах то дело, которому я служил как собственному, в служении которому больше 10 лет находил для себя вдохновение, радость, счастье. И, уходя из Обдорска, я оставлял его с трудно передаваемой горечью, с прямо физическим чувством, что разрываю себя, оставляя часть своего, я там у вас, в дорогом, незабвенном мне Обдорске».

Уход Шемановского не самым лучшим образом сказался на общине и делах приюта. Монахини начали покидать общину. Раньше всех, не выдержав тяжелых условий жизни, уехала Агафия, три года прожившая в Обдорской женской общине и прекрасно поставившая там хор. Ей пришлось уйти из-за жестокого с нею обращения Пелагии – под её тяжелую руку попадали не только дети. Но все обдоряне еще долгое время вспоминали «чудное пение детишек» и глубоко сожалели о её отъезде.

В это время для заведования женской общиной в Обдорск была переведена монахиня Иоанно-Введенского монастыря Антония, через некоторое время утвержденная в должности настоятельницы Обдорской миссионерской женской общины вместо Пелагии, покинувшей к тому времени Обдорск. Собственно, вся женская община тогда состояла всего из двух человек: самой Антонии и послушницы Екатерины Никитюк. Небольшая по составу община продолжала успешно выполнять поставленные перед ней задачи вплоть до конца 1911 года.

Шемановский, уже будучи в Твери, не оставлял вниманием Обдорск и невеликую женскую общину, душой болея за неё и судьбу детского приюта. В письме к тобольскому святителю он писал: «Воображаю, как тяжело прихо-

¹ Богдан Кнунянц – видный революционер, член ЦК партии большевиков, соратник В.И. Ленина.

дится новой настоятельнице м. Антонии. Ей надо послать в помощь хотя бы одну, а лучше двух монахинь из Иоанновского монастыря». Не ограничившись этим, Иван Семенович обратился к настоятельнице Иоанновского женского монастыря близ Тобольска игуменье Марии с просьбой о неоставлении Обдорской миссионерской женской общины; просил в таких, между прочим, выражениях: «Мне невольно припоминается Обдорская женская община и настоятельница – монахиня Антония с ея во Христе сестрою. Боясь, как трудно и тяжело приходится ей там, вдали от родной Иоанновской обители, особенно по праздникам, встречать которые она привыкла в благолепном монастырском Вашем храме и проводить с сестрами, тогда как теперь там, в Обдорске, с одной сестрой. Монахиня Антония просила у Вас послать ей одну или двух, не знаю, сестер в помощь, и я прошу Вас, матушка, не отказать ей в этом. Если не утешите её согласием, то пускай такое будет ей рождественским подарком, о чем, земно кланяясь, прошу Вас».

Мольбы отца Иринарха и монахини Антонии, хотя и не сразу, но были услышаны: к началу 1915 года в Обдорской Скорбященской женской общине состояли одна монахиня и шестеро послушниц. Кроме того, при Шурышкарском молитвенном доме приютились три монахини из Туринского монастыря «ради спасения».

• Жизнь за веру

Женская община в Обдорске просуществовала до 1917 года.

Что с ними было дальше? Информация скудная и лишь о немногих.

Известно, что монахиня Антония вернулась назад в Тобольск, а вот самая младшая послушница – Екатерина Никитюк, осталась в Обдорске. Она, родившаяся недалеко от Вильно (нынешний – Вильнюс), нашла своё счастье на Ямале. Надо было на что-то жить, и Екатерина стала работать домашней прислугой у зажиточного обдорского купца Афанасия Протопопова. Через некоторое время она вышла замуж за его сына – Самуила. В 1917 году у Екатерины и Самуила родилась первая дочь – Августа. Всего у Протопоповых было шестеро детей: Августа, Любовь, Вера. Надежда, Николай и Владимир. Возможно, и сейчас их потомки живут в Салехарде.

Удалось прояснить судьбу нашей главной героини – Пелагеи Александровны. Она оказалась накрепко связана с другой обдорской монахиней – Ефросиньей Головачек. Это для настоятеля Пелагия стала яростным врагом, а для Ефросиньи – лучшей подругой на всю жизнь, наперсницей.

Покинув Обдорск в 1911 году, обе женщины вернулись в Польшу в Вировский монастырь, но там не задержались и вскоре оказались в Белоруссии, в Полоцком Спасо-Евфросиньевском монастыре, где были устроены в епархиальное училище при монастыре. Там, в училище, они и несли послушание: Пелагея – экономкой, а Ефросинья – кухаркой.

Все изменила война, Первая мировая. С лета 1915 года западная часть Белоруссии стала ареной военных действий. Полоцк заполнился войсками, массой беженцев. Здание епархиального училища забрали под военный госпиталь, началась эвакуация населения. Вместе с епархиальным училищем были эвакуированы и монахини.

Осенью 1915 года эвакуированные монахини вместе с епархиальным училищем прибыли в Ростов Великий Ярославской губернии. Училище разместилось в знаменитом Варницком монастыре до конца 1918 года. Однако декретом новой власти Варницкий монастырь был закрыт, поэтому в начале 1918 года

Пелагея и Ефросинья перешли в Ростовский Рождественский женский монастырь, где обе служили псаломщицами.

• Троицко-Варницкий монастырь

Твердо решив связать свою судьбу с церковью, в 1924 году Пелагея приняла постриг – архимандритом Неофитом (Коробовым) рукоположена в мантию с именем Анна.¹

После ликвидации Рождественского монастыря, в 1929–1930 годах Пелагея и Ефросинья жили в деревне Бабки Ростовского района близ закрытого Троице-Варницкого монастыря. Монахини хранили много святынь, икон, портреты Иоанна Кронштадтского и фотографии монашествующих. Отправляли посылки ссыльным священнослужителям: архимандриту Сергию (Озерову), иеромонаху Косме (Балябо), иеродиакону Онисиму (Слинько) и другим.²

В апреле 1931 года обеих подруг – Пелагею и Ефросинью, арестовали, поместили в Ярославский Дом Заключения. Как указывается в документах, при аресте были отобраны частицы святых мощей, в том числе преподобного Авраамия Ростовского, часть одежды преподобной Евфросинии, другие святыни, а также книга Иоанна Кронштадтского, которого монахини очень почитали. Обе монахини были обвинены в антисоветской пропаганде и связи со ссыльным духовенством, внедрением в крестьянскую среду религиозного фанатизма и «иоаннитства»³, противодействии мероприятиям советской власти на селе.

В июле 1931 года постановлением Тройки при ПП ОГПУ Пелагея и Ефросинья были осуждены по ст. 58-10 УК РСФСР и приговорены к ссылке в Казахстан на три года.

Дальнейшая судьба обдорских монахинь неизвестна, мы не знаем, что с ними было потом, выжили они или нет в лютых степях Казахстана, есть лишь краткая информация об их реабилитации в 1989 году.

А на Ямале в память о них остался лишь зеленый платок Монашкина острова, накинутый на плечи Салехарда.

¹ Постриг монашеский (малая схима) – обряд посвящения в монашество, при котором постригаемый дает Богу пожизненные обеты и к исполнению их получает дар содействующей Божественной благодати. С пострижением волос ему нарекается новое имя, он облачается в монашеские одежды и именуется мантийным монахом, или просто «монахом».

² Участники группового дела «антисоветской церковно-монархической группы» в г. Ростове. 1930–1931 гг. Иеромонах Косма (Балябо Павел Фёдорович) являлся членом церковно-монархической группы, хранил антисоветские молитвы и стихи, убеждал руководящий состав группы в неизбежной интервенции. Диакон Онисим Слинько обвинялся в том, что «входил в состав контрреволюционной монархической группы церковников, проводил во время Богослужений поминовение членов царской фамилии дома Романовых, хранил антисоветские листовки, лично им заготовленные, и читал их публично во время церковных Богослужений. Архимандрит отец Сергей проходил по групповому «делу духовенства Ивановской Промышленной области». Все расстреляны в 1937 году.

³ Иоаннитство – движение в Русской церкви, связанное с почитанием прот. св. Иоанна Кронштадтского (Сергиева), секта схожая с сектой хлыстов, исповедовавшая учение о божественном достоинстве Иоанна Кронштадтского (они же киселёвцы). В 1900-х гг. из-за неоднородности состава движения возникла острая полемика по вопросу о соответствии их взглядов православию. С 20-х гг. XX в. – часть катакомбного движения. Массовое народное мистическое движение «иоаннитов» – последователи святого праведного Иоанна Кронштадтского – подобно «имябожию» или «хлыстовству» являлось в значительной степени интерпретационным мифом, который был создан миссионерским сообществом, церковными и светскими средствами массовой информации. Этот миф активно использовался в политических целях.

Владимир УРЕЦКИЙ

«Казань в судьбе Григория Распутина»

Прошло более ста лет со дня гибели Григория Распутина (1869–1916) – одной из самых противоречивых фигур в истории России. Исследователи обращаются к его пророчествам. Что бы ни говорили современники о «Тобольском старце», главное предсказание сбылось вскоре после его смерти: «Пока я жив, с вами всеми и с династией ничего не случится. Не будет меня – не станет и вас». Династия Романовых продержалась всего два с половиной месяца после его убийства.

Одной из загадок в биографии Распутина была дата его рождения. Сразу же после его убийства в декабре 1916 года одни газеты утверждали, что родился он в 1878 году, а другие – в 1872-м. И сам Григорий Ефимович по-разному говорил о своём возрасте, часто прибавляя себе года. Представителям Тобольской духовной консистории он заявил, что ему 42 года, таким образом, прибавив себе 4 года. В Царицыной тетради в датированной записи 1911 года со слов Григория записано: «Уже я прожил 50 лет, шестой десяток наступает». Прибавлено 8 лет. Во время следствия, после покушения на него в 1914 году Хионии Гусевой, показал: «Зовут меня Григорий Ефимович Распутин – Новый, 50 лет», – прибавив 5 лет. Возможно, он преувеличивал свой истинный возраст, чтобы более соответствовать образу старца. Но точная и бесспорная дата рождения Григория Распутина стала известна из метрической книги Покровской церкви, которая была найдена в Государственном архиве Тюменской области историком-краеведом Артуром Чернышовым (1942–2015) и опубликована им в 1998 году. В метрике имеется запись священника Николая Титова о том, что Григорий родился 9 января 1869 года, крещен 10 января. Его родители – слободы Покровской крестьянин Ефим Яковлевич Распутин и жена его Анна Васильевна, оба православные. Восприемниками мальчика стали Матвей Яковлевич Распутин и Агафия Ивановна Алемасова.

С раннего детства Распутин ощутил привязанность к Богу и вере. В 14 лет Гриша сильно заболел, родители уже и не надеялись, что он выживет, но мальчик неожиданно пошёл на поправку. По словам Григория, исцелила его сама Матерь Божия, которой он страстно молился всё время. Это и послужило толчком к более глубокому изучению Евангелия. Гриша был неграмотен, но заучил наизусть тексты всех молитв. В это же время у него открылся дар провидца, ставший роковым в его биографии. Дочь Распутина Матрёна (1898–1977) вспоминала: «Однажды отец пахал и вдруг почувствовал, что всегда присутствующий в нём свет разрастается. Он упал на колени. Перед ним было видение: Казанская икона Божией Матери. Только когда видение исчезло, отца пронзила боль. Оказалось, колени его упирались в острые камни, и кровь от порезов текла прямо на землю».

После того как Распутину исполнилось 18 лет, он отправился в паломничество в Верхотурский монастырь, но в монахи так и не постригся. Через год он вернулся на малую родину и вскоре женился на Прасковье Дубровиной, родившей впоследствии ему троих детей. Заключение брака не стало препятствием к паломничеству. В 1893 году он отправился в

новое путешествие, посетив десятки монастырей и великие святыни на горе Афон, в Иерусалиме, Печерскую Лавру в Киеве. Научился врачевать, не раз спасал неизлечимых больных. Недаром Распутина, которому едва исполнилось 30 лет, почтительно называли старцем – отнюдь не за возраст, а за опыт, веру и по православным канонам.

Но именно прибытие странника в Казань в начале 1900-х годов и казанский период жизни оказался поворотным в его трагической судьбе и сыграл знаковую роль в дальнейшей жизни. Не будь в судьбе Григория Распутина Казани, возможно, никто не узнал бы о «великом русском старце». Исходя из исследований известного казанского историка-краеведа Анатолия Елдашева, Распутин появился в Казани предположительно в 1903 году по приглашению вдовы казанского купца Пелагеи Башмаковой, с которой когда-то встретился на богомолье в Абалакском монастыре. Башмакова была известной благотворительницей, водила знакомства со многими казанскими священниками. Распутин говорил о ней так: «Простая душа. Богатая была, очень богатая и всё отдала... Новое наследство получила, но опять всё раздала... И ещё получит, и опять всё раздаст, такой уж человек».

Пелагея представила Григория Распутина некоторым священнослужителям, в том числе и настоятелю Седмиозёрной Богородичной пустыни, схиархимандриту Гавриилу (Зырянову) (1844–1915). В этой удалённой на 17 вёрст от города обители Распутин прожил некоторое время, участвовал в богослужениях совместно с братией. До сих пор сохранился монастырский странноприимный дом, где останавливались паломники и путешествующие – там он и жил.

После революции архиепископ Тихон (Троицкий) Сан-Францисский (1883–1963), в 1904 году студент второго курса Казанской духовной академии, вспоминал: «Раз группа студентов посетила старца Гавриила, который по обычаю приглашал чайку попить в четыре часа. На чае среди гостей был и Распутин. В то время он был в почёте, посещал старца и, очевидно, был на большом счету у него. Когда Распутин стал говорить, что собирается в Петербург, то старец подумал: «Пропадёшь ты в Петербурге, испортишься», – на что Распутин, прочитав его мысль, вслух сказал: «А Бог? А Бог?» Старец объяснил мне это как явный случай прозорливости Распутина».

Известно, что Григорий Распутин пытался получить у отца Гавриила разрешение на поездку в Санкт-Петербург, чтобы выхлопотать средства для строительства храма в селе Покровском. Об этом Распутин говорил так: «Сам я человек безграмотный, а главное – без средств, а Храм уже в сердце перед очами стоит...»

Летом 1904 года через схиархимандрита Гавриила Распутин знакомится с викарием Казанской епархии, епископом Чебоксарским Хрисанфом (Щетковским) (1869–1906). Многочасовые беседы и особый дар молитвы сделали своё дело, Распутин показался епископу человеком высокой подвижнической жизни, религиозно значительной, духовно настроенной личностью. Владыка Хрисанф присмотрелся к Григорию, вынес убеждение, что это незаурядный представитель нашего простонародья, который достоин того, чтобы о нём узнали в столице, и дал Распутину рекомендательное письмо на имя ректора Санкт-Петербургской Духовной академии

Сергия (Страгородского) (1867–1944), будущего Патриарха Московского и всея Руси.

С этим письмом в конце 1904 года Григорий Распутин прибывает в российскую столицу Санкт-Петербург и останавливается в общежитии академии. Это подтверждал, рассказывая о своей первой встрече с Распутиным на допросе Чрезвычайной комиссии в 1917 году, духовник царской семьи, архиепископ Феофан (Быстров) (1875–1940): «Впервые Григорий Ефимович Распутин прибыл в Петроград зимою во время русско-японской войны (1904–1905) из города Казани с рекомендацией ныне умершего Хрисанфа, викария Казанской епархии. Остановился Распутин в Александро-Невской лавре у ректора Петроградской Духовной академии епископа Сергия». Ещё до его приезда, как вспоминал иеромонах Илиодор (Труфанов) (1880–1952): «Среди студентов пошли слухи о том, что где-то в Сибири, в Томской или Тобольской губернии объявился великий пророк, прозорливый муж, чудотворец и подвижник по имени Григорий...»

Обосновавшись в Санкт-Петербурге, Григорий Распутин неоднократно бывал в Казани. Гостил в Суконной слободе в доме учителя IV Казанского городского начального училища и одного из организаторов и руководителей черносотенного движения в Казани и Казанской губернии Павла Фёдоровича Мойкина. Его особняк возвышался на улице Пески (с 1900 года улица Дегтярная, сегодня на этом месте парк «Миллениум»), где произошла скандальная история, о которой после гибели Распутина в декабре 1916 года в №№ 7040–7043 писала газета «Казанский телеграф» и в №№ 282–283 газета «Камско-Волжская Речь». В публикациях говорилось следующее: «Отец Григорий, находясь в одном из многочисленных казанских публичных домов, расположенных на «Песках», просвещал души женщин и встретил упорное непонимание одной из обитательниц. Обычный посетитель довольствовался бы лишь телом, оставив в покое душу падшей женщины, но не таков был Григорий Ефимович. Сорвав свой пояс, Распутин, бичуя им голую девицу, прогнал бедную проститутку вдоль всей улицы на глазах остолбеневшей публики. В конце концов, женская гордыня была Григорием Ефимовичем укрощена, а душа спасена...» Распутин считал, что вся грязь и порок в человеке впитываются в его телесную оболочку, а душа его, омытая от этих грехов, сможет остаться чистой.

Сохранилось единственное казанское фото Григория Распутина, по которому попробуем определить год и место съёмки. В центре Черноозёрского общественного сада (сегодня, парк «Чёрное озеро») до революции располагалось деревянное двухэтажное фотографическое заведение, до конца 1907 года принадлежавшее жене губернского секретаря Анне Вяткиной. На первом этаже располагалась фотография, а на втором мастерская. Именно здесь в один из своих многочисленных визитов в Казань фотографировался Распутин, о чём свидетельствует фотографический бланк с эмблемой А. Вяткиной. После 1907 года фотографический бланк был изменён, но используя славу своей предшественницы, новый хозяин А. Несмелов указывал «Фотография А. Вяткиной, преемник А. Несмелов». Из этого можно сделать вывод что фотография, на которой Григорий Распутин запечатлён с большим золотым крестом на груди сделана не позднее 1907 года.

В каком же году и откуда золотой крест появился у Григория Распутина? В своей книге «Святой чёрт (Записки о Распутине)» Илиодор написал с его слов, что это подарок Царя: «А видишь на мне крест золотой? Вот смотри, написано: «Н». Это мне царь дал, чтобы отличить. Этим крестом я бесов изгоняю... Попы сибирские злятся, что я этот крест ношу, а мне что, царь дал, повесил, так какой поп либо архиерей может снять с меня этот крест?» Об этом кресте вспоминал и министр внутренних дел Александр Протопопов (1866–1918): «Забота и внимание к нему со стороны царицы было особое: его рубашки были ею вышиты, шёлковые, крест на шее был золотой, на золотой цепи и застежка была «Н», с буквою государя».

Ещё одно упоминание в ежегодной газете «Русское слово» 21(08 января по старому стилю) 1910 года в статье «Блаженный старец Григорий». В ней говорится, что за две недели до Рождества саратовский епископ Гермоген (в миру Георгий Ефремович Долганов или Долганёв, 1858–1918) привёз в Царицын к иеромонаху Илиодору некоего «блаженного старца». Как объяснили лица, входившие в обитель, это был Григорий Распутин. Во время беседы с корреспондентом газеты подделка «блаженного» распахнулась, из-под неё мелькнул массивный золотой крест. «Мы попросили дать нам посмотреть этот крест, и после минутного колебания «блаженный» согласился. Крест большой около 3 ½ дюймов в длину. На лицевой стороне было распятие, а на оборотной – надпись: «Спаси и сохрани». В середине золотой цепи, на которой висит крест, – медальон. «Это мой дорогой подарок», – заметил «блаженный», указывая на медальон. В дальнейшем разговоре старец часто упоминал о своих папаше и мамаше, которые всё могут сделать. «Только сказать папаше, – всё будет...» Этим он беседу и закончил».

С императором и его супругой Александрой Фёдоровной Распутин познакомился поздней осенью 1905 года. Об их первой встрече Государь Николай II записал в своём дневнике: «1 ноября 1905 г. Вторник. Петергоф. Холодный ветреный день. От берега замёрзло до конца нашего канала и ровной полосой в обе стороны. [...] В 4 часа поехали на Сергиевку. Пили чай с Милицей и Станой. Познакомились с человеком Божиим – Григорием из Тобольской губ.».

После этого они встречались два раза в 1906 году, один из них в октябре. В дневнике царя есть записи: «18 июля... Вечером были на Сергиевке и видели Григория... 13 октября... В 6 1/4 к нам приехал Григорий, он привёз икону Св. Симеона Верхотурского, видел детей и поговорил с нами до 7 1/4...» Именно тогда Распутин впервые увидел царских детей и начал оказывать помощь Цесаревичу Алексею, больному гемофилией. Значит, до 1907 года такой дорогой подарок Григорий Ефимович получить не мог. А вот систематическое общение Распутина с Царской семьёй началось с лета 1907 года, после того как он не только облегчил страдания трёхлетнего Цесаревича Алексея, но и спас его от смерти. Возможно, в знак благодарности Государем и был подарен Распутину золотой крест.

Из всего вышесказанного можно предположить, что казанская фотосъёмка состоялась во второй половине 1907 года. Вероятно, зимой. В это время Распутин посетил усадьбу Александра Николаевича Боратынского (1867–1918), предводителя Казанского и Царёвококшайского дворянства, внука известного поэта Евгения Боратынского.

Дом Боратынских располагался на бывшей Большой Лядской улице. Сегодня в нём располагается дом-музей Евгения Боратынского (ул. Горького, 25/28). В его архивных фондах сохранились воспоминания Ольги Ильиной-Боратынской (1894–1991), дочери Александра Боратынского, о Распутине. Записи значительно дополняют его портрет, раскрывают некоторые черты характера и непростой нрав.

В 1908 году Григорий Распутин привозит в Казань свою десятилетнюю дочь Матрёну, окончившую церковно-приходскую школу в родном селе Покровском. Он отдаёт дочь казанским купцам «К...» для подготовки к поступлению в одну из самых престижных школ дореволюционной Казани – Мариинскую женскую гимназию, которая находилась на углу Петропавловской улицы и Петропавловского переулка (сегодня там находится лицей им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета, улица Рахматуллина, дом 2/18). Вскоре Матрёна поступила в гимназию и проучилась в ней до 1910 года, пока отец не настоял, чтобы дочь переехала в Петербург и продолжила учёбу в женской гимназии Е.Н. Стеблин-Каменской Министерства народного просвещения. Об этом пишет в своей книге «Дневник Распутина» Даниил Коцюбинский.

Через несколько лет все те, кто был в дружеских отношениях с Григорием Распутиным и верил в его способности, резко изменили к нему своё отношение. В Казани Распутин познакомился с архимандритом Андреем (князем Александром Алексеевичем Ухтомским, 1873–1937). Распутин стал часто бывать у него и останавливался ночевать в его квартире. В августе 1907 года об архимандрите Андрее рассказывал Распутин тобольскому священнику: «Знаю там Ухтомского – архимандрита Андрея. Много любви в нём! Весь полон любви. Ни одного человека не знаю я, в ком было бы столько любви».

Было у них много общего. Но впоследствии архимандрит Андрей (с октября 1907 года Епископ Мамадышский, викарий Казанской епархии) резко выступал против Распутина. Из друга он превратился в его гонителя и называл государственным преступником. «...Господина Предателя, – писал о Распутине епископ Андрей, – я знаю давно. Для государственной власти – это преступник, которому нет имени; для церковного закона – это человек, подлежащий отлучению от св. причастия... Лично мне он предлагал одно из влиятельных мест, если бы я ответил утвердительно на его вопрос: «Веришь ли ты в меня?» Я ответил, что «верить» мне в него нечего, потому что я знаю его как крупного шарлатана...»

Более подробные воспоминания епископа Андрея Ухтомского о Григории Распутине записал на отдельных листах Александр Степанович Пругавин (1850–1920) – российский революционер-народник, публицист, этнограф, историк, исследователь истории раскола Русской православной церкви, старообрядчества и сектантства. «В первый раз я услышал о Григории Распутине в 1905 году, в Казани. Он был знаком с некоторыми монахами и бывал в духовной академии. Я был в то время архимандритом. Вскоре монахи познакомили меня с Григорием Распутиным, и он начал бывать у меня, не раз ночевал в моей квартире. В это время он особенно поражал всех необыкновенно экстатической молитвой. [...] Искренно или нет молился – я не могу сказать. Иногда среди разговора он вдруг соска-

кивал с места, обрывал беседу и начинал молиться с необыкновенным жаром и подъёмом. Он доходил до экстаза, но в этом экстазе мне чудилось что-то не совсем здоровое, что-то болезненное. Невольно возникали некоторые сомнения; мне думалось, что столь нервная молитва едва ли может исходить от человека благодатной жизни. О своих сомнениях я счёл нужным предупредить тех монахов, которые поддерживали знакомство с Распутиным. Вскоре мои подозрения подтвердились. Как-то он приходит ко мне и говорит: «Я уезжаю в Раифский монастырь». «Зачем?» – спрашиваю я. «Говорят, там есть один монах, чудотворец. Хочу у него побывать».

В Раифском монастыре в то время действительно был один иеромонах, отличавшийся большой религиозной настроенностью. К нему за помощью обращались многие нервно больные, мятущиеся люди, и он помогал им, успокаивал их. Распутин, вернувшись из монастыря, начал подражать этому иеромонаху.

Пошли слухи о том, как он лечил и успокаивал одну женщину в купеческой семье. У меня появились подозрения против Распутина, но я ещё не решался оборвать знакомство с ним. Как-то он был у меня. Мы долго беседовали с ним о молитве, о посте, об исповеди. Он вспоминал об Иоанне Кронштадтском, к которому относился с большим сочувствием и уважением. Мне было приятно слышать это, так как я сам всегда высоко ставил Иоанна Кронштадтского.

Но среди разговора он вдруг поразил меня одним замечанием: «Да, ведь вот святой, а между тем как он к женщинам-то относится?... Однако это не мешает его святости». «Как! – воскликнул я. – Неужели ты веришь тем грязным сплетням, которые распускаются об Иоанне Кронштадтском его врагами?»

Но моё возражение, видимо, нисколько не смутило Распутина, и он – как теперь помню – сказал мне: «Эка, брат, штука, – кто больше ездит, тот больше берёт». «Вот ты каков!» – сказал я с укоризной. Распутин, увидев, что я переменяю своё отношение к нему, начал меня уверять, что он пошутил. «Нет, брат, этими вещами не шутят», – сказал я ему. И тотчас же дал ему понять, что он потерял моё доверие. Он это понял и прекратил свои визиты ко мне.

Весною 1909 года в Казань приехал епископ Феофан, направляясь в Уфу, где он намерен был лечиться кумысом. Он был у меня, причём разговаривал о Григории Распутине. Я предупреждал Феофана о двуличности Распутина, о его обмане и эротомании. Феофан молча выслушал, но не ответил мне ни одного слова. В августе того же 1909 года он, возвращаясь из Уфы, снова посетил меня. И когда на этот раз разговор снова коснулся Распутина, Феофан сказал: «Да, это один ужас. Григорий вызвал распад царской семьи, он всецело завладел государыней. Бедный государь...»

С Казанью связано ещё одно событие, в котором упоминается Распутин. В ночь с 28 на 29 июня 1904 года в Богородицком монастыре в Казани была украдена Чудотворная Казанская икона Божией Матери. Известие о пропаже святыни потрясло Россию, и в тот же день на него отреагировала верховная власть империи. В следственном деле до сих пор желтеют «молнии» казанскому губернатору, тайному советнику Петру Алексеевичу Полторацкому (1844–1909) от премьера Петра Столыпина (1862–1911), великой княгини Елизаветы Фёдоровны (1864–1918)... Сам Николай II (1868–1918) звонил в Казань, требуя срочно разыскать преступников и

похищенное. На место преступления выехали лучшие сыщики России. Преступников быстро поймали, но похищенной иконы найдено не было. Поиски продолжались несколько лет.

Илиодор вспоминал, как 15 января 1911 года по приказанию епископа Гермогена он приехал в Петербург по делу об отыскании Казанской иконы Божией Матери. Но Анна Вырубова (1884–1964) – фрейлина, ближайшая подруга Императрицы подала ему телеграмму из Покровского, там он прочел: «Это обман; иконы нет. Григорий».

В дневнике Анны Вырубовой есть такая запись: «Меня поражает то, как этот человек без особых знаний, без придумочек, только по наитию познаёт истину. А вышла история поразительная. Епископ Гермоген с Илиодором и компанией были одурачены – вернее же, – сами хотели одурачить маму и папу. И в эту историю запутали ещё и Елизавету Фёдоровну. Они все знают, что папа (даже без мамы) дорожит образом Казанской Богоматери. Для этого рассказывают про какого-то плута-бого-ненавистника (содержавшийся в читинской каторжной тюрьме товарищ похитителя иконы Чайкина). Он из тюрьмы прислан слёзничать, что он, мол, виноват в похищении образа Казанской Богоматери и что, если его выпустят на волю и куда-то повезут, то он отыщет спрятанную икону.

Елизавета Фёдоровна расчувствовалась и уже пошла петь акафисты. А тот жулик её, как младенца, опутал. Она легко поддаётся обману. А епископу Гермогену и компании это было нужно, чтобы вернуть себе внимание папы и мамы. А когда об этом узнал старец, то телеграфно из Покровского сообщил маме: «Все врут. Иконы нет. Григорий». После этого поиски иконы были остановлены.

Ещё одна история связывает Распутина с Кайбицким районом Республики Татарстан. Со слов Юрия Мышева – преподавателя истории, этот рассказ он слышал в детстве от своей бабушки Василисы Афанасьевны Ляльченковой: «В молодости моя бабушка работала в прислугах у местной помещицы. Та любила работающую девушку, обещала помочь в будущем устроиться в Казани, где у неё жила родственница. И вот однажды в гости к помещице пожаловал сам Григорий Распутин. Ехал по улице на велосипеде, горстями бросал конфеты местной детворе, бегущей следом.

– Странный был, – рассказывала бабушка. – Большой лоб закрывали длинные космы, нос в оспинках выступал вперёд. Лицо морщинистое, загорелое. Борода сваливающаяся, словно старая овчина. На правом глазу – желтое пятно. Мрачный, нелюдимый. Улыбка лукавая. Взгляд его не каждый мог выдержать. Он им коней останавливал, хворь излечивал, кровь заговаривал. Женщине одной, что непристеливо встретила его, нагнал кошек со всего села, и визжали они всю ноченьку под её окнами. Кошки постоянно увивались около него. Ещё погулять любил. Пиво домашнее больно понравилось ему. Костюм на нём был засаленный, руки длинные торчали из рукавов, будто сучки корявые...

«Надо же, бабка сочиняет, – думалось мне тогда. – Где Распутин и Петербург, а где село наше...» Но прошло время, и я по-другому стал воспринимать бабушкин рассказ. Оказалось, она дала точное описание внешности и поведения Распутина. Откуда неграмотная бабушка могла узнать о нём? Неужели и впрямь пресловутый старец навещался к её хозяйке? Эта догадка подтверждается и тем, что, оказывается, Распутин

бывал в Казани у миллионерши Башмаковой в те годы, когда бабушка работала служанкой, в 1903–1906 годах.

У Башмаковой, по некоторым сведениям, была родственница в Свияжском уезде, к которому тогда относилось наше село Муратово (до 1920 деревня входила в Ульяновскую волость Свияжского уезда Казанской губернии, сейчас это Кайбицкий район). По описаниям бабушки, её хозяйка была привлекательной наружности и вполне могла заинтересовать вездесущего казанову Распутина. Башмакова имела бурный характер, схожий с её родственницей, которая выгнала, например, своего мужа. До глубокой старости бабушка сохранила прекрасную память. Её оценки людей всегда были лаконичны и точны – она знала толк в словах... Да, мы не всегда это замечаем, но история проходит через каждого из нас».

Удивительно, что воспоминания Василисы Афанасьевны о внешности и способностях Распутина точно совпадают с его описанием в знаменитом романе Валентина Пикуля «Нечистая сила». Хотя со многим в романе сложно согласиться, но в тексте есть несколько строк о лице Распутина: «Покрытый оспинами нос выступал далеко вперёд, похожий на иззубренное лезвие топора. Кожа лица была морщинистой и загорелой, а правый глаз Гришки обезображивало жёлтое пятно...» А также об организации им «кошачьего концерта»: «...Молодوخе же одной, отказавшей ему в любви, Гришка кошачий концерт устроил. Со всего села сбегались коты по ночам к её дому, и начинался такой содом, хоть из дома выселяйся...»

Как о человеке незаурядном, с ореолом провидца, говорили про Распутина при его жизни, говорят и до сих пор – спустя сто с лишним лет после того, как его не стало.

Невероятно, но мистический случай, косвенно связанный с Распутиным, произошёл в наши дни. Все наверняка помнят хит группы «Бони М» *Rasputin* и солиста Бобби Фаррелла, известность которому принесло исполнение в том числе и этой песни. Во время её исполнения, музыкант плясал в стилизованном русском костюме, нацепив накладную бороду, изображая Григория Распутина. Так продолжалось много лет. В декабре 2010 года Бобби Фаррелл (1949–2010) приехал в Санкт-Петербург, чтобы выступить на корпоративном мероприятии компании «Газпром социнвест». Конечно, выступление не могло состояться без исполнения всеми любимого шлягера. После выступления, поздно вечером 29 декабря, Фаррелл вдруг почувствовал себя плохо. Он поднялся в свой одноместный номер отеля «Амбассадор», который расположен между Юсуповским садом и Юсуповским дворцом, где в ту же ночь на 17 декабря 1916 года по старому стилю или на 30 декабря по новому был убит Григорий Распутин.

Утром 30 декабря участники группы «Бони М», обеспокоенные отсутствием артиста, обратились к сотруднику отеля. Когда открыли дверь его номера, то увидели на кровати мёртвое тело Фарелла. Причиной смерти 61-летнего артиста стала остановка сердца. Что это, если не проделки коварного старца, решившего отомстить тому, кто столько лет пародировал и смеялся над ним.

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

Наталья КОСПОЛОВА

Легенда о чёрной берёзе

Вступление

Многие прекрасные угорские мифы дошли до нас в кратком изложении – большинству из них вследствие обстоятельств не свойственна повествовательность, а, скорее, лаконизм, минимализм, насыщенная символика – скрывающие сразу несколько систем верований и космогонических представлений северных народов, незаслуженно считавшихся отсталыми и представляемыми едва ли не в первобытном аспекте. Протоистория, протосимволика, экологические и гуманистические законы, позволяющие конкретному народу не только выжить в сложных условиях, но и персонифицироваться как уникальная родовая общность, требовали особой формы, которая в устном изложении становилась самодостаточной, цельной, емкой и уникальной как культурный феномен.

Часто среди трансляторов старинного мансийского эпоса встречались и те, кто облакал уникальную форму в стихотворные слоги. Более того, ритмическая основа была необходима для передачи древних знаний, она была общей синтетической формой, предшествовавшей конкретным сагам, балладам, рунам и т.д. у родственных народов европейского севера. Трудность перевода с языков разрозненных и разбросанных по таяжским и лесотундровым районам представителей угорских народностей тех фрагментов, которые излагались на основе ритмического повтора и ритмических акцентов, привели к тому, что русских стихотворных аналогов мансийского эпоса мы практически не встречаем. Автором данного текста сделана попытка изложения легенды о черной березе именно в стихотворной форме, что восходит к первоначальным формам передачи столетней и даже тысячелетней уникальной и универсальной информации, пронизывающей конкретную сказку, песню или загадку и делающей ее многоуровневой и многозначной. За основу стихотворного переложения автором взят один из древних текстов, передаваемых устно в течение десятков столетий.

В основе повествования – трагические последствия встречи главной героини с лесным духом в образе человека. Лесные духи и духи воды (например, Кул-нэ) – неотъемлемая часть мансийского эпоса. Вынужденные или добровольные кочевники-манси, как и мореходы-ненцы, например, не имели возможностей для передачи промысловых и сакральных знаний с помощью письменных источников вследствие суровых условий быта и характера их деятельности. Исконные мансийские тексты напевались, скандировались, сопровождалась танцами, декламировались. К такой подаче и стремился автор данного стихотворного изложения, тоже манси.

Пролог

О Иртыш, Иртыш-река – голубые берега...
Меж лесами и степями
Ты бежишь издалека...
То в траве, то в сколах льда
Изумрудная вода...
...Говорят, ходила прежде
Здесь сама Хором-Мальда.
Словно звезды её очи,
Ослепляет её взгляд...
Знает каждой птицы голос
И что звезды говорят...

Песня Мальды

...Верю птичьим песням и словам;
Различаю у деревьев лица;
Вольно я гуляю по лесам –
Но могу и птицей обратиться.
Мать моя мне истины дала,
Чтоб в лесу ни в час не затеряться;
Чтобы доля горькой не была,
Чтоб со счастьем в пору повстречаться:
«У травинки каждой есть душа,
А душа живого – бесконечна...
Неказиста ты иль хороша,
Дочка, будь добра – закон наш вечный!»

Перед встречей

Мальда с детства подружилась
С парнем богатырской силы.
Он в тайге охотник ловкий –
С изумительной сноровкой.
Знал насквозь лесной обычай,
Звался – Алпин, иль – добытчик.
Мальде нужен он один,
Но явился Кындылбин.
Птицы смолкли, звезды гаснут
Травы вянут – впереди
Кто-то вовсе не прекрасный:
Злые помыслы в груди.

Соло колдуна

«Фиолетовые дали –
Провозвестники печали
Девушка, эй, покажись!
Хочешь скрасить духа жизнь?
Ты стройна, умна, прекрасна –
Сказывали не напрасно:
Ни в одном бору-лесу
Краше не найти красу...
И, подобно нашей хватке,
Знаешь ты песцов повадки,
Песни птиц, слова цветов...
Подари свою любовь!»

Мальда

«Растения, что тысячами дней
Подобны жизни северной моей,
И реки с иссеченными ветрами,
Покорными теченью берегами,
Лимонный свет под осень на пути
И белка, что за ней велит идти –
Все, все мне ведомо. И, людям помогая,
Я сердце им дарю – быть не могу другая...
И верности учила меня мать.
Лишь одному могу любовь отдать.
Один лишь Алпин в сердце у меня,
Исполненный любовного огня.
Пред миром и людьми он – мой жених,
Вот Солнце, вот Луна – спроси у них!»

Ответ Кындыбина

«Зверь ли, рыба или птица –
Всяк мне должен подчиниться!
Так и ты, лесная дива,
Участи не избежишь!
Нет пощады и красивым –
Трижды, трижды пожалеешь
Ты о том, что говоришь!» –
Так сказал он – и исчез.
Стоном долгим ахнул лес.
Рассказала Мальда правду
Дорогому жениху.
Пес отчаянно залаял –
Прыгнул к Мальде на доху.
Алпин горестно вздохнул –
Шкуры медленно свернул –
И готовится к отпору,
Нет пощады колдуну.
Только тот – как будто слышит
Этот грустный разговор, –
Вмиг явился перед Мальдой
И вперил в Алпина взор.
Пес с охотником кружат,
Мальду защитить хотят –
«Не дадим тебя в обиду!»
И пропали вдруг из виду.
Обратил их враз колдун
В каменных руин гряде...

Зов Мальды

«Дочь-река – и мать-река!
Ты качаешь облака!
Отдыхающая птица
На груди твоей хрупка.
Подари свою мне мудрость,
Чтоб печаль была легка...
Кул-нэ бродит у воды,
Вижу я её следы,
Стану ряпушкою-рыбой –
Чтобы избежать беды!»
В реку пала, и вода
Скрыла девушку, как мать.

Только Кындыбин здесь рядом –
И беды не миновать.
Толстой щукой обернулся,
К Мальде резко прикоснулся,
Вырвал блестящий плавник –
И на дне корягой сник.
Вновь девицей обернулась
Мальда – будто бы проснулась;
Глядь – а левая коса
На воде как полоса...
«Кул-нэ, пусть твои наряды
Этой жертве будут рады!»

Второй зов Мальды

«Синий месяц! Сладкой льдинкой
Озари мою тропинку!
Злой и лютый Кындыбин
Не найдет мои следы.
Друг мне, кто в лесу живет...
Белки, встаньте в хоровод!
Пробегите, закружите;
Шелком желтым завьюжите
След мой на тропе лесной,
Подружитесь вы со мной!»
Миг – на землю опустилась;
Скок – и в белку превратилась.
Чудо новое – явись:
Следом рысь бежит за белкой.
Кто же спрятан в эту рысь?
Кындыбин, его проделки.
Лес шумит, таит секрет –
Вот и белки уже нет;
Что ты девушка томишься?
Не взлетаешь, словно птица?
Что не гладят твои косы
Переливчатые росы?
Мальда мыслит: «Птиц я знаю,
Спасена, коли летаю!
Стану ласточкою пусть –
И внизу оставлю грусть».
Складно ласточка летит,
Оперением блестит,
Только – чует – подлетает
Коршун – чуть не настигает!
Коршун ведает простором;
Коршун первый,
Второй – ворон...

...Только вот у этой птицы
Подозрительная стать;
Мальда медлит уклониться –
Больно перья потерять.
Это он, он – Кындыбин;
Он не коршун – леса зло.
Мальды-ласточки перо
Выхватил и проглотил.
И опять она – девица,
А не мчащаяся птица.
Глядь – а правая коса
Унеслась под небеса...
«Ветер, пусть твои громады
Этой жертве будут рады!
Я была и зверь, и птица,
Кем же, кем же обратиться?
Полетала, стану вновь
На земле спасать любовь!
Грустная, бескосая –
Стану я березою!
Стану семечком березы –
Все переживу морозы,
Осень, лето и весну –
Кындыбина обману!»
Ищет, ищет Кындыбин
Среди леса и равнин
Хоть не семечко березы –
Так хоть след его один...
И разгневался колдун.
В гимне сосен – голос струн;
Словно девичья любовь
В песне возродилась вновь!

Гнев Кындыбина

«Так. Ты хочешь стать березой?
Колдуна – не обхитрить!
Двое те окаменели,
И тебе уж не ходить!
Будешь ты любви покорна,
Жить в лесу березой черной
До тех пор, пока жестокий
В доброго не превратится!
Так тебе, лесная дева!
Белка, ряпушка и птица!»

Алпин

О гулкий и протяжный зов гагары...
Любимая – я не могу без пары!
Я знаю: ты одна, и я один;
Мы созданы быть вместе до седин...
Глухой глубокий крик совы...
Тропа в траве, сияние травы;
Поток листвы под осень – как вода
Неужто не увижу никогда?
Неужто буду, в камень обращенный,
Лишь посылать любимой свои стоны?

Величание

Ах, береза белая,
Солнышка сестра!
Что стоишь, несмелая,
В блестках серебра?
В палевом передничке
С вороной каймой...
О подруга бледная,
Помечтай со мной!
Расскажи мне весточку
О своей судьбе
Я же кину ленточку
На руки тебе...
Никого привязывать
Силой не хочу...
Сказки будешь сказывать –
Добрых научу.
Ах, береза строгая
В слитках серебра
Развязать оковы пут
Уж давно пора,
А береза черная,
Нитей перебор,
Колдуну покорная
Ты с недавних пор.
Но не плачь, красавица,
Злу придет конец
Позовет, кто нравится,
Скоро под венец...
Тот, кому ты нравишься –
Ловок и силен.
Сердце благородное,
Правду видит он.
Нравишься – не нравишься
Спишь века веков;
Черная красавица –
Светлая любовь...
Люди, будьте добрыми,

Мягкими к другим...
Рядом с добротой ведь
Все богатства – дым.
Пусть печаль рассеется,
Пусть цветы цветут,
Пусть глядятся девицы
В поднебесный пруд,
Ловят белок, ряпушек,
Чтобы вспоминать,
Как пришлось красавице
Их облик принимать...
В лес жестокий кинулся,
Дерево спилил,
Из березы девушку
Он освободил...
И вернулась с косами
Мальда в лес родной,
Слезными потоками
Вымыв кряж лесной...
Каменные путники
Ожили от слез.
Каменное сердце
Тает у берез...
Ты не зря любовь спасла,
Скрыта черным льдом...
Пусть любовь пожалует
Солнцем в каждый дом...
Пусть очнутся гордые,
Оглядев вокруг,
Сколько в мире красоты,
И друзей-помощников –
Не рабов, не слуг.
Сколько в мире радости,
Сколько в людях доблести,
Сколько в сердце нежности –
Каждый людям – друг!

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Надежда НИКУЛИНА

Морфология пространства в повести Л.К. Иванова «Резервация»

Категория художественного пространства – это своеобразный ключ к творчеству многих писателей, герои которых пытаются или отстоять свое место в мире, или его найти. Описать морфологию (строение) художественного пространства книги – это приблизиться к пониманию сокровенных координат мысли и жизни человека, написавшего эту книгу. В нашем случае речь идет о произведении, которое написал человек, биографические топосы которого не поддаются однозначной трактовке и косвенно связаны с поэтикой романа.

Повесть Л.К. Иванова открывается названием – словом «резервация», которое в самой известной трактовке обозначает «территорию, отведенную для проживания сохранившихся в стране аборигенов». Негативная коннотация лексемы дополняется представлениями об известных резервациях и находит отражение в других справочниках и словарях. В частности, в «Словаре социологических терминов» (2006) читаем такое определение резервации: «Территория, специально выделяемая для насильственного поселения коренных жителей страны (индейцев в США, африканских народностей в ЮАР, аборигенов в Австралии). Обычно под резервации отводятся худшие в природном отношении районы». Следует отметить, что ситуация вынужденного переселения в некотором смысле является для автора повести биографической, о чем он напишет следующим образом: «Родился я 8 октября 1949 года на лесном кордоне в глухом углу Вологодской области, куда были высланы подальше от границы мои родители – финны».

С наибольшей очевидностью факты биографии писателя актуализируются в образах деревни, которая изображается в повести как пространство прошлого и одновременно как социальная проблема, которая не выдумана автором произведения. Своеобразным контекстом для восприятия повести могут быть факты из жизни Вашкинского района Вологодской области (родные места Л.К. Иванова). В электронных СМИ 2024 года читаем: «За последние несколько лет с карты региона исчезли уже десятки населенных пунктов. Эксперты по-разному оценивают эту ситуацию. Одни считают, что это вынужденная мера, необходимая для развития инфраструктуры в регионе. Другие же высказывают опасения, что исчезновение деревень может привести к дальнейшему запустению Вологодской области». Но документальная подоплёка истории не является препятствием для создания художественной картины, превращающей частные факты в типичные.

Уже первое предложение атрибутировано образами, характеризующими деревенский уклад: «К празднику старушки подготовились добросовестно.

Матвеевна напекла пирогов – один с брусникой, другой с малиной, заправила доверху лампу, на несколько раз помыла стекло, насухо вытерла его газетой. Нюра сделала запеканку с грибами, принесла домашней малиновой наливки». Здесь указания и на незатейливые блюда русской кухни (пироги с брусникой и малиной, запеканка из грибов, малиновая наливка), и на проблемы с электричеством, и на просторечную народную среду, где люди называют друг друга «Матвеевна» и «Нюра». Следует сказать, что просторечные и диалектные элементы являются характеристикой героев, проживающих в деревне, на протяжении всего произведения. Персонажи из района или области говорят в повести нарочито бесцветно, с использованием штампов, что обусловлено или должностью, или осторожностью. В большинстве случаев речь таких начальников дается в пересказе, обзорно. Например, так: «Президент подошёл к микрофону, одарил собравшихся очаровательной улыбкой, поздравил с праздником. Потом поговорил о безмерной заботе о ветеранах, что стало прерогативой власти, посетовал на бытовавший многие годы недостаток внимания к людям старшего поколения, отдавшим все свои силы и здоровье во благо страны, о грядущем повышении пенсий, программе улучшения медицинского обслуживания за счёт строительства высокотехнологичных центров, о качественно новой системе оказания первичной помощи, о пилотном проекте по созданию таких посёлков для переселения ветеранов из брошенных деревень, за что особая благодарность новому губернатору за его инициативу, которая будет подхвачена в других регионах и в ближайшее время оформлена в виде федеральной программы».

В первом же диалоге героинь (Матвеевны и Нюры) проговариваются все основные проблемы их деревенской жизни и одновременно характеристики пространства деревни, с одной стороны, традиционного («Муки да сахару мы с тобой по мешку купили, кипрея на два года насушили, грибов да ягод до нового урожая хватит, наливка вон тоже своя» – натуральное хозяйство, жизнь огородом, запасами на зиму); с другой – оставленного, изолированного от основного мира (отключены электричество, радио, телефон, плохие дороги и удаленность от районного центра). Рождественский свет – название главы, которое конкретизируется в бытовой радости двух последних жительниц деревни – «свет дали».

Образу деревни в повести Л.К. Иванова противостоит мир начальников и кабинетов, где решаются судьбы деревень и их жителей. Кабинетные диалоги – место, где принимается решение о «пилотном проекте» и формируется идея резервации. Атрибутами этого пространства являются двери и коридоры с красными дорожками, залы с удобными креслами и особыми местами для работы и отдыха начальников. Этот мир чиновников представлен в повести с легким намёком на времена советской действительности с ЦК и с соответствующей иерархией, но привязок к конкретным временам и регионам в повествовании нет, что позволяет говорить о некой нарицательности и типичности как изображенных в произведении деревень, так и кабинетных историй.

Драматизм входит в повесть с образом Евсея, коренного жителя деревни, чьи предки столетиями обживали «кособор на высоком берегу». Через этого героя повести пространство деревни раскрывается как земля предков: «Берег тут больно крутой. Выйдешь на него, на десяток километров с левой стороны вид открывается, потому что угор этот много выше леса,

что на другом берегу растёт. И как раз супротив деревни перекат образовался, будто создатель, когда мимо проходил, из прохуdivшегося кармана камушки нечаянно высыпал. Так эти валуны тут навсегда остались и реку перегородили. Красиво так течение меж огромных камней переливается бойкими водопадами. Потому предки это место и выбрали для жительства и назвали свою деревню Перекатной». Примечательно, что этот герой не забыт детьми, а его дом не заброшен («Сын денег подкинул, крышу железом покрыли, остальное сам в порядке поддерживал»). Этот добротный дом гармонично вписывается в пейзаж жизни («Пятистенник стоял на косогоре лицом на восток, радостно встречая рассветы всеми своими четырьмя окнами, и будто дворовая собака, лениво подставляя посевшие от времени да дождей брёвна под ласковые солнечные лучи. А они лезли в комнаты через любовно украшенные резными наличниками окна и до самого вечера ползали по ярким домотканым дорожкам»), что позволяет говорить о пространстве деревни как о потенциально гармоничном мире, как о своеобразном рае, который исчезает на глазах у читателя (дом Евсея подожгли, а вместе с утратой дома герой теряет жизненные силы).

Автор повести «Резервация» не жалеет своего читателя: от судьбы постаревшего богатыря Евсея переходит к описаниям жизненных неурядиц Нюры, для которой родной дом в деревне – место покоя и истинной жизни. Она возвращается от дочери, не найдя общий язык с зятем, но не держит обиды на детей, поскольку знает, что ее родное место – в деревне: «Нет, не зря говорят – в гостях хорошо, да дома лучше. Приедет сейчас домой, печку затопит, пару дней у Матвеевны поживёт, пока дом прогреется. А потом и в свой угол. Ой, как дома-то хорошо! Зима скоро кончится, весна придёт, зацветёт всё вокруг – любо-дорого!» К финалу повести Евсей станет мстить за свой дом, а Нюра окажется в безвыходной ситуации (проблемы со здоровьем, необходимость ухода) и пополнит ряды жителей резервации.

«Хорошо в казённом домике, только всё одно – не дом родной, к которому привыкла», – установка героини, которая станет основанием возвращения в пространство родной деревни. «Казенный дом» – это мир без забот, но это не то родное пространство, от которого радуется сердце. Показательно раскрывается точка противостояния пространств деревни и резервации через комфорт, который не покрывает все запросы человека. Не хлебом единым... – сквозная мысль, очевидность которой кажется непостижимой в мире красных дорожек и удобных кресел.

Лестные для приехавшего на открытие резервации президента слова льются, как отрепетированные реплики заранее выученного сценария: «Дороги в деревню нет, случись что, так и врача не вызывать. А тут – благодать! И дом хороший, и врачи, и продукты в магазине всякие. И всё-то рядом, не надо за сколько-то километров за хлебом шагать. Вот спасибо-то вам за такую заботу. Мы о таком чуде и мечтать не могли». Возможно, кому-то хорошо здесь и кому-то не нужна деревня, но в последних абзацах повести этот рай превращается в фантом, сообщается о провале проекта и о скором перенаселении резервации: «Догадывался ли глава государства, что этот показательный посёлок останется единственным в своём роде, хотя выделенные на проект деньги будут успешно освоены и в других территориях великой страны, где точно так же доживают свой век брошенные на произвол судьбы старики и старушки. Да, в Радужном к зиме привезут в каждый домик по несколько металлических кроватей

из покосившейся сарайки районной больницы, чтобы разместить на них немощных бедолаг из соседних районов, где такие резервации будут построены ещё не скоро». А что дальше? И обернется идея нового рая (резервации) очередной проблемой, пространством, напоминающим об утопических прожектах предыдущих десятилетий, пространством утраты рая и надежд на благополучную старость.

Резервация – это особое пространство, ни деревня и ни город, это утопия и одновременно возможность спрятать проблемы, изолируя стариков в специальное место, салютуя о победах отчетами и репортажами. Но судьбы людей не спрятать и не переписать. Автор повести оставляет героям возможность дожить свои истории так, как у них получается (вернуться в умирающую деревню, поселиться в резервации, уехать к детям в город), предлагая читателю открытый финал повести с утратой малой родины и миром чиновников, которые всегда будут сыты, довольны собой и своими речами перед людьми, чьи жизни зависят от них.

При таком финале фигура автора биографического представляется особенно значительной, достойной уважения. Леонид Кириллович Иванов уже сорок лет является жителем областного центра, но его душа помнит о деревне и не утратила связей с тем сокровенным пространством, где до леса рукой подать, где на бугре стоит добротный дом, где можно прожить без электричества и радио, но нельзя обойтись без человеческого участия и природной красоты. Он был журналистом и долгое время работал главным редактором на тюменском телевидении, руководил информационным агентством администрации Тюменской области, затем полтора десятка лет был корреспондентом самой тиражной в мире газеты «Труд», служил людям, возглавляя Тюменское отделение Союза писателей России, но духовное родство с Евсеем, Нюрой и Матвеевной не позволило ему поселиться в одном из кабинетов чиновников или забыть о деревне и вычеркнуть эту тему из своих книг.

Александр БАЛТИН

Целостность Анны Неркаги

Необычайная сила в её словах!

...словно – природные голоса слышит сердцем А. Неркаги: и камни способны обрести поэтическое дыхание.

У каждого – родина мала, сколь бы необъятна не была на самом деле; героиня повести «Анико», не отвергающая урбанистику как явление, которому не противостоять, возвращается на малую свою; и новополученные знания – против разрушительных процессов – с пользой применит в тундре: бесконечно переменчивой, единой в основе, родной...

Пространство поёт.

Нужно уметь услышать эту песню.

Как слышна она в повести «Илир» – здесь уже звёздный мальчик словно образом своим предупреждает о перекосах социальной несправедливости – едкой, как щёлочь.

Ягель красив.

Он курчав, он – нежное дитя тундры, но и символ её; вот и прозвучит «Белый ягель» символично: как своеобычное прощание с щедростью народного эпоса...

Этническая катастрофа страшит писательницу.

Труд её – в том числе: поиск спасения от оной катастрофы, поиск... бродя в огне.

«Молчащий» – как путь веры или поиск пути: долгого, устремлённого вектором к запредельности.

Пусть и остаёшься в земных пространствах трёхмерности.

Мудрое трудолюбие – как философия жителей стойбищ, показанных объёмно и глубоко.

Образы завораживают.

Они поэтичны, как цветение тундры.

...северная ойкумена, терзаемая хищничеством нефтегазовых королей, не одарённых эмпатией: страдание писательницы, этический ад собственного бессилия.

Она пишет на камнях, словно давая им голоса, точно адресуя прямо к небу: что искать справедливости на земле в пределах вечного вращения юлы юдоли, где всё слишком известно.

Она пишет безднами собственного страдания; сама – явление феноменальное, смешивает миф и реальность, повседневность и эпос, существуя словно на грани, на пределах вибраций, на противопоставлении своего голоса (равно гласа камней) чудовищности жизни, где сильный мнёт слабого, где бесправье не оправдано многолюдно.

Огни язычества и христианства прожигают душу писательницы.

От её произведений исходит импульс целостности: что важнее важно-го в разорванном и разодранном мире.

ДЕСЯТАЯ МУЗА

Ирина ЯБЛОКОВА

«Пилигрим в поисках потерянного рая...»

*Какое прекрасное свойство –
Уметь отрешиться от зла,
Бродить, постигая устройство
Пространства, души, ремесла!*

Д. Самойлов

Писать об этом фантастическом, невероятном человеке и художнике, наверное, стоило бы исключительно строками поэтическими, ибо только их летучим и акварельно-прозрачным созвучиям под силу передать красоту души Ольги Трофимовой и многообразие её талантов.

В общении с ней, в созерцании её работ на выставках, в альбомах или в книгах, ею проиллюстрированных, в напрасных попытках зафиксировать её бесконечные творческие маршруты в разных направлениях (а ведь есть ещё и необъятный мир её театра!) становится понятно, что среди нас – Посланец. Посредством всего, что Ольга делает в своей жизни и чему служит, она гармонизирует пространство. Соединяет не только людей, но и города и страны, события жизни – разрозненные фрагменты большого и хитроумно закрученного спектакля. Мы можем даже не догадываться об этом, но находясь в круге её света, мы уже включены в это тайное сообщество гармонии. Её друг и коллега, главный художник Тюменского театра кукол Сергей Перепёлкин уверен, что «она знает тайные имена богов красоты, дело в почти фаворском свете, исходящем от её акварелей... Иногда говорят, что Ольга – добрый художник, это, конечно, верно, но на самом деле она – пилигрим в поисках потерянного РАЯ...»

Может быть, это и есть её миссия – искать и находить гармонию во всём, с чем соприкасается её художническая душа, будь то человеческие взаимоотношения, вид из окна, работа над новым акварельным листом или над премьерным спектаклем. Когда Ольга Трофимова работала с ТЕАТРИКом Татьяны Тарасовой, один из его актеров Сергей Кочнев подметил умение нивелировать любую ситуацию: «Когда, казалось бы, проблему можно решить только грубостью и силой, она находит способ решить всё полюбовно. И все остаются довольны!» «Конфликт может стать гармонией», – уверяет Ольга. Она дорожит состоянием равновесия, которое испытывает, когда рисует. Тогда в ней самой возникает вдруг что-то новое, иногда провидческое... Но тут всё взаимосвязано – и работа не начнётся, пока душа художника лишена возможности созерцания, а голова – спокойного обдумывания.

«Самый верный способ что-то почувствовать – остановиться...»

В лексиконе Ольги Трофимовой есть ключевое слово «чувствование», которое очень точно отражает ее способ мировосприятия. Именно это со-

стояние, точнее, процесс, движение души, направленное на интересующий художника объект, позволяет ей вживаться в своих персонажей, в их мир, в то пространство, которое открывается перед ней. Известное китайское изречение гласит: «Когда рисуешь дерево, нужно чувствовать, как оно растёт». «Чувственный опыт» Ольги – самое большое её сокровище. Именно благодаря ему она может перемещаться из одного пространства в другое, оживляя в памяти давние ощущения присутствия в жизни Парижа или Амстердама, влажного речного или морского воздуха, человека, дерева, ветра...

Для Ольги Трофимовой бесконечна внутренняя потребность открытия пространства других городов и стран, их «культурного слоя», открытия новых людей, новых знаний и новых ощущений в себе. В ней живет художник-кочевник, и это неистребимо. Дорожные впечатления сквозняком, «красным ветром» проникают в самые затаённые уголки души, поселяясь там навсегда. И надо их запомнить, нарисовать, записать... В арсенале Ольги, кроме всегда чутко настроенных органов чувств, есть скетчбук, карандаш, фломастер – я видела эти быстрые зарисовки. И всё же для неё «самый верный способ что-то почувствовать – остановиться. Тогда всё вокруг начинает двигаться, и тогда ты чувствуешь то, зачем приехал – другую страну, другой мир».

Незабываемым остается один день пленэра в Париже и написанные в этот день три этюда – дело было в 1997 году, но «я помню этот день, как будто он был вчера. В памяти осталось движение солнечных пятен, запах воды, тепло камней набережной. Ни одна фотография не может этого передать».

С гениальной легкостью доверяет она бумаге не только краски, но и собственные слова-ощущения о Париже, Амстердаме и о многом из того, что не могло оставить равнодушным. «Франция возникла неотвратимо, как «Письма Ван Гога», присела на краешек русской табуретки и превратила каждое окно в картину... Эта страна голубая и белая...» Или о Лондоне пишет так, словно рисует акварелью: «У городов есть свои ароматы, парфюмер, возможно, может разгадать этот состав – у меня же вольные ассоциации – морской ветер, долго летевший по лесу, прихватил с собой сквозняк из библиотеки аристократа, смешался с запахом хлеба из его кухни...» Из этих небольших эссе можно было бы собрать удивительную книгу, ибо это так же талантливо, как и всё её творчество.

Куда бы ни заносили ветры странствий Ольгу Федоровну, она готова к неожиданным находкам (и даже если не готова к ним, любопытство всегда побеждает). События, встречи и люди рождают образы, которые со временем приобретают новые смыслы. В акварели «Париж. Остров» (1998) фигуры друзей растворяются во влажном воздухе Парижа, приобретая почти сновидческие, полуреальные очертания. Остров воспринимается как место романтическое, оторванное от суеты и объединяющее близких, почти родственных друг другу людей. Так рождается метафора Острова как отдельного мира, а выражение «мы на острове» становится объёмным и обретает новые смыслы.

А в 2012–2013 годах на карте жизни Ольги появляются Соловецкие острова, где с кромки береговой линии Белого моря открывалось бескрайнее пространство воды и неба, единое и не имеющее пределов. Образ Острова и здесь из реального преобразился в ирреальный, почти косми-

ческий. А иногда целые города воспринимаются художником как острова или планеты. Одна из любимых работ «Пролетая рядом» (2006) посвящена Голландии. Амстердам представлен как комета (или планета), летящая сквозь завихрения времени в пространстве воздушных стихий. А может, это «небесный велосипедист» (сам автор?), пролетая мимо, лихо закручивает в упругие ван-гоговские потоки землю и воду, небо и воздух, на которых и замешаны Нидерланды... И вернувшись в стены мастерской, находящейся за тысячи километров, уже невозможно остаться прежним, а сама мастерская расширится ровно настолько, сколько вместила душа дарованной тебе или «украденной» лучшей части Европы.

«Дорогами мира. Пленэрные истории» – так называлась персональная выставка Ольги Трофимовой в Тюменской филармонии (сентябрь 2024 – февраль 2025). Это визуальный дневник путешествий художника – Выборг, Карелия, Урал, Пермь. Ольга любит пленэры. «Пленэр – это шаг навстречу живым мирам, освобождение художника от своей «сезонной» палитры, настройка на созерцание, преодоление, погружение, перемены, перезагрузка». Проходивший в 2020 году пленэр в Миньяре (живописный городок в Челябинской области), организованный Челябинским отделением СХ РФ и пленэр от создателей выставочного проекта «Роза ветров» Людмилы Орловой и Марии Лебедевой в Карелии (лето 2024 года), оказались насыщенными и разными по своим ощущениям. Карелия подарила встречу с удивительной северной природой, карельскими белыми ночами и водопадами, самобытной деревянной архитектурой и историей. Здесь Ольга писала не только акварели, но и работала в новой для себя технике – маслом по бумаге.

Пленэры ценны встречами с людьми, одна из которых состоялась в деревне Корза с обитательницей тех мест Зоей Ивановной, человеком «книжным», читающим Овидия и любящим русскую литературу. Ее 100-летний двухэтажный деревянный дом, большой и добротный, напоминает корабль – как можно было художнику пройти мимо такого дома? Сколько их, домов с историями, написала Ольга за свою жизнь! Дома тюменские, европейские, соловецкие, уральские, карельские... Образ Дома из работы в работу меняет свои обличья, обрастает новыми смыслами, и все-таки Дом остается для неё сакральным местом, от которого начинаются все дороги, микрокосмосом человека и его оберегом.

Персональная машина времени

Большому Дому и его многочисленным обитателям, связанным друг с другом семейными узами, была посвящена памятная и очень значимая для Ольги выставка в арт-салоне «На Никольской» – «Путешествие с домашними животными и детьми» (Центральная городская библиотека, март – май 2021). Именно Домом хочется мне назвать большое, разветвленное семейство, род Трофимовых-Пушниковых-Вяткиных, одной из представительниц которого является Ольга Трофимова.

Задумывая выставку с таким необычным названием, автор предлагала каждому из нас отправиться в путешествие – к своим истокам. Главным камертоном экспозиции стала живописная картина Ольги «Путешествие с домашними животными и детьми» (2018). Река Времени несёт в своих водах Ковчег, собравший несколько поколений одного семейного рода – не

только мужчин и женщин, стариков и детей, но и домашних животных, бывших в нашей истории залогом выживания в крестьянских семьях.

Вот что сама Ольга Трофимова рассказывает о своей работе: «Картина «Путешествие с домашними животными и детьми» появилась в 2018 году как возможность создать некий портрет рода, подвести некий итог многолетнего документального «собираательства» и множества встреч. Сама работа была для меня продолжением общения, продолжением жизни, даже если я брала в руки фотографию человека, с которым я не могла быть лично знакома... Кроме лиц, которые путешествуют по реке Времени, в местной версии – Туре, в лодке плывет корова Жданка, мирное создание, выкормившее семью в годы Великой Отечественной войны. Кошка – безымянна, как олицетворение многочисленного кошачьего мира, всегда квартировавшего у людей, где бы они ни жили... Берега реки выглядят архаично, но это только кажется, так как дорожные наблюдения не дают забыть, что наш деревенский пейзаж и сейчас именно так и выглядит, особенно из окна поезда или автомобиля...» Образы людей, замерших на ладье, портретны, их словно пронизывает время, и возникает ощущение, будто их фигуры проявляются постепенно из воздуха и воды. Торжественность их поз и обилие синего цвета придают всему происходящему глубокий и символический смысл. Ковчег становится олицетворением плывущей Памяти, которая способна соединять времена и поколения. «Как ни парадоксально, но Прошлое – больший Космос, чем Будущее. Настоящее – стремительная волшебная субстанция, превращающая одно в другое».

Уникальность этой замечательной выставки, созданной Ольгой Трофимовой, Натальей Сезевой и сотрудниками библиотеки не только в соединении в одном пространстве живописи, графики и семейных реликвий (фотографий), но прежде всего в том, что Ольга оказывается тем человеком в своей многовековой семейной истории (впрочем, как и в истории Тюмени), который подобно волшебной антенне аккумулирует, собирает, притягивает к себе тонкими драгоценными нитями память о своем Роде. Делает она это, во-первых, как Художник – дорогие её сердцу тюменские дома и улицы, где прошло детство, родные люди и деревья «переселяются» в живописные и акварельные пейзажи, побеждая забвение.

Но одновременно и как заботливый Потомок свершает она своё дело: собирает по крупицам, «выращивает» постепенно своё семейное Древо – разыскивает фотографии далёких предков, добывает информацию в архивах и в воспоминаниях родных людей. И вот эти почти исчезнувшие нити Ольга Трофимова держит сегодня в своих ладонях вместе с кисточкой! Выставка «Путешествие с домашними животными и детьми» на самом деле стала памятной не только для неё самой и членов её большой семьи, но и для Тюмени, к истории которой Трофимовы-Пушниковы-Вяткины имеют самое непосредственное отношение.

Еще об одном творческом опыте «ныряния» художника в историю, о незримых связях Прошлого и Настоящего может рассказать работа Ольги Федоровны над созданием иллюстраций к сказке П.П. Ершова «Конек-Горбунок». Как это нередко бывает с художниками, материал, связанный с какой-то идеей, может накапливаться годами, откладываться где-то в подкорке, чтобы потом вспыхнуть и воплотиться в конкретном замысле. Так произошло и у Ольги со сказкой «Конек-Горбунок». Когда издатель Тимофей Сайфуллин обратился к ней с предложением работы над

будущей книгой, у Ольги Трофимовой в творческой копилке уже имелся целый пласт впечатлений визуального и эмоционального характера – воспоминания из детства, поездки на пленэры в Нижнюю Синячиху, на Урал, прогулки по сохранившимся уголкам старой деревянной Тюмени, детский опыт жизни среди леса на лесном кордоне. Замысел Ольги как художника заключался в том, чтобы отойти от стереотипов в изображении персонажей, найти и передать «дух места» и поместить героев сказки в аутентичную её автору среду (Ишим, Тобольск, Тюмень), то есть создать намеренно «историческое», а точнее «мифологическое» пространство сказки.

Когда же началась конкретная работа над «Коньком-Горбунком», Ольга «добирала» впечатления поездкой по «ершовским» местам (с. Безруково – Ершово), пленэром в архитектурном музее-заповеднике «Хохловка» Пермского края, работой над костюмом и т.д. Восстановить родную среду обитания для ершовских героев стало интересной задачей в наше цифровое время, помочь представить ребенку сказочное житье-бытьё именно в сибирском ландшафте, обратить внимание на красоту ремёсел.

Сам Ершов, хоть и писал сказку в Петербурге, но ведь тоже подпитывался своими тобольскими впечатлениями. И поэтому вполне естественно воспринимаются в иллюстрациях Ольги вид Тобольского кремля, крутые берега Иртыша в оправе хвойных лесов, деревянные домишки и храмы, раскинувшиеся на округлой спине сказочного кита, знакомые нам сибирские ковры. По словам художника, «работа над рисунками заняла около полугода и была очень насыщенной – как главная сибирская сказка, сосредоточение нашей истории, традиций и мифов».

Этот опыт иллюстрирования оказался для Ольги Федоровны очень удачным, хотя в процессе подготовки издания не обошлось без сложностей. Но в 2021-м, спустя год после создания цикла иллюстраций к «Коньку-Горбунку», при участии и поддержке А.В. Артюхова книга увидела свет. В Ишиме, Тюмени, Тобольске, Нижней Синячихе и т.д. с успехом прошли выставки иллюстраций к сказке. Это издание было удостоено «Серебряной Литеры» и стало лауреатом в региональном конкурсе «Книга Года – 2022» в номинации «Лучшая книга для детей и юношества». А в июне 2024 года Ольга Трофимова стала лауреатом XVIII Международной литературной премии им. П.П. Ершова за произведения для детей и юношества.

Ольга как иллюстратор востребована для литературы, обращенной к историческим темам. Одно из таких «погружений» – в историю Тюмени (с автором Л. Боярским и иллюстрациями О.Ф. Трофимовой «Сны о старой Тюмени: очерки и заметки из истории города» (Тюмень, 2021) и «Впервые в Сибири. Тюмень. 1586–1917 гг.» (Тюмень, 2024). Другое «погружение» предпринял тобольский писатель и историк В.Ю. Софронов в историю жизни Д.И. Менделеева (Софронов В.Ю. «Сын Сибири: роман в 2-х томах» (Тюмень, 2024). Этот двухтомник также проиллюстрировала Ольга Трофимова, создав для него 32 акварели. И вновь издание с её иллюстрациями получило заслуженную награду на региональном конкурсе «Книга года – 2024».

Возможность создавать миры...

Кто бы мог подумать, что вырезанный и склеенный папой из розового картона игрушечный телевизор с расставленными внутри него бумаж-

ными куклами, дом с мебелью и вырезанными Олей осенними листочками приведёт к столь необратимым последствиям? Это была первая сценография... Маленькой Ольге тогда еще были неведомы театральные спектакли, просто хотелось самой сочинять истории и оживлять их – хотелось ЧУДА. И все последующие события жизни (как это видится теперь) оказались следствием этого маленького рукотворного театра и большого детского желания.

Студенческие спектакли в Тюменском училище искусств, атмосфера со-творчества и со-дружества на художественно-оформительском отделении училища, талантливые друзья и творческие педагоги – всё это создавало ощущение постоянного присутствия Театра в жизни каждого из них. Выставки студенческих работ превращались в неожиданное и подвижное действие, а если выходили в пространство улицы (что было тогда впервые для Тюмени), то становились перформансом. Самым интересным для Ольги и её друзей-художников был и остается живой процесс, в котором усилиями его авторов создается новый мир, пространство с новыми смыслами, культурными кодами и образами.

Наверное, не без вмешательства Главного Небесного Режиссера Ольгу Трофимову, приехавшую в Ленинград с азартной идеей поступить в Высшее художественно-промышленное училище им. В.И. Мухомовой на отделение монументального искусства (!), убедили подать документы на специальность «художник-модельер». Вместе с красным дипломом Ольга получила тогда совершенно новые для себя впечатления и опыт от знакомства с необыкновенным театральным миром.

«Вячеслав Полунин «привез» «Караван мира» в 1989 году. Несколько дней мы все, кому это было интересно, пропадали на острове [Елагин остров – И.Я.]. Там я впервые увидела и «Космос колей» В. Знорко, и социальный театр Nukleo из города Феррара... Мне буквально снесло голову, потому что я впервые увидела такой театр, где меня не покидало ощущение, что всё, что происходит на сцене – это про меня, но не как частная история или, скажем так, подсмотренная тайна, а понимание, что всё это объединяющее общее может происходить и со мной, приятие себя как имеющую отношение к целостному миру с прекрасным устройством».

Так неизбежно театр стал большой и важной частью жизни Ольги Трофимовой. В разное время она сотрудничала с Тюменским театром кукол и масок, с молодежным театром «Ангажемент» им. В.С. Загоруйко, молодежным театром-студией «ТЕАТРИК», Тобольским драматическим театром им. П.П. Ершова. Были творческие контакты с Ростовом-на-Дону (Ростовским академическим молодежным театром), Новосибирском (театр «Старый дом»), Пермью (Театр юного зрителя), Москвой, Берлином. За всё это время ею были созданы более 60 постановок в разных городах и театрах. По-особому запомнились первые спектакли, созданные совместно с Татьяной Вершининой в Тюменском театре кукол и масок («Принцесса Брамбилла», 1995), с Вадимом Дегтяревым («Канакапури», 2000), с Татьяной Тарасовой в любимом «ТЕАТРИКе» («Кьоджинские перепалки», 2002; «Чудесный костюм цвета сливочного мороженого» Р. Брэдбери).

Сотрудничество с молодежным театром «Ангажемент» им. В.С. Загоруйко и режиссером Михаилом Поляковым Ольга выделяет как особенную, творческую театральную школу, которая продолжается уже много лет. «Первым нашим спектаклем с Михаилом Давыдовичем в «Ангажемен-

те» было «Марьино поле» О. Богаева – сложная военная тема, где все отлично совпало: тема, эстетика, актерские работы». В дальнейшем именно Михаил Давыдович «призвал» ее в Тобольский театр, и с 2013 года Ольга Федоровна работает главным художником Тобольского драматического театра им. П.П. Ершова.

Она с удовольствием рассказывает об опыте работы с Поляковым: «В его спектаклях визуальный ряд соответствует традиции, эпохе, он один из редких сегодня мастеров, который работает в духе психологического театра. Это подробная, точная работа, когда персонаж растет, возникает в процессе постановки. Посредством совместной работы с художником строится необходимое и достаточное визуальное решение. Одно из концептуальных утверждений Михаила Давыдовича заключается в том, что костюм не должен мешать актёру играть, декорация не должна делать за актёра его работу». С Поляковым получилось много прекрасных и очень разных спектаклей – «Точка зрения» по Шукшину, «Собаки», «Мещанин-дворянин». Спектаклю «Ханума» Цагарели, поставленному в Тобольском театре, недавно исполнилось 10 лет, эскизы к нему хранятся в Бахрушинском музее, а бессмертный «Ревизор» Н. Гоголя возглавляет список лучших спектаклей Тобольского театра. «Театр к художнику приходит через личность режиссера, его человеческий характер, мастерство и мировоззрение», – в этом Ольга убеждена.

Очень запомнилась ей работа в стенах Пермского ТЮЗа над спектаклем «Еврейское счастье» Л. Улицкой. Режиссер Михаил Скоморохов ставил его больше полугода – это хороший срок для работы с художником, который дает возможность очень внимательно отнестись к каждому этапу создания материального мира спектакля. «Здесь можно было вести себя как художник, создавая образ, была возможность потратить на тщательный отбор столько времени, сколько необходимо...» Кроме того, Ольга вспоминает еще одну из любимых работ – совместный российско-германский проект Nach Hause или «Родненькие» по пьесе «Домой!» Л. Разумовской, осуществленный с Татьяной Тарасовой в ТЕАТРИКЕ (2007). В спектакле участвовали студенты ГИТИСа и актеры детского любительского театра, а с немецкой стороны – молодые профессиональные актеры Берлина. Практически за два месяца было создано два спектакля – для Москвы и для Берлина. По словам Ольги, это была сложная, но удачная работа.

Живой процесс преображения, меняющий самого художника и окружающее пространство, Ольга Трофимова ощущает уже как насущную потребность. Чем бы она ни занималась – живописью, графикой, иллюстрированием книг, театром, костюмом, преподаванием, дизайном, путешествиями и пленэрами – во всем для неё важно именно развитие, движение, изменение. Она понимает, что художник, работающий в мастерской, наверно, ближе к достижению внутренней гармонии. Однако неутомимость Ольги не дает ей шансов слишком долго оставаться в стенах мастерской. Наступает момент, когда ей снова не хватает пространства, масштаба, людей, действия, новых ощущений.

«Через театр добираю то, что мне необходимо – особые части мира и пространства... Я радуюсь новому спектаклю, как коллекции новых возможностей, так же, как путешествиям и этюдам в городе... Возможность сочинять миры бывает такой невероятной, что соглашаешься на приключение театральной работы, идешь на алхимию чувственных идей».

За более чем 30 лет работы в театре Ольга Трофимова пережила потрясающее количество историй, побывала в самых разных временах и пространствах. К сожалению, жизнь театральных постановок, как, впрочем, и выставок – ограничена. Многие уже давно сошли со сцены, хотя есть долгожители и среди спектаклей... и даже кукол. Очень много красивого сделано за эти годы. У Ольги собран интересный материал по спектаклям разных театров, с которыми она работала и продолжает сотрудничать. И есть большое желание сделать каталог, чтобы собрать в нём все свои театральные работы, созданные за эти годы.

В настоящее время работа в Тобольском драматическом театре им. П.П. Ершова занимает основное место в деятельности Ольги Трофимовой. Но ей, конечно, «хочется чаще радовать своего внутреннего живописца, брать его на руки и уводить в тихое место – на этюды или закрывать в мастерской, выбрасывать ключ, отключать телефон...» Хочется, чтобы оставалось время просто на созерцание красоты... На что Оле отвечает её давний наставник и друг, теперь уже ушедший в мир иной М.М. Гардубей: «Лучистым взглядом, светом и цветом ты делаешь время добрее, и оно не спешит...»

«Время – это, прежде всего, люди, встречи, пока всё это есть рядом – жизнь продолжается» (О. Трофимова).

Коротко об авторах

АГАБЕКЯН Анаит Меликовна. Родилась 11 марта 1987 г. в Ереване, Армения. В 1989 г. после Спитакского землетрясения переехала с семьей на Донбасс.

В 2004 г. с красным дипломом окончила экономический факультет Донецкого национального технического университета. Работает в Донецком художественном музее, параллельно получает второе высшее образование (культурология). Пишет стихи и прозу. Лауреат литературных премий им. Алины Остафийчук, им. Олега Герасимова и им. «Молодой гвардии». Публиковалась в коллективных сборниках, литературных альманахах и журналах Донбасса, России и Белоруссии. Член ЛитО авторов Донбасса «Стражи веснь» и Межрегионального союза писателей. Автор книги «Тирановремя». Живёт в Донецке.

АНДРЕЕВА Ирина Андреевна (настоящая фамилия Катова). Родилась в д. Партизан Тюменской области в простой семье. После школы поступила в Тюменское строительное училище №6, обучение продолжила в Тюменском машиностроительном техникуме на отделении ПГС. Получив диплом, вернулась в свою родную деревню, работала мастером на жилых и промышленных объектах. Литературным творчеством стала заниматься в тридцать лет. В 2010 году вышла первая книга рассказов и повестей «Знак бесконечности». Автор двухтомника «Рябиновые бусы», «Деревенское солнце», «Белые крылья печали», «Осколки радуги», «От речки до печки» и др. Член Союза писателей России. Живет в пригороде Тюмени.

БАЛТИН Александр Львович. Родился в Москве в 1967 году. Член Союза писателей Москвы. Публиковался в журналах «Юность», «Москва», «Нева», «Дети Ра», «Наш современник», «Вестник Европы», «Зинзивер», «Русская мысль», «День и ночь», «Литературная учёба», «Север», «Дон», «Крещатики», «Дальний Восток», «Интерпоэзия» и других. Дважды лауреат Международного поэтического конкурса «Пушкинская лира» (США). Награждён юбилейной медалью портала «Парнас». Номинант премии «Паруса мечты» (Хорватия). Государственный стипендиат Союза писателей Москвы. Лауреат газеты «Литературные известия» (2020). Лауреат Всероссийской премии «Левша» имени Н.С. Лескова (2021). Лауреат премии им. Б. Корнилова «На встречу дня!» (2022) и других.

БАШМАКОВ Николай Борисович. Родился в 1949 году в Свердловской области. Окончил Тюменское высшее военно-инженерное командное училище и Московскую военно-инженерную академию. Военный инженер. Во время прохождения службы награждён орденом «За службу родине в ВС СССР» III степени, медалью правительства Польской Народной Республики, медалями «За безупречную службу». После выхода в отставку всерьёз увлёкся литературной деятельностью. Награждён орденом Достоевского II степени. Прозаик, публицист. Член Союза писателей России. Автор восьми книг прозы. Публикуется в российских, белорусских журналах и на интернет-сайтах

БЕЛОУСОВ Роман Николаевич. Родился в 1973 году в городе Калач-на-Дону Волгоградской области. Окончил Волгоградский государственный университет. Работал журналистом в городских и районных газетах, помощником настоятеля Калачёвского Свято-Никольского кафедрального собора по связям

с общественностью и СМИ. Автор книги «Полтора века Свято-Никольского храма», посвящённой истории собора. В разное время являлся внештатным корреспондентом различных информационных ресурсов и проектов – «Полит-грамота», АПН, «Православие и мир» и других.

ВИТЮК Игорь Евгеньевич. Поэт, публицист и литературный критик, ветеран боевых действий, полковник запаса. Родился 22 сентября 1960 года в г. Житомире Украинской ССР. Окончил инженерный факультет Житомирского высшего училища радиоэлектроники ПВО, которое окончил с отличием в 1982 г. с присвоением воинского звания лейтенанта инженера. Автор более 50 научных трудов в области обоснования и испытаний сложных систем ПВО. Автор пяти книг стихов и военно-исторической публицистики. Печатался в журналах: «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Смена», «Морской сборник», «Московский вестник», «Поэзия», «Истоки», «Дніпро», «День поэзии» и др. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Член и секретарь Союза писателей России.

ДЕВЯТКОВ Вячеслав Владимирович. Родился в 1969 году в селе Болчары Тюменской области. Своими предками считает поморов, коренных жителей Вологодской, Архангельской областей. Служил в Советской армии, учился в Тюменском государственном университете, был сотрудником правоохранительных органов, трудился в областных печатных изданиях корреспондентом, обозревателем, ответственным секретарём. Выпустил несколько поэтических сборников. Стихи печатались в альманахе «Врата Сибири», «Литературной газете», газетах «МК в Тюмени» и «Тюменская правда», литературных журналах «Александръ», «Бийский вестник», «Молодая гвардия», и других. Является одним из победителей конкурса патриотической поэзии «ЗНАНИЕ.АВТОРЫ» Российского общества «ЗНАНИЕ», дипломантом Международного литературного конкурса имени М. Исаковского «Связь поколений – 2023», лауреатом национальной премии «Золотое перо Руси – 2024». Член Союза писателей РФ. Живёт в Тюмени.

ДЕНИСЕНКО Кристина Викторовна. Родилась в 1983 году в Донбассе. Печаталась в поэтических сборниках, литературно-художественных журналах, литературной периодике. Автор нескольких книг. Победитель, лауреат, дипломант поэтических конкурсов. Член Межрегионального союза писателей. Живёт в городе Юнокоммунаровск (ДНР, Россия).

ДРОБИНИН Андрей Владимирович. Родился в 1961 году в г. Лабитнанги Тюменской области. После службы в Вооруженных силах СССР работал токарем на производстве. Принимал участие в строительстве газопровода Уренгой-Помары-Ужгород. Профессиональный юрист. Окончил судебно-прокурорский факультет Свердловского юридического института имени Р.А. Руденко. 20 лет работал в органах прокуратуры Ямало-Ненецкого автономного округа.

ДЮКАЛОВ Сергей Викторович. Родился в Перми в 1950 г. Детские годы прошли в Башкирии. Закончил Тюменский индустриальный институт (ныне нефтегазовый университет). Увлечение поэзией сохранил с молодости, серьезно писать начал с 2006 г. Публиковался в местной периодической печати, в ряде коллективных сборников, а также в альманахах «Литературный факел» (Москва) и «Врата Сибири» (Тюмень). В 2008 г. стал лауреатом всероссийско-

го литературного конкурса «Факел», а в 2011 г. – премии «Золотое перо Газпрома». Издал две книги стихов: «Строгая нежность» и «Сердце мое – река».

ЕРМОЛАЕВ Валерий Николаевич. Родился 8 июля 1947 г. в Тавде.

Окончил Ленинградскую, ныне Санкт-Петербургскую Академию художеств. Был рабочим, музыкантом, художником-преподавателем, возглавлял отдел культуры, был заместителем главы администрации города. Почетный гражданин Тавдинского района.

В 2002 году увидел свет литературно-художественный, историко-краеведческий журнал «Веси», главным редактором которого стал В.Н. Ермолаев. Автор-составитель Тавдинской энциклопедии и энциклопедии Нижнетавдинского района. Редактор-составитель антологии нижнетавдинской поэзии. Победитель Всероссийской литературной премии «Венец». Член Союза писателей России.

КИРИЛЛОВ Николай Петрович. Родился в лесном посёлке Конёво Вологодской области. Всю жизнь работал трактористом, много читал и с раннего детства писал стихи. Автор нескольких поэтических сборников. Публиковался в литературных альманахах, на сайте «День литературы», «Русская народная линия», «Русское воскресенье» и др., был победителем нескольких литературных конкурсов.

КЛИШЕВ Сергей Николаевич. Родился 13.09.1967 года в д. Осинцево Абатского района Тюменской области. В 1986 году был призван в ряды Советской армии, после учебки направлен в Афганистан. Участвовал в боевых действиях, за успешное выполнение боевых задач командования награждался грамотой, благодарностью, награждён медалями и орденом «Красной звезды». После службы работал в совхозе «Шевыринский». В 1995 году поступил на службу в органы внутренних дел, затем продолжил службу в УИН. В 2011 году вышел на пенсию в звании майора внутренней службы. Женат, есть дети и внуки.

КОНСТАНТИНОВ Сергей Олегович. Родился в 1960 году в Тюмени. Окончил Тюменский государственный архитектурно-строительный университет и Тюменский государственный университет «Президентская программа по подготовке управленческих кадров».

Служил по контракту, участник боевых действий в Чеченской Республике. С 2022 года до конца 2024 года принимал участие в СВО. Службу вынужден был оставить после тяжёлого ранения. Литературным творчеством начал заниматься ещё во время срочной службы в армии, сотрудничал с различными газетами, работал в издательском бизнесе. Имеет пять детей, старший сын принимает участие в СВО, награждён орденом Мужества.

КОСИН Егор (настоящее имя Ефимович Игорь Аркадьевич). Родился в 1955 году в Перми. В 1969 году приехал в Тюмень, окончил машиностроительный техникум, индустриальный и патентный институты. Кандидат технических наук, профессиональный инженер Тюменской области, изобретатель СССР, доцент ТИУ. Автор нескольких десятков изобретений, рационализаторских предложений, более ста научных публикаций. Стихи пишет с юности, публиковался в коллективных сборниках и альманахах, местных областных газетах, издал книгу «От тоста – к тосту». Увлекается фотографией. Живет в Тюмени.

КОСПОЛОВА Наталия Эмильевна. Родилась в Ханты-Мансийске, пишет под псевдонимом Лариса Грач, по профессии реставратор, в Москве вышла её поэма памяти московского реставратора Алексея Гладова, с которым вместе они планировали восстанавливать росписи в Георгие-Вознесенском храме г. Тюмени. Реставрировала Троицкий собор. Училась в Суздале, Москве, Петербурге. В Подмоскovie организовала детскую студию «Этюд» при элитной школе. Работает в музее «Царская пристань» – дизайнер выставок. Стихи печатались в Москве, Владимире, Тюмени. Автор комплекса исследований по теме «Синергетика и искусство» и работ об этносе манси. Живёт в Тюмени.

ЛЯМИНА (НАУМОВА) Анна Викторовна. С детства пишет прозу, киносценарии. Победитель и призёр Всероссийских журналистских и литературных конкурсов, в том числе Национальной литературной премии «Золотое перо Руси», номинация «Историческое наследие» (2022 г.), лауреат (2024), литературный конкурс журнала «Север» (2023 г.). Работает журналистом в редакции районной газеты «Красная звезда» Викуловского района Тюменской области. Член Союза журналистов России.

МИХАЙЛОВСКИЙ Валерий Леонидович. Родился 13 июня 1953 года в городе Хмельник Винницкой области в центральной части Украины. Окончил Винницкий медицинский институт им. Н.И. Пирогова и был направлен на работу в Свердловскую область, станция Дружинино. С 2001 года работал психотерапевтом в «ООО «КОД». Занимается исследованиями миграционных, социально-демографических процессов финно-угорских народов. Автор более тридцати научных работ. Руководитель и идеолог нескольких крупных многопрофильных исследовательских научных экспедиций. В 2018 году построил на собственные средства этно-литературный музей «Щука» в Нижневартовском районе. Пишет на русском и украинском языках. Отдельные произведения Валерия Михайловского были переведены на английский, итальянский и украинский языки. Трижды был лауреатом премии губернатора ХМАО-Югры в области литературы. Член Союза писателей России. Член Русского географического общества.

МОЛДОВАНОВ Владимир Валентинович. Родился 25 февраля 1965 г. в с. Усалка Ярковского района Тюменской области. После школы и службы в армии окончил Тюменский сельскохозяйственный институт (1989), Тюменский государственный университет (2002). В содружестве с тюменским художником-иллюстратором Натальей Ворониной Молдованов издал две книги – сборник стихов «Послевкусие юности» (2020) и юмористическую «Сказку про Ваню» (2021). Дипломант Всероссийского поэтического конкурса «Отцовский след», (г. Тольятти, 2022) и V Всероссийского конкурса стихов и рассказов о животных «Рядом-2022». Член Союза писателей России. Живет в Тюмени.

МУРЗИН Валерий Николаевич. Родился в 1972 г. в Белгороде. Окончил Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова. Служил в пограничных войсках России на Дальнем Востоке, Средней Азии, Кавказе и на западной границе. Участник боевых действий. Выпускник Литературных курсов 2020 г. Пишет стихи и прозу. Член Союза писателей России. В настоящее время служит заместителем командира отряда «Ермак» по политико-воспитательной работе в Новороссии.

НЕКРАСОВСКИЙ Марк Викторович. Родился в 1965 году в Луганске. Окончил Ворошиловградский государственный педагогический институт (исторический факультет). Поэт, прозаик, детский писатель. Автор четырех книг: «Мы Одиссеи в жизни и любви» (2006), «Мы все же достигаем высоты» (2007), «Танго смерти» (2016), «Кровавая пыль. Летопись войны» (2022). Лауреат литературной премии имени М. Матусовского. Лауреат фестиваля «Пушкинское кольцо – 2010» (Черкассы). Призёр VIII Международного фестиваля в Дюссельдорфе, победитель в нескольких номинациях Международного фестиваля «Пристань менестрелей» (Балаклава, 2010) и др. Член Союза писателей России. Живет в Луганске.

НЕРАДОВСКИХ Вадим Ибрагимович. Родился в 1951 г. в Алма-Ате. Окончил Свердловское высшее военно-политическое училище. Поэт, прозаик. Дважды принимал участие в Международном научно-творческом симпозиуме «Волошинский сентябрь», где сделал сообщение о своем открытии механизма автоматического образования сквозных рифм в венках сонетов (2021) и представил новую твёрдую сонетную форму – зеркальную двойчатку «Отчаяние» на Международном научно-творческом семинаре «Школа сонета» (2022). Публиковался в газетах «Уральские военные вести» и «Тюменская область сегодня», в альманахах «Гиперборей» и «Паравоз». Живёт в Тюмени.

НЕЧИПОРУК Иван Иванович. Коренной горловчанин, родился 24 июня 1975 г.р. Автор нескольких книг стихов, прозы и очерков. Публиковался в литературных журналах России, Украины, Белоруссии, Молдавии, Киргизии, Казахстана, Узбекистана, Болгарии, Германии, Канады Австралии. Зампредседателя Межрегионального союза писателей, член СП России и Славянской литературно-художественной академии (Болгария). Лауреат литературных премий им. А. Куприна («Гранатовый браслет»), им. В. Даля, им. М. Матусовского, им. Молодой гвардии и др. Живёт в Горловке, Донбасс.

НИКУЛИНА (Пономарёва) Надежда Александровна. Кандидат филологических наук, доцент. Родилась в г. Тюмени, раннее детство провела в сибирской деревне Королёво (Гольшмановский р-н., Тюменская обл.), окончила среднюю школу №1 в р.п. Гольшманово, а затем Тюменский государственный университет. После университета преподавала литературу в Тюменском государственном институте искусств и культуры, в Тобольском государственном педагогическом институте имени Д.И. Менделеева. В настоящее время проживает в г. Тюмени, работает в Тюменском индустриальном университете.

ОМЕЛЬЧУК Анатолий Константинович. Русский писатель, автор 55 книг документальной прозы. По сценариям А. Омельчука снято около 300 документальных фильмов. Лауреат Большой литературной премии Союза писателей России. Почётный гражданин Тюменской области, член высшего творческого совета Союза писателей России. Заслуженный работник культуры РФ.

ПЕРУНОВ Сергей Александрович. Родился в 1976 году в г. Шадринске Курганской области. Учился на физико-математическом, филологическом факультетах Шадринского государственного педагогического института (теперь – университет). Служил в армии. Работал сторожем, разнорабочим, грузчиком, учителем физики, русского языка и литературы. С 2003 года служит в МВД. Член Союза писателей России с 2016 г., автор трех поэтических сборни-

ков, лауреат Литературной премии Уральского федерального округа (2016 г.). С 2019 года живёт в Тюмени.

ПЕТРУШИН Александр Антонович. Родился 15 марта 1950 года в д. Новотроица Нижнетавдинского района Тюменской области. Историк-краевед, кандидат исторических наук. Окончил историко-филологический факультет Тюменского педагогического института, в 1976 г. – высшие курсы КГБ СССР, в 1993 г. – аспирантуру Академии Министерства безопасности РФ. Работал учителем истории в школе. Служил в железнодорожных войсках. С 1975 г. – в органах государственной безопасности.

В 1999 г. вышла первая книга писателя – «Мы не знаем пощады»: известные, малоизвестные и неизвестные события из истории Тюменского края по материалам ВЧК-ГПУ-НКВД-КГБ». Затем – «На задворках гражданской войны» (в 3-х кн. 2003–2005). В соавторстве с писателем и главным редактором газеты «Тюменский курьер» Р.С. Гольдбергом А. А. Петрушин провел большую работу над созданием пятитомника «Запрещенные солдаты». Книга «Тюмень без секретов» вышла уже в двух изданиях (2011, 2014). Автор сценариев почти десятка документальных фильмов. Член Союза журналистов России. Живет в Тюмени.

ПЛЮХИН Павел Семёнович. Родился в 1948 году в селе Карагайском Верхнеуральского района Челябинской области. По окончании Челябинского института механизации и электрификации сельского хозяйства работал в нём же научным сотрудником, затем на нефтяных промыслах Самотлора, Мегиона, Повха, Покачей, Варьегана. Первый сборник «Гуси-лебеди» вышел в 1996 году, затем свет увидели ещё 9 книг и десятки публикаций в коллективных изданиях, литературных журналах и альманахах. Член Союза писателей России. Кандидат технических наук. Живёт в Тюмени.

ПОЛЯКОВ Юрий Михайлович. Советский и российский писатель, поэт, драматург, киносценарист и общественный деятель, председатель Национальной ассоциации драматургов, главный редактор «Литературной газеты» (2001–2017). Член Правления Союза писателей России. Родился 12 ноября 1954 года в Москве в рабочей семье. Способности Полякова впервые выявила школьная учительница литературы И.А. Осокина. Окончил факультет русского языка и литературы МОПИ имени Н.К. Крупской по специальности «Русская филология». Широкую популярность писателю принесли повести «Сто дней до приказа» и «ЧП районного масштаба», написанные в самом начале 1980-х годов. Свои философские наблюдения над жизнью современного общества Поляков отразил в книгах «Демгородок», «Апофегей», «Козлёнок в молоке».

РАДАЕВА Светлана Анатольевна. Окончила Ишимский пединститут им. П.П. Ершова, занимается литературным творчеством для детей, автор нескольких книг сказок. Была победителем областного конкурса молодых авторов, участником семинара молодых писателей в Каменске-Уральском, стала дипломантом Международного конкурса творчества для детей и подростков им. П.П. Ершова, входила в короткий список конкурса «Гипертекст». Живет в Ишиме.

САВЕНКОВ Александр Иванович. Родился 10 апреля 1964 года в Горловке Донецкой области. После окончания школы поступил в Туапсинский морской гидрометеорологический техникум. В 1983 году получил диплом

океанолога. Работал в Крыму, на Каспии, в Прибалтике, Карелии, Москве, Донецке. Был шахтёром, поваром, моряком, менеджером. В настоящее время работает строителем в родном городе. Пишет стихи с 33 лет, начинал с авторской песни в 24 года. Печатался в журналах, коллективных сборниках и антологиях. Автор книги «Скудное время». Лауреат литературной премии им. П. Беспощадного. Член Союза писателей России. Живёт в Горловке Донецкой Народной Республики.

СЕРГЕЕВ Дмитрий Алексеевич. Родился в 1956 году в пос. Родаково Ворошиловградской области. После школы работал учеником токаря, токарем, короткое время – постовым милиционером в ясиноватском линейном отделе железнодорожной милиции. Окончил исторический факультет Донецкого государственного университета и факультатив лекторов-искусствоведов в этом же университете (1982). Служил в армии, в группе Советских войск в Германии (1974–1976 годы). Работал учителем истории в школах Донецкой области, в 1984 году переехал в Сургут. Работал в Сургутской средней школе №2 и Сургутском городском отделении милиции №3. Входил в состав редколлегии литературно-художественного альманаха «Сургут литературный». Вел литературную студию «Светоч» для начинающих литераторов при городском Доме журналистов. Издал семь авторских сборников стихотворений. Член Союза журналистов России, член Союза писателей России. С 2015 г. живет в Тюмени.

СТЕШЕНКО Александр Георгиевич. Доцент, кандидат технических наук. Работал заведующим кафедрой АСУ, топ-менеджером компьютерной компании, был одним из руководителей комитета связи и информатизации областной администрации. В настоящее время сфера его интересов лежит в творческой области. Член Союза писателей России. Живет в Тюмени.

СТЕЦИВ Ирина Юрьевна. Русская поэтесса и писательница. Родилась в селе Шангалы Устьянского района Архангельской области. Окончила филологический факультет Тобольского пединститута и Тюменский государственный университет по специальности «Юриспруденция». На Севере живёт с 1979 года. Автор книги прозы «Золотые горы», поэтических сборников «Малахитовое небо», «Любить не поздно». Стихи и рассказы Ирины Стецев включены в «Антологию ямальской литературы», альманахи «Окно на Север», поэтические сборники «Женщина талантлива от Бога», «Влюблённые звёзды», «Новгородское вече», «Поэты и писатели Новгородской области». Как публицист под псевдонимом Ирина Архангельская печаталась в газетах «Российская Федерация», «Красный Север», журналах «Ямал – сокровищница России», «УРФО», «Национальная стратегия», «Сибирское богатство», «Газовый бизнес» и других. Член Союза писателей, Союза журналистов России. Ветеран Ямало-Ненецкого автономного округа.

ТОРОПОВ Игорь Валентинович. Родился в 1960 году в Тюмени. С детства увлечён литературой. По образованию – геодезист, топограф. В настоящее время трудится в области картографии и кадастра. В свободное время пишет стихи под псевдонимом Николай Нидвораев. Публиковался в ряде интернет-изданий. Проживает в городе Тюмени.

УРЕЦКИЙ Владимир Янович. Родился в 1966 году. Член Союза журналистов России и Республики Татарстан, действительный член Императорско-

го Православного Палестинского Общества (ИППО), исследователь русской культуры в Республике Татарстан, общественный деятель, автор публикаций в старейших российских журналах: «64 – Шахматное обозрение» г. Москва, журнал «Север» г. Петрозаводск, литературный альманах «Царицын» г. Волгоград, альманах «Крылья» г. Луганск, «Казань», «Татарстан», «Казанский альманах» и др. Живёт в Казани.

ХАПЛАНОВА Елизавета Николаевна. Поэт, публицист, краевед. Член Союза писателей России, Славянской литературно-художественной академии, правления Межрегионального союза писателей, заместитель председателя донецкого регионального отделения МСП. Родилась в Макеевке. Окончила Харьковский национальный университет внутренних дел, юрист. В настоящее время – студентка Литературного института им. Горького. С 2021 года проживает в Москве. Автор семи поэтических и публицистических книг, публикаций в журналах и коллективных сборниках. Главный редактор альманаха «Литературная Макеевка», заместитель редактора журнала «Пять стихий». Лауреат литературных премий им. О. Бишарева, им. М. Матусовского, им. Молодой гвардии, «Гранатовый браслет» им. А. Куприна и др. Автор и ведущая литературно-музыкального проекта «Слово Донбасса», проводимого при поддержке Союза писателей России.

ЦЕЛЫХ Сергей Михайлович. Родился 23 мая 1951 года в с. Вознесенка Приишимского (ныне Бишкульского) района Северо-Казахстанской области. После окончания школы поступил в ГПТУ – 25 г. Петропавловска, где и получил свою первую профессию токаря-универсала. Затем завод, служба в рядах Советской армии и снова завод. Работая, окончил Петропавловский филиал УПИ. Тогда же начал писать стихи. Публиковался в районных, областных и центральных российских газетах, журналах, альманахах. Автор книги «Чтобы сердцем...», «Бунтарь» (2018).

Более 30 лет прожил на севере, в Нефтеюганском районе, последние годы живёт в Тюмени.

ЯБЛОКОВА Ирина Владимировна. Родилась в Тюмени. Училась на историческом факультете Тюменского госуниверситета и на факультете теории и истории искусства Санкт-Петербургского государственного академического Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. Работала в Тюменском областном музее изобразительных искусств (зав. отделом классического искусства), в Тюменском институте культуры (библиотекарь Научной библиотеки ТГИК и преподаватель истории искусства). В настоящее время продолжает преподавать в Институте культуры, занимается выставочной деятельностью и популяризацией творчества художников Тюмени и Тюменской области.

ЯГАФАРОВ Роберт Аликович. Родился в 1970 году, окончил Тюменский индустриальный институт (горный инженер) и современный гуманитарный институт (менеджмент). Писать рассказы начал несколько лет назад, выкладывает их в интернет. В 2016 году учился в школе Татьяны Толстой и Марии Голованивской «Хороший текст», участвовал в выездной литературной мастерской CWS Майи Кучерской «Город как текст» в Праге. Живет в Тюмени.

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

На вклейках:

Живопись, графика, театральные работы тюменского художника
Ольги Федоровны Трофимовой, фотографии из архива художника.

На обложке:

Трофимова О. Время вишен, время книг,
время кофе. 2014. Холст, масло (центр. часть триптиха).

Альманах зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу –
Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ72-01429 от 10 февраля 2017 г.

Журнал издается при финансовой поддержке Правительства Тюменской области.
Выходит два раза в год. Издается с 1999 года.

Адрес редакции:

625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81
тел./факс: (3452) 49-00-18
e-mail: ivanovlk@yandex.ru

Учредитель и издатель: АНО «Тюменская область сегодня».
625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81, 4 этаж, оф. 410
Главный редактор Гимпелевич Илона Станиславовна

тел. (3452) 49-00-18, e-mail: editor@tumentoday.ru

Подписано в печать 15.05.2025 г.
Дата выхода номера в свет 16.06.2025 г.
Формат 70x108 1/16 Бумага ВХИ.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,85.

Тираж 1 200 экз. Заказ № 239. Цена свободная.

Журнал отпечатан в типографии АО «ИИЦ «Красное знамя».
625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6.

Верстка номера: Герц Алена Денисовна.

Корректор: Александрикова Александра Владимировна.

Рукописи редакцией не рецензируются и не возвращаются. По желанию автора
рукопись может быть возвращена, если ее объем не менее: проза – 10 а.л., поэзия – 5 а.л.,
публицистика – 3 а.л. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую
справку.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут
не совпадать с мнением редакции.

Перепечатка материалов и их распространение, в том числе в электронной версии,
допускаются только с разрешения редакции. Ссылка на «Врата Сибири» обязательна.

